

КОРНЕЛИЙ НЕПОТ

О ЗНАМЕНИТЫХ
ИНОЗЕМНЫХ
ПОЛКОВОДЦАХ

КОРНЕЛИЙ НЕПОТ

О ЗНАМЕНИТЫХ ИНОЗЕМНЫХ ПОЛКОВОДЦАХ

ИЗ КНИГИ О РИМСКИХ ИСТОРИКАХ

Перевод, статьи и комментарии
Н.Н. Трухиной

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1992

ББК 63.3(0)3
К67

Рецензент:
доктор исторических наук *И. Л. Маяк*

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Корнелий Непот

К67 О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках / Пер. с лат. и коммент. Н. Н. Трухиной.-М.: Изд-во МГУ. 1992.—208 с.

ISBN 5-211-01057-4

Корнелий Непот — автор I в. до н. э., современник и друг Цицерона, Катулла и Аттика. Предлагаемая публикация — сохранившаяся часть обширного сочинения Непота «О знаменитых людях»; даны жизнеописания прославленных полководцев и известных политических деятелей (Мильтиада, Ганнибала, Фемистокла, Аристиды и др.), а также менее известных, но ярких исторических фигур (Фрасибула, Ификрата, Хабрия).

Римские историки представлены именами М. Порция Катона и Т. Помпония Аттика. Рассказы Непота изобилуют яркими происшествиями и дают краткую «историю в лицах».

Для историков, филологов, исследователей античности и широкого круга читателей.

К 0503010000-027
077 (02)-92 КБ —46—76—91

ББК 63.3 (0) 3

ISBN 5-211-01057-4

© Издательство Московского
университета, 1992.

КНИГИ КОРНЕЛИЯ НЕПОТА

ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ОЧЕРК

О жизни Корнелия Непота сохранилось мало сведений. Известно, что родился он около 109 г. до н.э. на севере Италии в одном из городков Паданской равнины в семье, принадлежавшей к всадническому сословию. Лучшие годы его прошли в Риме среди столичных поэтов, писателей, издателей книг. Близкими друзьями Непота были знаменитые литераторы тех лет — его земляк, поэт-веронец Гай Валерий Катулл, великий оратор и писатель Марк Туллий Цицерон, кропотливый антикварий и владелец лучшей рукописной мастерской Тит Помпоний Аттик. Литературная репутация самого Непота выглядит не столько блестящей, сколько добротной и устойчивой. Цицерон полушутя-полусерьезно назвал его в одном из писем «бессмертным» (К *Аттику*, XVI, 5); Катулл с уважением отзывался о его историческом труде; Геренний Север, любитель литературы, живший в эпоху Траяна, разыскивал его портрет для своей домашней библиотеки; христианский писатель IV в. Иероним именoval его знаменитым историческим писателем.

От большинства творений Непота остались одни названия. В «Аттических ночах» Авла Геллия и в посвяtitельном стихотворении Катулла поминается непотова Хроника — Всеобщая История в 3-х книгах:

Ты безделки мои считал за дело
В годы те, когда первым среди римлян
Судьбы мира всего вместить решился
В три объемистых и ученых тома...

(Перевод А. Пиотровского)

Тот же Геллий цитирует сочинение Непота под названием «Примеры», содержавшее по меньшей мере 5 книг (VII, 18). Очевидно, это было собрание поучительных исторических анекдотов вроде сборника Валерия Максима, дошедшего до наших дней. Сам Непот ссылается на большую биографию Катона Старшего, написанную им по просьбе Аттика (см. жизнеописание Катона); по свидетельству Геллия, существовала и отдельная непотова биография Цицерона в нескольких книгах (XV, 28). Кроме того, у римских авторов встречаются какие-то фрагменты из Непота географического содержания, упоминаются его шуточные поэтические опусы, имеются ссылки на изданную переписку его с Цицероном.

Самое интересное для нас сочинение Непота называлось «О знаменитых людях». Прямые упоминания о нем встречаются у Авла Геллия (II в. н. э.), грамматика Харизия (IV в. н. э.) и комментатора «Энеиды» Сервия (IV в. н. э.). Этот объемистый сборник

состоял не менее чем из 16 книг (Харизий цитировал 15 и 16 книги), содержавших биографии выдающихся людей, сгруппированные по сериям. Очевидно, отдельные книги представляли собой жизнеописания знаменитых полководцев, историков, поэтов, грамматиков, ораторов и т. д. Во всяком случае Светоний пользовался данными Непота о поэтах и грамматиках (*Теренц*, I; Грам. 4), а сам Непот в жизнеописании Диона (гл. 3) ссылается на свою книгу о греческих историках. Поскольку в рукописях дошедших до нас жизнеописаний встречаются письма Корнелии, матери Гракхов, можно предположить, что была книга, посвященная выдающимся женщинам.

Чтобы оценить творчество Непота, бросим взгляд на развитие римской литературы и состояние ее читательской аудитории.

Римская литература родилась в первый год по окончании 1-ой Пунической войны (240 г. до н. э.), в день постановки переводной греческой драмы. Начинаясь она с «перелицовки» греческих пьес и на протяжении почти ста лет сохраняла (невзирая на появление крупных талантов) ученическо-подражательный характер. До середины II в. латинские авторы старались писать как греки, а первые римские историки даже составляли отечественные Летописи (Анналы) на греческом языке. Читающая публика этого «архаического» периода состояла из элиты просвещенных аристократических семей и тонкой верхней прослойки всаднического сословия, связанной со столичной знатью. Почтенные богатые семьи середины II в. ступали одной ногой на порог литературных салонов, увязая другой в исконном дедовском невежестве. Так, Луций Муммий, консул 146 г., выходец из всаднического сословия, завоевав Коринф и распорядившись о вывозе из него бесценных старинных картин и статуй, предупреждал исполнителей своего приказа: «Если с этими вещами что случится, то вы должны будете изготовить новые» (*Веллей Патерк.* I, 13, 4). В то же время брат консула, Спурий, входил в ученый кружок Сципиона Эмилиана и по праву считался одним из образованнейших людей своего времени.

В новую историческую эпоху, наступившую после разрушения Карфагена (146 г.), римляне могли уже состязаться со своими греческими учителями. Почин патристическому соревнованию положил Марк Порций Катон, один из героев жизнеописаний Непота, первый римский историк, писавший на латинском языке. Его примеру последовало среднее поколение анналистов, пришедшее в литературу после его смерти (149 г.). Во 2-ой половине II в. приобрел гибкость литературный латинский язык, твердую позицию завоевали национальные литературные жанры: комедия тоги потеснила комедию греческого плаща; из гуши народной жизни пришли на сцену «кабацкие пьесы» и древняя итальянская комедия масок — ателлана; в творчестве Луцилия приобрела каноническую форму оригинальная римская сатира; выдающиеся ораторы рубежа II—I вв. Марк Антоний и Луций Красс, по отзыву Цицерона, сравнивались с греческими мастерами слова.

Корнелий Непот родился как раз в то время, когда римская

литература достигла поры зрелости. Вместе с ним в мир пришло поколение великих талантов. Сверстниками Непота были: Цицерон, ставший для потомков энциклопедией античной языческой культуры; Варрон Реатинский — филолог-эрудит, знаток отечественной старины, один из плодовитейших писателей древности; Цезарь — гордость латинской прозы. Следом за ними выступали авторы, родившиеся в 90—80-е гг. I в. до н. э., «младшие братья» непотова поколения: лирический певец Катулл, великий поэт-философ Лукреций, мастер исторической монографии Саллюстий. В старости Непот застал первые произведения Вергилия и Горация (30-е гг. I в. до н. э.), незадолго до его смерти (29 г. до н. э.) Тит Ливий начал работать над монументальной «Историей Рима от основания города».

Великие имена блистали на фоне множества второстепенных талантов. Рим I в. до н. э. изобиловал как профессиональными сочинителями, так и авторами-дилетантами. Читательская аудитория расширилась до границ мало-мальски состоятельного и почтенного общества: рассказ о детстве писателя Горация показывает, что в это время даже мелкий служащий откупной компании старался пристроить сына в риторскую школу столицы. Появилась масса простых читателей, не знакомых с греческим языком, возник спрос на переводную литературу. Переводом и популяризацией философских сочинений занимался, например, Цицерон. Можно сказать, что во времена Непота все сколько-нибудь досужие граждане читали, все сколько-нибудь светские люди писали, упражняясь в самых разных жанрах — стихах, исторической прозе, научных исследованиях. Пылкие любители словесности, мало способные к живому творчеству, составляли генеалогические таблицы и хронологические справочники, организовывали литературные кружки и библиотеки, занимались размножением и продажей книг. К числу таких энтузиастов-дилетантов принадлежал Тит Помпоний Атик — богатый римский всадник, знаменитый издатель, чья большая биография венчает сохранившийся сборник непотовых жизнеописаний.

Что касается римской историографии, на попрание которой подвизался Непот, то начиналась она в Риме с Анналов — летописей отечественной истории, излагавших события от основания Рима до последних лет автора. Этот монументальный жанр, уходящий корнями в календарные хроники жрецов-понтификов, образовал главное направление римской исторической прозы. Развивали его три поколения историков-анналистов, вырабатывавших форму соединения прагматического (событийного) и риторического (художественного) повествования, вершиной его стал труд Тита Ливия, благодаря которому римская историография впервые достигла вершины мировой славы. Кроме того, со второй половины II в. создавались мемуары и узкие по теме монографии, освещавшие определенные периоды современной истории. От богатой литературы этого типа сохранились до наших дней сочинения Саллюстия и Цезаря.

Произведения Непота не совпадали с традиционными направлениями отечественной историографии. Первым среди римлян, по выражению Катулла, создал он всемирную, т. е. греко-римскую, историю, предшественницей которой может считаться лишь Всеобщая История грека Полибия. Небольшой объем этого сочинения, уместившегося в 3-х книгах, намекает на облегченный характер ученого труда, ориентированного, видимо, на широкую публику. Популяризаторская тенденция просматривается также в жанре «Примеров» и в жизнеописаниях знаменитых людей. В предисловии к дошедшим до нас биографиям автор прямо обращается к читателю, не причастному к греческой образованности. Ссылки на неискушенную аудиторию встречаются также в биографиях Эпаминонда и Пелопида. Таким образом, даже при беглом взгляде на творчество Непота, этот историк предстает перед нами как популяризатор и новатор.

Эти характеристики особенно остро подчеркиваются в солидном исследовании Йозефа Гайгера «Корнелий Непот и античная политическая биография» (1985 г.). Более того, немецкий историк переворачивает наши представления о месте Непота в античной литературе, присуждая своему герою титул изобретателя политической биографии. Определяя подлинную биографию как рассказ о жизни человека с его рождения до смерти, Гайгер убедительно доказывает, что в греческой литературе этой формуле соответствовали лишь сравнительно краткие жизнеописания деятелей культуры: философов, поэтов, риториков и т. д. Факты из жизни политиков и полководцев содержались, по его мнению, либо в крупных исторических сочинениях общего характера, либо в исторических монографиях, посвященных одному герою (типа историй Александра Македонского), либо в хвалебных произведениях типа энкомиев, не отвечавших истинным требованиям биографического жанра.

Кроме того, Гайгер утверждает первенство Непота в изобретении парных, греческих и римских, биографических серий. Заглянув в жизнеописания Ганнибала (гл. 13) и Диона (гл. 3), читатель может убедиться и сам, что параллельно с книгой об иноземных полководцах у Непота была книга о римских военачальниках, а книге о римских историках, в которую входили две уцелевшие биографии, соответствовала книга об историках греческих. По такому же парному принципу строились, очевидно, все 16 (или более) книг непотовых жизнеописаний.

Оригинальную особенность Непота исследователь также видит в том, что объектом его изображения стали герои классического свободного города-государства, а не цари и полководцы эллинистической эпохи, поглощавшие ранее внимание историков. В конечном счете анализ немецкого историка завершается предположением, что биографические книги Непота послужили прямым образцом для Сравнительных Жизнеописаний Плутарха, заимствовавшего у римского предшественника как парное построение сборника, так и состав его героев.

Текст, предлагаемый ныне читателю, считается обычно частью обширного сочинения Непота «О знаменитых людях»: 22 жизнеописания образуют серию, посвященную знаменитым полководцам, биографии Катона и Аттика сохранились как будто бы от раздела о римских историках, отрывок «О царях» напоминает сокращение из какой-то особой книги. На самом деле вопрос о происхождении уцелевших жизнеописаний решается не так-то просто.

Дело в том, что в 45 древних рукописях автором жизнеописаний знаменитых полководцев назван Эмилий Проб, современник императора Феодосия (IV в. н. э.) и только под биографиями Катона и Аттика стоит имя Непота. В конце многих рукописей встречается стихотворное посвящение, написанное от имени автора:

Книга моя, отправляйся и в лучшей судьбе своей помни:
Будет читать государь, пусть знает, что ты моя...
Если про автора спросит, открой потихоньку владыке
Имя тогда ты мое: пусть знает он, что я Проб.
Есть рука матери, деда, моя также в сборнике этом:
Счастливы руки у тех, кто ему мог послужить.

(Перевод В. И. Модестова)

Вследствие таких исходных данных жизнеописания знаменитых полководцев издавались то под именем Проба (до конца XVI в.), то под именами двух авторов, то как произведение одного Корнелия Непота. Еще в начале XIX в. авторство Проба горячо отстаивал немецкий ученый Ранк, в настоящее время предпочтение отдается Непоту. Изящный язык жизнеописаний (при всех отдельных погрешностях против классической латыни), встречающиеся в них ссылки на историческую ситуацию конца Республики, знакомство автора с классической литературой, не характерное для писателей Поздней Империи, наводят на мысль, что Эмилий Проб выступал в роли переписчика и, может быть, «редактора» непотовой книги и что именно в этом смысле восхвалял он коллективное творчество своей семьи. Краткость некоторых жизнеописаний, совершенно конспективный характер фрагмента «О царях» заставляют подозревать сокращение всего или части исходного текста. Только большая прекрасная биография Аттика может быть признана подлинным произведением Непота, сохранившемся в первоначальном виде.

В наше время книги Непота адресуются, по-существу, той же публике, что и две тысячи лет назад — главным образом людям, не искушенным в истории. Текст римского писателя не отпугнет их своим объемом, рассказ его способен развлечь и научить. Надеемся, что, одолев Непота, какой-нибудь любознательный читатель захочет познакомиться с его героями поближе и протянет руку к Сравнительным Жизнеописаниям Плутарха — гениальному учебнику древней истории и общечеловеческой мудрости.

О ЗНАМЕНИТЫХ ИНОЗЕМНЫХ ПОЛКОВОДЦАХ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не сомневаюсь, Аттик, что найдутся многие люди, которые сочтут сочинение подобного рода легкомысленным и не слишком достойным своих важных героев, коль скоро они прочтут сообщение о том, кто учил музыке Эпаминонда, или в перечне его добродетелей встретят упоминание о том, что он изящно танцевал и умело играл на флейте. Но таковыми окажутся, наверное, читатели, чуждые греческой образованности, которые считают правильным только то, что согласуется с их понятиями. Если же они узнают, что все народы понимают достойное и позорное не одинаково, но судят обо всем по обычаям своих предков, то не станут удивляться, что я рассказываю о доблести греков, сообразуясь с их нравами. Не стыдно было, например, великому афинскому гражданину Кимону взять в жены родную сестру, поскольку сограждане его придерживались такого же правила; по нашим же обычаям это считается нечестивым. На Крите юношам вменяется в похвалу иметь как можно больше поклонников. В Лакедемонне нет такой знатной вдовы, которую нельзя было бы пригласить в гости за деньги. Во всей почти Греции большой честью считалось быть провозглашенным победителем на Олимпийских играх, и во всех ее племенах ни для кого не считалось позорным выступать на сцене, теща зрелищем народ; а у нас такие занятия расцениваются либо как позорные, либо как низкие и не совместимые с достоинством. И, напротив, многое из того, что считается по нашим обычаям пристойным, кажется для греков постыдным. Например, кто из римлян постесняется привести на пир жену? Или чья мать семейства не занимает почетнейшего места в доме и не бывает в обществе? В Греции все происходит совершенно иначе. К столу, женщина приглашается только в том случае, если собирается родня, и пребывает она постоянно только во внутренней части дома, именуемой гинекеем, куда нет доступа никому, кроме близких ее родственников. Рассуждать об этом дальше мешает как значительный объем сочинения, так и поспешное мое желание изложить тот предмет, за который я взялся. Поэтому приступаю к своему уроку, дабы поведать в этой книге о жизни выдающихся полководцев.

I МИЛЬТИАД

1. Афинянин Мильтиад, сын Кимона, как никто другой почитался среди соотечественников за древность рода, славу предков и собственную скромность. Когда он был в таком возрасте, что сограждане уже не только возлагали на него надежды, но были уверены, что он станет таким человеком, каким ожидали его видеть, — случилось так, что афиняне решили отправить колонистов на Херсонес¹. После того, как определилось большое число поселенцев, и много народу пожелало принять участие в этом предприятии, выборные от колонистов отправились за оракулом в Дельфы — посоветоваться с Аполлоном о назначении подходящего вождя. Дело в том, что переселенцам предстояло сражаться с фракийцами, которые хозяйничали в тех краях. На запрос послов Пифия повелела избрать начальником Мильтиада, прямо назвав его имя; в случае исполнения этого наказа предвещался успех всего дела. По слову оракула Мильтиад посадил отборный отряд на корабли и отплыл в сторону Херсонеса. Достигнув Лемноса, он решил подчинить население этого острова власти афинян и предложил лемносцам, чтобы они покорились добровольно. Те подняли его на смех и ответили, что они примут его предложение тогда, когда он приплывет из дома на Лемнос по ветру аквилону. Ветер же этот, идущий из северных краев, дует навстречу плывущим из Афин. Не имея времени задерживаться, Мильтиад возобновил намеченный путь и достиг Херсонеса.

2. Быстро разгромив там силы варваров, он завладел желанной областью, воздвиг в удобных местах крепости, а всех приведенных с собою солдат наделил землей и обогатил добычей от частных набегов. В этом деле сослужил ему службу и удачливость его, и мудрость, ибо, одолев со своими доблестными воинами вражеское войско, он установил для них справедливейшие порядки и сам решил остаться тут же. При этом он занял у них положение царя, не принимая лишь царского имени, и достиг этого не столько благодаря власти командующего, сколько вследствие своей справедливости. С неослабеваемым усердием служил он и родине своей, Афинам, и потому сохраняя за собой бессменную верховную власть не только по желанию тех, с которыми выселился, но и по воле пославших его. Устроив таким образом дела на Херсонесе, он возвратился на Лемнос и потребовал сдачи города согласно договору: ведь лемносцы обещали сдать его, если он приплывет к ним из дому по северному ветру, а дом его теперь, — говорил он, — находится на Херсонесе. Карийцы, населявшие тогда Лемнос, никак не рассчитывали на такой оборот дела, однако, приняв в расчет не столько свое обещание, сколько удачи противника, не осмелились сопротивляться и покинули остров. С равным успехом Мильтиад подчинил власти афинян и другие острова, именуемые Кикладами².

3. В то же самое время персидский царь Дарий, переведя войско из Азии в Европу, пошел войной на скифов. На р. Истр он

соорудил мост, чтобы переправить армию на ту сторону, а охрану этого моста на время своего отсутствия поручил знатым мужам, пришедшим вместе с ним из Ионии и Эолии,— тем самым, которые благодаря ему стали бессменными правителями своих городов³. Он считал, что легче всего удержит в своей власти население Азии, говорящее на греческом языке, вверив надзор над городами своим друзьям, не имеющим в случае его поражения ни малейшей надежды на сохранение своего благоденствия. В числе этих друзей, охранявших мост, был и Мильтиад. Когда гонцы один за другим стали приносить вести о поражении Дария и о преследовании его скифами, Мильтиад принял убеждать хранителей моста, что нельзя упускать предоставленный судьбою случай освободить Грецию. Ведь если Дарий со всеми переправившимися с ним войсками погибнет, то не только Европа избавится от опасности, но и греческое племя, населяющее Азию, освободится от господства персов и от страха перед ними. Причем сделать это легко! Если они разрушат мост, то царь в скором времени погибнет или от вражеского меча, или от голода. Многие согласились с этим советом, но Гестией из Милета воспротивился задуманному делу. Он говорил, что разный интерес у толпы народной и у них, обладающих верховной властью, поскольку господство их зиждется на мощи Дария. Если она рухнет, то и они потеряют власть и понесут наказание от сограждан. Вот почему он протестует против общего решения, полагая, что для них же будет полезнее, если могущество персидских царей укрепитя вновь. Большинство согласилось с этим мнением, и тогда Мильтиад, не сомневавшийся, что совет его, известный слишком многим, дойдет до ушей царя, покинул Херсонес и снова переселился в Афины⁴. Замысел его, хотя и не осуществленный, достоин великой славы, ибо общую свободу он поставил выше, чем личную власть:

4. А Дарий по возвращении из Европы в Азию внял уговорам друзей, которые советовали ему подчинить Грецию, и снарядил флот из 500 кораблей. Начальниками флота он поставил Датиса и Артаферна, предоставив им 200 тыс. пехотинцев и 10 тыс. всадников, причиной же похода выставил свою вражду к афинянам, с помощью которых ионийцы овладели Сардами и перебили его гарнизон⁵. Царские полководцы привели флот к Эвбее, тотчас взяли Эретрию и, захватив в плен всех граждан этого города, отправили их в Азию к царю. Оттуда они двинулись на Аттику и высадили свои войска на Марафонском поле, расположенном приблизительно в миле от города. Афиняне, потрясенные столь великой и близкой бедой, обратились за помощью не к кому иному, как к лакедемонянам: гонца Фидиппа из разряда так называемых «сорокоходов» послали в Лакедемон с вестью, что афиняне нуждаются в скорейшей помощи, а в самих Афинах были избраны десять полководцев для командования войском, в том числе Мильтиад. Среди этих военачальников шел горячий спор, обороняться ли за городскими стенами или выступить навстречу противнику и дать ему бой⁶. Один Мильтиад настаивал на немедленном выступлении в поле: тогда

граждане, видя, как полагаются на их мужество, воспрянут духом, а враги, заметив, что с ними намерены биться даже малыми силами, утратят свою прыть.

5. В это время ни один город не оказал помощи Афинам — только Платей, приславшие тысячу воинов⁷. После их прибытия число бойцов достигло 10 тыс., и эта маленькая армия горела удивительным боевым духом. Из-за ее настроения Мильтиад получил превосходство над своими товарищами: подчинившись его совету, афиняне вывели войско из города и разбили в удобном месте лагерь. И вот, выстроившись на другой день⁸ в боевом порядке у подножия горы, на довольно пересеченной местности (во многих местах здесь росли одиночные деревья), они вступили в сражение, рассчитывая, что благодаря прикрытию высокой горы и древесному ряду, мешающему коннице, многочисленные враги не смогут их окружить. Датис понимал, что поле боя неудобно для персов, однако, полагаясь на численность своего войска, жаждал скрестить оружие, считая к тому же, что разумнее сразиться до подхода лакедемонской подмоги. Итак, он поставил в строй 100 тыс. пехотинцев и 10 тыс. всадников и начал битву. В этом сражении афиняне проявили несравненную доблесть, разгромив десятикратно сильнее врага и наведя на персов такой страх, что те бежали не в лагерь, а на корабли. Не было еще на свете более славной победы. Никогда еще такая малая кучка бойцов не сокрушала столь мощного воинства.

6. В связи с этой победой не лишним будет поведать и о награде Мильтиада, дабы читатель легче уяснил общие свойства всех народов. Например, у нас, римлян, почести были вначале скромны и редки и потому — высоко ценимы, теперь же воздаются всем подряд и не пользуются уважением. Можно заметить, что так же обстояло дело некогда и у афинян; ибо тому самому Мильтиаду, который спас от рабства Афины и всю Грецию, оказали следующую честь: когда в так называемом Пестром портике была написана картина, изображающая Марафонскую битву, то среди десяти полководцев на первом плане изобразили Мильтиада, ободряющего воинов и подающего знак к сражению. Но впоследствии тот же самый народ, получив верховную власть и развратившись подачками правителей, постановил воздвигнуть 300 статуй Деметрию Фалерскому⁹.

7. После Марафонского сражения афиняне опять поручили Мильтиаду флот из 70-ти кораблей для наказания островов, помогавших варварам. Командуя этими силами, многие острова он снова привел к повиновению, а некоторые завоевал¹⁰. Среди прочих не принял его мирных предложений остров Парос, гордый своими богатствами. Тогда Мильтиад ссадил войско с кораблей, окружил город осадными сооружениями и совершенно лишил его продовольственного снабжения, а затем, соорудив «черепахи» и виньи, придвинулся к стенам. Когда город был уже почти взят, однажды ночью неизвестно почему загорелась вдали на материке роща, видимая с острова. Узрев этот огонь, и горожане и осаждающие

приняли его за сигнал, поданный царскими моряками. По этой причине и паросцы воздержались от сдачи, и Мильтиад, опасаясь прибытия царского флота, сжег осадные сооружения и возвратился в Афины с тем же числом кораблей, с каким отбыл в поход — к великому негодованию сограждан. Тогда ему было предъявлено обвинение в измене: якобы он мог взять Парос, но бросил дело и покинул остров потому, что получил от царя взятку. В это время Мильтиад не мог защищаться, хвораая от ран, полученных при осаде города, так что за него выступал на суде брат его Стесагор¹¹. Рассмотрев дело, суд снял обвинение, грозившее смертью, однако наложил денежный штраф, размер которого определили в 50 талантов, истраченных на содержание флота. Поскольку Мильтиад не мог заплатить такие деньги немедленно, его заключили в тюрьму, и там встретил он свой конец¹².

8. Хотя обвинили его из-за Пароса, причина осуждения была иная: помня о бывшей незадолго до того тирании Писистрата¹³, афиняне боялись всякого своего влиятельного гражданина; им казалось, что Мильтиад, часто занимавший те или иные должности, не вынесет положения частного человека, поскольку привычка должна была возбудить в нем жажду верховной власти. Ведь за все время жизни своей на Херсонесе он был там бессменным повелителем и назывался тираном, хотя и справедливым, поскольку получил власть не насилием, а по желанию своих подчиненных, и сохранял ее благодаря милосердию. Тиранами же называются и считаются правители, облеченные постоянной властью в государствах искони свободных. А Мильтиад отличался и высокой человечностью, и удивительной обходительностью (так что любой самый простой человек имел к нему свободный доступ), пользовался большим авторитетом во всех иноземных государствах, обладал знатным именем и величайшей воинской славой. Учитывая все это, народ решил, что лучше Мильтиаду понести незаслуженную кару, чем афинянам жить в страхе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Херсонес Фракийский.

В образе непотова Мильтиада слились два или три представителя одной семьи. По данным Геродота (VI, 34—39), первым тираном Херсонеса был Мильтиад — современник тирана Писистрата (50-е гг. V в.). По речению Дельфийского оракула он был приглашен на полуостров племенем долонков, страдавших от набегов материковых фракийцев. Выведя на Херсонес афинских колонистов, Мильтиад I перегородил полуостров стеной и стал его властителем. Бездетному Мильтиаду наследовали племянники — Стесагор, а затем Мильтиад, герой Марафонской битвы (род. в 549 г.; на Херсонесе правил: 516—510; 496—493 гг.). Согласно исследованию современных ученых, в 20-х гг. V в. был еще один тиран Мильтиад, сын первого правителя Херсонеса.

² Взятие Лемноса приписывается то старшему, то младшему Мильтиаду. Поход на Киклады — видимо, та экспедиция, что состоялась после Марафонского сражения (см. гл. VII).

³ Скифский поход Дария состоялся около 512 г. до н.э. Иония и Эолия — северная и центральная части Малоазийского побережья, заселенные греками понтийского и зойийского племени. Персы правили греческими городами, опираясь на своих

ставленников — тиранов. Народная партия выступала противницей как персидского господства, так и проперсидских правителей.

⁴ Мильтиад бежал с Херсонеса дважды: в 510 и в 493 г., когда архонт Фемистокл предложил гражданам укрепить Пирей.

⁵ Цифры персидского флота и войск неточны и преувеличены в античных источниках. Так, Непот говорит о 500 кораблях, Геродот — о 600 (VI, 95); Непот называет то 200, то 100 тыс. персидских воинов (ср. гл. 4 и 5). Валерий Максим и Павсаний — 300 тыс., оратор Лсий — 500 тыс. Об участии афинян в сожжении Сард см. вступительную статью.

⁶ Многие афинские должности носили коллегиальный характер. Коллегия 10-ти стратегов формировалась из военачальников, представлявших 10 аттических фил, возглавлял ее древнейший предводитель афинского войска — архонт полемарх. В 490 г. полемархом был Каллимах, чей голос во время спора решил дело в пользу Мильтиада; он оказался в числе 192 бойцов, павших в Марафонском сражении. Мильтиада поддержал также Аристид, уступивший ему свой черед командования (стратегу командовали по очереди, сменяясь каждый день); примеру Аристиды последовали другие военачальники.

⁷ Платей — беотийский городок на границе с Атикой; через 11 лет после Марафонской битвы под Платеями была разбита сухопутная армия Ксеркса. Со времен Марафона на Панафинейском празднике в Афинах глашатай всегда произносил молитву о благополучии платейцев.

Спартанцы, дожидаясь наступления полнолуния, выступили с опозданием и явились на поле боя к моменту захоронения павших.

⁸ Наиболее вероятная дата Марафонского сражения — 12 сентября (6 бездромона) 490 г. См. *Плут. Камилл.* XIX.

⁹ Деметрий Фалерский — афинский философ, поставленный македонским узурпатором Кассандром в качестве правителя города (317—310 гг. до н.э.). Афиняне воздвигли ему за успешное ведение дел 365 статуй — по числу дней в году.

¹⁰ Сведения Непота о походе Мильтиада против островов Эгейского моря очень важны, но спорны; видимо, римский писатель следует здесь Эфору — историку IV в. до н.э. Геродот говорит только об экспедиции на Парос (VI, 132—135). Есть предположение, что древние историки спутали Парос с золотоносным островом Фасосом у берега Фракии.

¹¹ Непот знал, очевидно, иную генеалогию дома Филаидов, нежели Геродот. По Геродоту (VI, 38—39), Стесагор, брат Мильтиада, погиб на Херсонесе Фракийском задолго до этих событий.

¹² Морской поход и смерть Мильтиада относятся к 489 г. Геродот излагал события по-иному (VI, 134—136), Мильтиад, по его свидетельству, покинул остров из-за болезни (вывих бедра), был обвинен за дурное ведение кампании Ксантиппом, отцом Перикла, оштрафован на 50 таланов и скончался вскоре после приговора от гнойного воспаления бедра. Историческая критика считает рассказ Непота анекдотичным.

¹³ Правление тирана Писистрата в Афинах — 560—527 гг. до н.э., с перерывом в 11 лет.

II ФЕМИСТОКЛ

1. Фемистокл сын Неокла, афинянин. Свойственные ему в ранней юности пороки он искупил столь великими добродетелями, что никто не почитается выше его, и лишь немногие считаются равными ему. Начнем, однако, рассказ с начала. Отец его Неокл принадлежал к благородному роду. Женился он на гражданке Галикарнасса, от которой и родился Фемистокл¹. К огорчению родителей сын вел разгульный образ жизни и расточал семейное добро, из-за чего отец лишил его наследства². Это позор не сломил, но образумил юношу. Поняв, как много стараний надо ему приложить, чтобы смыть бесчестие, он погрузился в общественные

дела, усерднейше трудясь на пользу друзьям и ради славы. Постоянно участвовал он в частных тяжбах, часто посещал народные сходки. Без него не обходилось ни одно сколько-нибудь важное дело: быстро находил он решение, коротко и ясно излагал его. Был он ловок как в делах, так и в замыслах, поскольку весьма точно, как замечает Фукидид, судил о событиях текущих и не менее проницательно угадывал будущее. Благодаря таким достоинствам он быстро приобрел известность.

2. Первый раз он проявил себя на государственном поприще во время войны с Керкирой, по случаю которой народ избрал его стратегом. Тогда Фемистокл вдохнул в граждан воинственный дух не только на предстоящие сражения, но и на все последующие времена. Случилось так, что он уговорил народ построить 100 кораблей на те деньги, которые поступали с рудников и ежегодно напрасно растрачивались должностными лицами³. Соорудив флот в короткий срок, сначала сокрушил он керкирян, а потом устроил охоту на пиратов и очистил от них море. Таким образом он и обогатил афинян и превратил их в опытейших морских бойцов. Какую пользу принесло это всей Греции, выяснилось в Персидскую войну.

Пришло время, когда Ксеркс пошел войной на всю Европу по суше и по морю с таким громадным войском, какого никто не имел ни до, ни после него. Флот его состоял из 1200 боевых кораблей, сопровождаемых 29 тыс. транспортных судов; сухопутное же войско насчитывало 700 тыс. пехотинцев и 400 тыс. всадников⁴. Когда в Грецию пришла весть о его приближении и о том, что, помня о Марафонской битве, идет он прежде всего на афинян, последние обратились в Дельфы за советом, что им следует предпринять. На запрос Пифия ответила, чтобы они защищались с помощью деревянных стен. Никто не мог понять, что означает этот ответ, и тогда Фемистокл стал доказывать, что Аполлон советует им перебраться со всем своим имуществом на корабли, которые де Бог и называет деревянными стенами. Афиняне одобрили это мнение, прибавили к уже имевшимся триремам еще столько же судов, отправили все, что можно было перевезти, частью на Саламин, частью в Трезену и, оставив Акрополь и его святыни на попечение жрецов и немногих стариков, покинули опустевший город⁵.

3. Большинству государств не понравился совет Фемистокла, они предпочитали сражаться на суше. И вот отборный отряд во главе с Леонидом, царем лакедемонян, был послан занять Фермопилы и преградить варварам дальнейший путь. Но воины эти не смогли противостоять вражеской силе, и все погибли на месте⁶. А общегреческий флот из 300 кораблей, в числе которых было 200 афинских судов, впервые сразился с царскими моряками у Артемисия, между Эвбеей и материком: Фемистокл как раз искал узкий пролив, избегая окружения со стороны превосходящей силы врага. Хотя данное здесь сражение окончилось вничью, греки не осмелились задержаться на месте, опасаясь, как бы часть вражеских кораблей не обогнула Эвбею и не заперла их с двух сторон⁷. Итак,

они ушли от Артемисия и разместили свой флот у Саламина, напротив Афин.

4. А Ксеркс, захватив Фермопилы, двинулся прямо на Афины и, найдя их беззащитными, перебил обнаруженных на Акрополе жрецов и сжег город. Этот пожар устрасил греческий флот: не имея мужества оставаться на месте, многие настаивали на том, чтобы возвратиться по домам и обороняться внутри городских стен. Один Фемистокл возражал против этого, утверждая и доказывая, что греки могут сопротивляться персам лишь сообща, разъединившись же — пропадут. В том же убеждал он и спартанского царя Эврибиада, который был верховным командующим⁸. Не добившись от него желанного сочувствия, Фемистокл ночью послал к персидскому царю вернейшего из своих рабов с донесением, что враги собираются бежать; если, мол, греки разойдутся, то война пойдет весьма затяжная и трудная, поскольку царь вынужден будет преследовать каждого поодиночке, а если он нападет на них немедленно, то покончит со всеми разом. С помощью этого доноса он вел дело к тому, чтобы всем невольно пришлось сражаться. Выслушав эти доводы, варвар не заподозрил обмана и на следующий день дал бой в самом неудобном для себя и в самом выгодном для противника месте — в том узком проливе, где он не мог развернуть всего множества своих кораблей. И так он был побежден не столько оружием греков, сколько кознями Фемистокла.

5. Хотя царь и потерпел поражение, у него оставалось еще достаточно сил, чтобы раздавить противника. Но и тут Фемистокл снова обвел его вокруг пальца: опасаясь, что царь продолжит войну, он послал ему известие, что греки намерены разрушить построенный им на Геллеспонте мост, дабы отрезать ему обратный путь в Азию. Царь поверил и менее чем за 30 дней, возвратился в Азию по той самой дороге, которую раньше прошел за полгода, считая при этом, что Фемистокл не победил, а спас его. Так, острый ум одного человека освободил Грецию, и Европа одолела Азию. Была одержана еще одна победа, достойная марафонского трофея: ведь при Саламине произошло то же самое — малочисленные корабли разгромили самый большой на памяти человеческой флот⁹.

6. Великие дела совершил Фемистокл в эту войну и не менее великие — в мирное время. Так, если раньше афиняне пользовались небольшой и неудобной Фалерской гаванью, то по его совету был выстроен и обнесен стеной тройной Пирейский порт, значением сравнявшийся с самим Городом, а деловыми качествами превзошедший его¹⁰. И тот же Фемистокл с риском для жизни восстановил стены Афин. Дело было так: воспользовавшись варварскими вторжениями как удобным предлогом, лакедемоняне заявили, что города, расположенные вне Пелопоннеса, не должны иметь стен, дабы не было укрепленных мест, которыми могли бы завладеть враги. Так они пытались помешать афинянам, которые начали отстраивать свой город, преследуя далеко не ту цель, которую выставляли на вид. На самом деле после двух побед, Марафонской и

саламинской, афиняне настолько прославились среди всех народов, что спартанцы предвидели грядущую борьбу с ними за первенство и потому стремились всячески их ослабить. Прослышав о возведении стен, они отправили в Афины послов объявить запрет на строительство. В их присутствии афиняне прекратили работы и обещали послать в Спарту своих представителей для обсуждения дела. За это посольство взялся Фемистокл, причем сначала он отправился в путь один, наказав, чтобы остальные послы выехали лишь тогда, когда стены окажутся достаточно высокими на вид. Еще он велел, чтобы работали все — и рабы, и свободные, и чтобы материал, который окажется подходящим для постройки, тащили отовсюду, не щадя ни священных, ни частных, ни общественных владений. По этой причине стены Афин оказались сложенными из камней святилищ и могильных плит.

7. Между тем Фемистокл по прибытии в Лакедемон воздержался от посещения властей и постарался как можно дольше протянуть время, ссылаясь на то, что он поджидает товарищей. И только спартанцы начали роптать, что постройка идет своим чередом и что Фемистокл старается их обмануть — тут как раз подоспели остальные послы. Узнав от них, что укрепления почти окончены, Фемистокл явился к лакедемонским эфорам, обладавшим верховной властью, и стал уверять их, что полученные ими сведения ложны и поэтому справедливости ради надо послать на проверку почтенных и знатных мужей, внушающих доверие, в то время как сам он останется у них заложником. Спартанцы уважили его просьбу и послали в Афины трех уполномоченных из числа лиц, занимавших прежде высшие должности. С ними вместе Фемистокл отправил своих товарищей, передав через них, чтобы афиняне не отпускали спартанских послов до тех пор, пока спартанцы не отпустят его самого. Рассчитав, когда это посольство прибудет в Афины, он отправился к спартанским должностным лицам и в Совет и там открыто признался, что по его совету афиняне сделали то, что позволяло им общее право всех народов — оградить стеной общеэллинских, городских и домашних своих богов ради надежной защиты от неприятеля и не во вред всей Греции: ведь именно их город, у которого дважды потерпел неудачу царский флот, противостоит варварам как твердыня. А лакедемоняне поступают дурно и несправедливо, заботясь более о своей власти, чем о пользе всей Греции. Итак, если спартанцы хотят получить назад своих послов, отправленных в Афины, то им придется отпустить его, Фемистокла; иначе возвратить их на родину никоим образом не удастся¹¹.

8. Несмотря на все это, он не избежал ненависти сограждан. Питая к нему то самое недоверие, из-за которого был осужден Мильтиад, они изгнали его из города судом черепков¹². Фемистокл удалился и нашел пристанище в Аргосе. Благодаря многим своим достоинствам он жил там в почете, пока лакедемоняне не направили в Афины послов, заглазно обвинивших его в сговоре с

персидским царем, имеющем целью порабощение Греции¹³. По этому обвинению заочно он был осужден как изменник. Узнав об этом, он понял, что безопасность его в Аргосе не обеспечена, и переселился на Керкиру. Заметив, что и здесь власти острова боятся, как бы афиняне и лакедемоняне не объявили им из-за него войну, он бежал к молосскому царю Адмету, с которым имел связи гостеприимства¹⁴. По прибытии он не застал царя на месте и тогда, желая, чтобы тот не только принял его, но и позаботился о нем вполне добросовестно, похитил его маленькую дочь и скрылся с ней в особо почитаемом святилище. Оттуда он вышел не раньше, чем царь принял его под свое покровительство, протянув ему правую руку. Обещание свое царь сдержал. Когда афиняне и лакедемоняне официально потребовали выдачи Фемистокла, он не предал своего просителя, но убедил его, чтобы тот сам о себе позаботился, поскольку трудно жить спокойным в такой близости от врагов. Итак, он приказал отвезти его в Пидну, предоставив ему достаточно сильную охрану¹⁵. Там Фемистокл сел на корабль, не открыв своего имени никому из моряков. Когда сильная буря отнесла судно к Наксосу, где располагалось афинское войско, Фемистокл понял, что стоит им причалить к берегу, как он погибнет. Тогда по необходимости открыл он хозяину корабля, кто он таков, суля всякие блага за спасение своей жизни. Злая участь знаменитого мужа тронула этого человека, и он день и ночь продержал корабль в бурном море вдали от острова, не отпустив с него ни единой души. Потом он привел судно в Эфес и высадил там Фемистокла на берег, а тот впоследствии отблагодарил его по заслугам¹⁶.

9. Я знаю, многие пишут, что Фемистокл переселился в Азию в правление Ксеркса. Но я верю больше всего Фукидиду, потому что среди авторов, оставивших нам историю тех лет, он и по времени жизни ближе всех к Фемистоклу, и приходится ему земляком¹⁷. Фукидид же сообщает, что Фемистокл прибыл к Артаксерксу и послал царю письмо следующего содержания: «Я, Фемистокл, пришел к тебе. Более всех греков вредил я дому твоему, пока должен был сражаться против твоего отца, защищая родину. Но гораздо больше принес я ему пользы после того, как сам я оказался в безопасности, а он попал в беду: ибо когда после Саламинского сражения он намеревался возвратиться в Азию, я уведомил его письмом, что враги собираются разрушить мост, построенный им на Геллеспонте, чтобы отрезать ему путь. Благодаря этому извещению он избегал опасности. Ныне же я, гонимый всеми греками, прибегаю к тебе, ища твоей благосклонности, и если ты удостоишь меня ею, то найдешь в моем лице столь же преданного друга, сколько храброго врага имел твой родитель. Прошу тебя, дай мне год сроку на подготовку тех планов, о которых я намерен рассказать тебе, и по прошествии этого времени позволь мне предстать перед тобою».

10. Царь, удивляясь величию его души и желая привязать к себе выдающегося человека, оказал ему снисхождение. А тот на протяжении всего предоставленного срока ревностно изучал персидский язык и сочинения персов и освоил их настолько, что,

по рассказам, держал перед царем речь так искусно, как не сумел бы и прирожденный перс. Много наобещал он царю, а всего приятнее было уверение, что, следуя его советам, царь покорит Грецию. Получив от Артаксеркса щедрые дары, Фемистокл возвратился в Азию и обосновался на жительство в Магнезии; царь подарил ему этот город, прибавив, что Фемистокл получает Магнезию «на хлеб» (из этого района ежегодно поступало 50 талантов), Лампсак — «на вино» и Миунту — «на закуску»¹⁸. Два памятника Фемистокла сохранились до наших дней: гробница около города, где он похоронен, и статуя на площади Магнезии. О смерти его писали многие и по-разному, но мы опять-таки доверяем лучшему автору — Фукидиду, который говорит, что Фемистокл умер в Магнезии от болезни, не отрицая, что ходила молва, будто он добровольно принял яд в отчаянии от того, что не может исполнить свои обещания царю относительно покорения Греции. Тот же Фукидид сообщает, что друзья тайно захоронили его прах в Аттике, тогда как закон не разрешал им этого потому, что Фемистокл был осужден как изменник¹⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Матерью Фемистокла называли то фракиянку Абртонон, то женщину из Кари (юго-зап. область Малой Азии, главный город — Галикарнас) Эвтерпу. Родился он около 524 г. Семья его имела какую-то связь со знатным родом Ликоимидов (*Плут. Фем.* I), но Фемистокл не принадлежал к высшему кругу аристократии и не имел в глазах афинян права на барские замашки, которые приличествовали представителям благороднейших семей (там же, V).

² Плутарх считал рассказы о беспутстве Фемистокла лживыми, хотя не отрицал, что тот прошел через пору бурных страстей (*Фем.* II).

³ По данным Геродота (VII, 144), Фукидида (I, 14) и Плутарха (*Фем.* IV), это случилось во время войны с Эгиной, а не Керкирой. У афинян был обычай делить доходы с Лаврийских серебряных рудников между всеми гражданами, по 10 драхм на душу (*Герод.* VII, 144). В 483 г., по предложению стратега Фемистокла, эти деньги были пущены на постройку тех триер, что сражались при Саламине.

⁴ Поход Ксеркса — 480 г. В других источниках дается примерно то же число кораблей. Самые большие цифры по войску называет Геродот: 1 млн 700 тыс. пехоты и более 0,5 млн экипажа кораблей; общую численность ксерксовой рати вместе с союзниками он исчисляет в 5 млн. человек (VII, 184; 186). Цифры эти считаются крайне преувеличенными.

⁵ Число всадников, обозначено у Непота ошибочно: 400 тыс. вместо 40 тыс. (по Геродоту — 80 тыс.).

⁶ В 480 г. Фемистокл был избран стратегом с неограниченными полномочиями (*Плут. Арист.* VII).

⁷ Саламин — остров у берегов Аттики. Трезена — город на севере Пелопоннеса в области Арголиде.

⁸ Фермопилы («Теплые ворота» — от теплых ключей) — узкий горный проход из Фессалии в среднюю Грецию. О Фермопильской битве — см. вступительную статью.

⁹ Мис Артемисий — северная оконечность острова Эвбеи. Согласно Геродоту, произошли три сражения, в которых греки нанесли урон превосходившему их флоту противника (VIII, 10—11; 14, 16—17). Инициатором сражений был Фемистокл, главнокомандующим, как и при Саламине, — спартанец Эврибиад. Греческий флот ушел от Артемисия по получении известий о гибели Леонида в Фермопилах.

¹⁰ Непот ошибочно именует спартанского главнокомандующего царем, хотя тот даже не принадлежал к царскому роду (*Герод.* VIII, 42).

¹¹ Битва при Саламине — 18 сентября 480 г. Общее число греческих кораблей, по Геродоту, — 378, из них 180 — афинских (VIII, 44, 48); по Эсхилу, который был

участником битвы, было 310 греческих и 1207 варварских кораблей («Персы»).

¹⁰Фемистокл начал укреплять Пирей, еще будучи архонтом в 493 г., завершил работы — в 478/77 гг. (Фукид. I, 93).

Нижний город (т. е. приморский в отличие от Афин), или Пирей, состоял из трех гаваней: собственно Пирея с несколькими бухтами, Мунихии и Зеи. Две последние гавани служили впоследствии стоянками для военных кораблей, а в Пирее стояли как торговые суда, так и боевые триеры (в бухте Кантара). При Перикле Верхний (Афины) и Нижний (Пирей) город соединил «коридор», огороженный Длинными Стенами.

¹¹Весь эпизод с обманом спартанцев изложен Непотом по Фукидиду (I, 90—92). Плутарх, пользовавшийся многими источниками, упоминает рассказ Феоомпа о подкупе спартанских властей (Фем. XIX). Версия эта как нельзя более согласуется с характером Фемистокла, который добивался благих целей, используя низменные стороны человеческой натуры. Например, с помощью взяток и шантажа настоял он на том, чтобы греки дали бой у Артемисия (Плут. Фем. VII; Герод. VIII, 4—5).

Упоминаемые в гл. 7 две неудачи персидского флота — морской поход на Аттику, кончившийся Марафонской битвой, и сражение при Саламине.

¹²Остракизм Фемистокла — 471 г. Чрезмерная слава и влияние вызывали у народа подозрение в покушении на тиранию. Кроме того, Фемистокл был сторонником демократии, а в Афинах после победы над Ксерксом усилились консервативная партия, опиравшаяся на Ареопаг. Ее вождь Кимон командовал силами Афинского морского Союза.

¹³Спартанцы обвинили Фемистокла в причастности к изменническим сношениям Павсания с персидским царем (см. жизнеописание Павсания). Фемистокл был ненавистен им как сторонник народовластия; в противовес ему они поддерживали в Афинах Аристиду и Кимона.

¹⁴По сведениям Фукидида и Плутарха, эпирский царь Адмет был недругом Фемистокла: изгнанник оказался в его владениях во время панического бегства от посланных в погоню за ним из Афин эмиссаров.

¹⁵Пидна — прибрежный македонский город.

¹⁶У Плутарха (Фем. XXV) и Фукидида (I, 137) в этом эпизоде — характерный для Фемистокла мотив шантажа: он грозил хозяину судна, что обвинит его перед афинянами в намеренном пособничестве за взятку.

¹⁷Ксеркс был убит в 465 г. до н. э.

Фукидид, автор «Истории Пелопоннесской войны», был основным источником Непота в этой биографии. По его тексту изложена история пребывания Фемистокла у персов (ср.: Фукид. I, 137—138). у Плутарха — несколько иная в деталях версия (Фем. XXVII—XXIX).

¹⁸Магнезия — город на Меандре в Ионии; Лампсак — город на азиатском берегу Геллеспонта — против Козьей Речки, протекающей с европейской стороны по Херсонесу Фракийскому; Миунт — город в Карии. Одна Магнезия давала Фемистоклу ежегодно 50 талантов «на хлеб». Фемистокл и до этого был сказочно богатым человеком: хотя значительная часть его состояния была сохранена и переправлена в Азию друзьями, остаток, конфискованный афинскими властями, составил 80 или 100 талантов (талант — около 26 кг серебра). Между тем до начала политической карьеры Фемистокл не имел и трех талантов (Плут. Фем. XXV).

О способах обогащения на государственной службе дает представление эпизод при Артемисии: эвбейцы, желавшие, чтобы греческий флот защитил их от персов, дали Фемистоклу 30 талантов в качестве взятки; из них 8 талантов он использовал на подкуп спартанца Эврибиада и коринфянина Адиманта, остальные — присвоил (Герод. VIII, 4—5).

¹⁹Фемистокл умер в начале восстания Инара в Египте, когда афиняне выступили на стороне египтян, т. е. около 459 г. до н. э.

В Аттике на одном из мысов Пирея была гробница, видимая только со стороны моря; она считалась могилой Фемистокла.

III АРИСТИД

1. Аристид, сын Лисимаха, афинянин, был почти ровесником Фемистокла, и они соперничали из-за первенства, возводя друг на друга обвинения¹. Споры их показали, насколько красноречие сильнее добродетели. Хотя Аристид отличался такой честностью, что, насколько я знаю, оказался единственным, кто на памяти людской получил прозвище Справедливого, однако Фемистокл подорвал его авторитет и посредством «черепков»: он был осужден на десятилетнее изгнание². Рассказывают, что когда Аристид понял, сколь невозможно переубедить возбужденную толпу, и направился к выходу из собрания, на глаза ему попался некий человек, пишущий на черепке его имя для изгнания, Аристид спросил, почему он это делает и что натворил Аристид, чтобы оказаться достойным такого наказания. А тот ответил: Аристида, мол, я не знаю, но не нравится мне, что он из кожи лез, чтобы величаться пред другими прозвищем Справедливого. Конца ссылки, определенной по закону в 10 лет, Аристид не дождался — примерно на 6-м году его изгнания Ксеркс вторгся в Грецию, и народ проголосовал, чтобы Аристид возвратился на родину.

2. В морском сражении при Саламине он участвовал еще до того, как отменили вынесенный ему приговор. Он же был афинским стратегом в битве при Платеях, в которой греки разбили Мардония и уничтожили варварское войско³. На военном поприще, кроме этого памятного командования, ничем примечательным он не отличился, но многого добился в тех делах, где проявились его справедливость, беспристрастие и честность. Главный же успех, завоеванный его справедливостью, заключался в следующем: когда он находился при общегреческом флоте вместе с Павсанием, под предводительством которого был разбит Мардоний, то благодаря его порядочности верховная власть над флотом перешла от спартанцев к афинянам. До этого времени лакедемоняне командовали и на море, и на суше, а потом распушенность Павсания и добросовестность Аристида привели к тому, что почти все греческие государства вступили в союз с афинянами и выбрали их своими предводителями против варваров⁴.

3. На случай, если враги решатся начать новую войну, ради более успешного их отражения сделали так: назначили Аристида и поручили ему решить, сколько каждое государство должно внести средств на строительство кораблей и содержание войска. Ежегодно, по его определению, 460 талантов поступали на Делос. Деньги эти считались общей казной, позднее все они были перенесены в Афины⁵. Великая честность Аристида более всего обнаружилась в том, что, распоряжаясь таким делом, умер он в глубокой бедности, едва оставив средства на похороны. По этой причине дочери его воспитывались на общественный счет и были выданы замуж с приданым, выделенным из государственной казны. Умер же он примерно на 5-м году после изгнания Фемистокла из Афин⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Довольно точно известна дата рождения Фемистокла — около 524 г. до н. э. Аристид, выступавший в 508 г. на стороне законодателя Клисфена, мог быть несколькими годами старше своего соперника.

²О «суде черепков» — остракизме см. вступительную статью. Аристид был изгнан из Афин в 483 г., т. е. за три года (*Плут. Арист. VIII*), а не за 6 лет до похода Ксеркса.

³18 сент. 480 г. — битва при Саламине (см. жизнеописание Фемистокла), 9 сент. 479 г. — битва при Платеях (см. жизнеописание Павсания). После них навсегда прекратились походы персов в Европу. Подробное описание обоих сражений см. у Плутарха (жизнеописания Фемистокла и Аристида) и Геродота (VIII, 79—95; IX, 19—65).

⁴Договор о создании Афинского морского Союза относится к 477 г. до н. э. (см. вступительную статью к афинским жизнеописаниям IV в.).

⁵Дань, установленная Аристидом, — знаменитый форо́с, щедро использовавшийся на нужды афинского государства. В трудные годы сумма, установленная Аристидом, понижалась до 410 талантов, но во время Пелопоннесской войны, при правлении крайней демократии, увеличилась до 1300 талантов.

Союзная казна была перенесена с Делоса в Афины в 454 г. после гибели в Египте афинской армии и флота, направленных на поддержку антиперсидского освободительного восстания.

⁶Остракизм Фемистокла — 471 г. Аристид умер в 467—466 г. до н. э. В начале 367 г. он еще присутствовал на представлении эсхиловой трагедии (*Плут. Арист. III*).

IV ПАВСАНИЙ

1. Спартанец Павсаний был великим человеком, но в разных жизненных обстоятельствах проявлял себя по-разному, ибо обладал как блистательными добродетелями, так и тяжкими пороками. Славнейшим его делом стала битва при Платеях. Тогда под его началом небольшое греческое войско обратило в бегство царского сатрапа Мардония, мидийца родом, царского зятя, одного из первых среди персов по храбрости и уму, стоявшего во главе 200 тыс. пехотинцев, отобранных им поголовно, и 20 тыс. всадников, причем в сражении пал и сам полководец. Возгордившись этой победой, Павсаний начал сильно воду мутить и великие замыслы городить. Но сначала ему дали отпор, и случилось это, когда он отправил в Дельфы золотой треножник из добычи со стихотворной надписью, которая гласила, что под его предводительством варвары были уничтожены при Платеях и что в честь этой победы он приподносит дар Аполлону. Спартанцы соскребли эти строки и написали только названия государств, участвовавших в разгроме персов¹.

2. После этого сражения Павсаний был послан во главе общегреческого флота на Кипр и на Геллеспонт изгнать из тех краев варварские гарнизоны. Справившись удачно и с этой задачей, он стал держаться еще более высокомерно и начал преследовать цели еще более дерзкие. Так, овладев Византием, он захватил в плен много знатных персов, среди которых были и царские родственники, и тайно отправил этих последних к Ксерксу, притворившись, будто они бежали из тюрьмы; вместе с ними отпустил он эритрейца Гонгила, поручив ему передать царю письмо, в котором, как сообщает Фукидид, было написано следующее: «Павсаний, спар-

танский полководец, любезно отсылает к тебе захваченных в Византии пленников, узнав, что они твои родственники, и сам желает породниться с тобой. Поэтому, если ты не против, дай ему в жены твою дочь². Если ты это сделаешь, он обещает снова, с твоей помощью, подчинить твоей власти и Спарту, и всю остальную Грецию. Если ты хочешь, чтобы осуществилось что-нибудь из того, что он предлагает, пошли к нему верного человека, с которым он мог бы договориться». Царь, чрезвычайно обрадовавшийся спасению столь многих весьма близких себе людей, тотчас отправляет к Павсанию Артабаза³ с письмом, в котором осыпает его хвалами и просит использовать все средства для исполнения обещанного, заверяя, что в случае удачи не откажет ему ни в чем. Удостоверившись в благоволении царя, Павсаний начал действовать более решительно и тем самым возбудил у лакедемонян подозрение. После этого его отозвали домой, судили, освободили от обвинения, грозящего смертью, но оштрафовали. К флоту по этой причине его назад не послали⁴.

3. Однако вскоре он по собственной воле вернулся к армии и явно обнаружил там свои замыслы — не столько коварные, сколько безумные, ибо тогда он отринул отеческие обычаи и даже самый образ жизни и одежду переменял. Он пользовался царской утварью и носил мидийские наряды, таскал за собой телохранителей из мидийцев и египтян, задавал роскошные пиры по персидскому обычаю, вызывавшие негодование присутствующих, не допускал к себе посетителей, гордо отвечал, жестоко командовал. В Спарту возвращаться он не хотел, но удалился в Колоны, расположенные в области Троады, и там лелеял планы, пагубные как для родины, так и для него самого. Проведав об этом, спартанцы направили к нему послов с жезлом, на котором по их обычаю было написано, что если он не вернется домой, то его осудят на смерть. Эта весть смутила Павсания, но, надеясь, что и на этот раз удастся отвлечь опасность с помощью денег и влияния, он возвратился на родину. Только он явился домой, как эфоры бросили его в темницу, ибо по спартанским законам эфор мог так обойтись с царем⁵. Из тюрьмы он все-таки освободился, но из подозрения тем не менее не вышел. Во-первых, сохранилось мнение, что он заключил союз с персидским царем. Во-вторых, есть некий род людей, называемых илотами; множество их обрабатывает поля лакедемонян и несет рабскую службу. Подозревали, что их он тоже подбивает к бунту, прельщая надеждой на свободу. Но поскольку никакого очевидного доказательства этих преступлений не было, то обвинять его было не из чего; судить же такого высокопоставленного и славного мужа на основании подозрений считали неприличным, предпочитая подождать, пока все не раскроется само собой.

4. Однажды некий юноша Аргилий⁶, которого Павсаний прежде страстно любил, приняв от него письмо к Артабазу, усомнился, нет ли в послании чего-нибудь о нем самом, поскольку никто из прежних гонцов, направленных по тому же делу в ту же сторону назад не возвратился. Ослабив шнуровку и сняв печать, он убедился, что

доставив письмо на место, неизбежно погибнет. Были там и сведения, касающиеся того, о чем условились между собой Павсаний и персидский царь. Это письмо Аргилий передал эфорам. Нельзя не отметить здесь спартанской добросовестности, ведь даже такое свидетельство не побудило эфоров арестовать Павсания: они сочли, что силу следует применить только после того, как он сам себя выдаст. Итак, они указали доносчику, что ему следует делать. Есть на мысе Тенар храм Нептуна, неприкосновенность которого уважают все греки. Доносчик бежал туда и сел на алтарь. Рядом с алтарем соорудили подземную каморку, из которой было слышно все, о чем говорили с Аргилием. Сюда спустились несколько эфоров. Едва узнав, что Аргилий бежал в укрытие, Павсаний в смнении явился туда и, обнаружив, что юноша сидит на алтаре, отдавая себя под защиту бога, спросил его о причине такого внезапного поступка. Тот и поведал ему, что он вычитал в письме. Испугавшись еще больше, Павсаний взмолился, чтобы беглец молчал и не выдал того, кто сделал ему столько добра, обещая юноше щедрую награду, если тот простит его и поможет выпутаться из этого дела.

5. Убедившись во всем, эфоры решили, что удобнее будет арестовать его в городе. Туда они и направились одновременно с Павсанием, который возвращался в Лакедемон в надежде, что Аргилий его простил. На пути его уже готовы были схватить, но он понял, что попал в западню по выражению лица одного эфора, который хотел ему помочь. Итак, опередив преследователей на несколько шагов, он ускользнул в храм Минервы, именуемый Меднодомной. Эфоры тотчас завалили двери храма, заграждая ему выход, и разобрали крышу, дабы он скорее умер под открытым небом. Говорят, что в то время была еще жива мать Павсания и что эта престарелая женщина, узнав о его преступлении, одной из первых принесла камень к порогу храма, чтобы замуровать сына. В конце концов он был вынесен из святилища полумертвым и тут же испустил дух. Так позорная смерть Павсания омрачила его великую воинскую славу. Некоторые предлагали захоронить его тело там, где погребались казненные, но большинство не согласилось, и его похоронили в стороне от того места, где он умер. Позже по решению Дельфийского бога он был извлечен из земли и погребен там, где скончался.

ПРИМЕЧАНИЯ

У Непота нет данных о происхождении Павсания. Этот высокородный спартаец был внуком царя Анаксандрида из дома Агиадов. После гибели Леонида при Фермопилах опекуном малолетнего царя Плейстарха, сына героя, стал брат Леонида, Клеомброт; после внезапной смерти Клеомброта накануне Саламинской битвы — сын умершего Павсаний.

По представлению греков слава победы принадлежала всему войску, а не полководцу. Например, когда победитель при Марафоне Мильтиад домогался масличного венка, некий Софан сказал в Народном Собрании: «Когда ты, Мильтиад, в одиночку победишь варваров, тогда и требуй почестей для себя одного» (*Плут. Ким. VIII*). Первым стал писать свое имя на посвячительных дарах афинский стратег Ификрат.

²По свидетельству Геродота, Павсаний обручился с дочерью Мегабата,

двоюродного брата Дария (V, 32), который был в 478 г. наместником Фригии при Геллеспонте.

³ Ксеркс отправил Артабаз наместником во Фригию на смену Мегабату. Артабаз стал связующим звеном между Павсанием и персидским царем (*Герод.* I, 129).

⁴ Первый раз Павсаний был отозван после года командования (весной 477 г. его пытались заменить Доризем). По жалобам союзников ему предъявили тогда обвинение в насилии над частными лицами. После суда Павсаний на свои средства снарядил триеру и отправился на Геллеспонт сражаться за греческое дело. Изгнанный афинянами из Византия, он обосновался в Колонах.

⁵ Для ареста царя требовались голоса трех эфоров из пяти.

⁶ У Фукидида — юноша из города Аргила, что во Фракии (I, 132). Подробный рассказ о низвержении Павсания см. *Фукид.* I, 128—134.

V

КИМОН

1. Кимон, сын Мильтиада, афинянин, в ранней юности прошел через тяжелое испытание. Когда отец его, будучи не в состоянии уплатить государству наложенного на него штрафа, умер в темнице, Кимона посадили в ту же тюрьму, и по афинским законам он мог выйти из нее только в том случае, если бы заплатил деньги, причитавшиеся с отца. Женат он был на единокровной сестре своей Эльпинике, взятой не по любви, а по обычаю, поскольку у афинян разрешалось жениться на сестрах с отцовской стороны. В брак с ней мечтал вступить некий Каллий, человек скорее богатый, чем знатный, получавший большие доходы с рудников. Он попросил Кимона, чтобы тот уступил ему жену, обещая, в случае согласия, заплатить за него штраф. Кимон отверг такое условие, но Эльпиника заявила, что не потерпит, чтобы отпрыск Мильтиада умер в государственной тюрьме, когда у нее есть возможность этому помешать; поэтому она выйдет за Каллия замуж, если он исполнит то, что обещал¹.

2. Освободившись таким способом из-под стражи, Кимон быстро выдвинулся в число первых граждан². Был он довольно красноречив, щедр и хорошо разбирался как в гражданских законах, так и в военном деле, поскольку с детства находился с отцом при войске. Так что и горожане подчинялись его влиянию, и в армии он пользовался большим авторитетом. Командуя войском в первый раз, он рассеял на реке Стримоне большие силы фракийцев, основал город Амфиополь и переселил в эту колонию 10 тыс. афинян³. В другой раз при Микале он разбил и взял в плен 200 кораблей кипрофиникийского флота и в тот же день имел не меньший успех на суше: завладев неприятельскими судами, тотчас высадил свое войско на берег и с первого натиска разгромил крупные силы варваров⁴. Захватив после этой победы богатую добычу, он двинулся в обратный путь, а так как некоторые острова, тяготясь жестокой властью афинян, отпали к тому времени от союза, то Кимон поддержал верных и привел к повиновению строптивых. Особое упорство проявил Скирос, населенный долопами. Кимон опустошил его, выселил из города и с острова туземных обитателей и разделил земли между афинскими гражданами.

Смирился при его появлении и кичащийся богатствами Фасос⁵. Добыча, привезенная из этого похода, пошла на украшение южной стороны Акрополя.

3. Возвысившись после этих подвигов более всех сограждан, он навлек на себя ту же ревность, что и отец его, и прочие знатные афиняне. «Суд черепков», который греки называют остракизмом, приговорил его к десятилетнему изгнанию⁶. От этого приговора афиняне пострадали скорее, чем сам Кимон. В то время как он мужественно подчинился расправе неблагодарных соотечественников, лакедемоняне объявили афинянам войну, и те тотчас пожалели об испытанной доблести Кимона. Так после пяти лет изгнания он был снова призван на родину⁷. Имея со спартанцами связи гостеприимства и желая прекращения войны, он по своей воле отправился в Лакедемон и заключил мир между двумя могущественнейшими государствами. Вскоре после этого Кимон был послан на Кипр в звании командующего с двумястами кораблей. Там, покорив большую часть острова, он внезапно заболел и скончался в городе Китии⁸.

4. Долго афиняне чувствовали, что им не хватает Кимона не только на войне, но и дома. В самом деле щедрость этого человека была такова, что, имея во многих местах поместья и сады, он никогда не ставил в них сторожей для охраны урожая, чтобы каждый желающий мог брать у него все, что угодно. Слуги всегда таскали за ним деньги на случай, если кто-нибудь попросит у него милостыню; он подавал тотчас, не желая, чтобы отсрочку приняли за отказ. Встретив случайно какого-нибудь плохо одетого горемыку, он отдавал ему свой плащ. И обед у него каждый день стряпался с расчетом на то, что он позовет к себе с площади всех, оставшихся без приглашения; этому обычаю он не изменил ни разу. Всякий мог рассчитывать на его поручительство, содействие, средства. Многим он помог в нужде, многих бедняков, не оставивших денег на погребение, похоронил за свой счет. Удивительно ли, что при таком поведении и жизнь его была легка, и смерть горька для сограждан.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Сюжет первой главы вызывает недоверие у историков (см. прим. 12 к жизнеописанию Мильтиада). Плутарх рассказывает о браке Эльпиники, связывая его со штрафом, а не пребыванием Кимона в тюрьме. По Диодору, Кимон сам женился на богатой невесте.

²Кимон родился около 510 г. до н. э., в 480 г. сражался как простой воин при Саламине, в 478 г. в качестве стратега командовал афинской эскадрой, входившей в общегреческий флот; в это время переманил вместе с Аристидом союзников от Спарты к Афинам (см. *Плут. Ким. VI*).

³Поход во Фракию происходил в 475 г. после освобождения проливов от персов. Кимон захватил тогда приморский город Эйон, отчаянно обороняемый персами. То ли в это время, то ли 10 лет спустя, выше по Стримону, в 5 км от устья, он основал колонию на дороге, ведущей к Пангейским золотым рудникам — «Город девяти путей», позднее называемый Амфиполем. Кимоновы поселенцы были вскоре изгнаны фракийцами, и только в 437 г. афиняне окончательно утвердились в этом месте.

⁴Эта битва чаще именуется сражением при реке Эвримедонте (в области Памфилии на юге Малой Азии), в устье которой стоял огромный персидский флот. Плутарх, ссылаясь на историков IV в., называет цифры в 600 и 350 персидских кораблей (*Ким.* XII; см. здесь же описание битвы). После победы Кимона персы очистили Эгейское море. При заключении Каллиева мира (449 г.) границей морских зон влияния были признаны Хелидонские (Ласточкины) острова у берегов Памфилии.

⁵Скирос и Фасос — острова у берега Фракии. Скирос не входил в Афинский морской Союз, населявшее его племя долопов занималось пиратством. Фукидид относит завоевание Скироса к 70-м гг. V в. (см. выше о первом походе Кимона во Фракию). Отправший от афинян золотоносный Фасос был усмирен вскоре после сражения при Эвримедонте. Может быть, именно в это время был выведен Амфиполь.

⁶Кимон был изгнан остракизмом в 461 г., сразу после эфиальтовой реформы Ареопага (см. вступительную статью). В этот период торжества демократической партии Кимон пострадал как признанный сторонник «отеческого строя», защитник Ареопага и поклонник олигархической Спарты.

⁷Кимон возвратился из изгнания в начале так называемой 1-й Пелопоннесской войны (457—445 гг.).

⁸Около 450 г. было заключено перемирие между Афинами и Спартой (*Фукид.* I, 122). Афиняне снарядили тогда большую экспедицию на Кипр и в Египет. Кимон умер на Кипре в первый же год похода — 449 г. до н. э.

VI

ЛИСАНДР

1. Лакедемонянин Лисандр оставил по себе громкую славу, приобретенную скорее счастьем, чем доблестью. Известно, что на 26-ом году войны он принудил афинян сдаться, но каким образом добился этого — никто не знает. Во всяком случае, он достиг цели, используя не достоинства своего войска, а самоуверенность неприятелей, которые, не слушаясь своих командиров, покинули корабли, разбрелись по полям и так очутились во власти противника. После этого афиняне и сдались лакедемонянам. Возгордившись этой победой, Лисандр, и прежде бывший всегда дерзким и властолюбивым, проявил такое самоволие, что поведением своим возбудил во всей Греции горячую ненависть к лакедемонянам. Раньше спартанцы утверждали, что воюют ради сокрушения невыносимого афинского господства, но Лисандр, овладев вражеским флотом у реки Эгос, думал только о том, чтобы подчинить своей власти все греческие государства, прикрывая свои действия интересами Лакедемона. Отовсюду изгонял он сторонников Афин и назначал в каждом городе десятерых правителей, наделенных верховной властью и неограниченными полномочиями. В их число он включал только преданных своих гостеприимцев или того, кто обещал ему во всем повиноваться.

2. И вот, когда во всех городах утвердилось правление «десяток», все дела стали вешаться по мановению Лисандра. Чтобы не утомлять читателей многими примерами его жестокости и вероломства, достаточно рассказать один случай. Возвращаясь победителем из Азии, он завернул на Фасос и, поскольку государство фасосцев отличалось особой преданностью афинянам, загорелся желанием разгромить его. Как будто бывшие упорные враги не становятся иногда преданнейшими друзьями! Предвидя, однако, что

если замысел его откроется, то фасосцы разбегутся и позаботятся о своем спасении...¹

3. Итак, они уничтожили учрежденную им систему правления «десяток»². Тогда уязвленный и раздраженный Лисандр замыслил устранить лакедемонских царей. Впрочем, он понимал, что не сможет совершить такое дело без помощи богов, поскольку лакедемоняне имели обычай во всех делах справляться с их волей. Прежде всего он попытался подкупить Дельфийских жрецов, а когда это не удалось — обратился к Додонскому оракулу³. Получив здесь снова отказ, он заявил, что должен исполнить свои обеты перед Юпитером — Аммоном, воображая, что африканцев ему будет подкупить проще. Когда он явился с этой надеждой в Африку, жрецы Юпитера дали ему внушительный отпор: они не только отказались от мзды, но и отправили в Лакедемон послов, обвинивших Лисандра в попытке совратить служителей храма. По этому обвинению он был привлечен к суду, оправдан голосами судей, послан на помощь Орхомену и убит фиванцами под Галиартом⁴. Справедливость приговора опровергла речь, найденная в его доме после смерти. В ней он призывал лакедемонян отменить царскую власть и выбрать военного вождя из числа всех граждан, причем составлена она была так, что походила на изречение божества, каковым Лисандр, веривший в силу денег, твердо надеялся обзавестись. Речь эту по слухам написал для него Клеон из Галикарнаса.

4. Нельзя здесь не упомянуть и о проделке царского сатрапа Фарнабаза⁵. Командуя флотом, Лисандр неоднократно проявлял жестокость и алчность. Подозревая, что об этом донесли в Спарту, он попросил Фарнабаза, чтобы тот засвидетельствовал перед эфорами, как благородно он вел войну и обращался с союзниками; все это он просил подробно изложить в письме, уверяя, что в таком деле ему придадут большое значение. Сатрап великодушно обещал исполнить просьбу и написал длинное, многословное послание, в котором всячески превознес Лисандра. Когда тот прочел и одобрил, Фарнабаз, прикладывая печать, подложил под нее другое письмо, такой же величины, как первое, и столь похожее на него, что различить их было невозможно. В нем он подробно изобличил алчность и вероломство Лисандра. Возвратясь с войны домой, Лисандр доложил верховным властям о своей деятельности так, как счел нужным, и в подтверждение представил письмо, данное ему Фарнабазом. Удалив Лисандра и познакомившись с письмом, эфоры дали затем прочесть написанное ему самому. Так Лисандр опрометчиво донес сам на себя.

ПРИМЕЧАНИЯ

О происхождении и молодых годах Лисандра ничего не известно. Сведения о нем начинаются со времени его включения в Пелопоннесскую войну. По некоторым данным, он был сыном Аристокрита — человека из царского рода Гераклидов и рабыни-илотки (Плут. Лис. II; Павсан. VI, 3 14; Элиан XII, 43; Афеней, VI, 27 f.).

Образ Лисандра, ярко обрисованный в плутарховом жизнеописании, носит черты хитроумного «выскочки».

¹Рассказ о жестокостях Лисандра оказался в лакуне. Фасос — золотonosный остров у берегов Фракии, входивший в Афинский морской Союз. Лисандр, «наводя порядок» во Фракии после капитуляции Афин, расправился с демократической партией Фасоса (*Политэн* I, 45, 4). О коварном умерщвлении демократов Милета см. *Плут. Лис.* VIII; XIX.

²Вскоре после окончания Пелопоннесской войны, в то время, как Лисандр самовольно распоряжался на островах и берегах Эгейского моря (404—403 гг.), в Спарте созрела оппозиция царей его политике. Осенью 403 г. царь Павсаний содействовал падению лисандрова режима в Афинах; после этого спартанские власти уничтожили декархии в некоторых городах. Отсюда — замыслы Лисандра о государственном перевороте. Непот опустил его попытку править через подставного царя Агесилая (см. вступительную статью к спартанским жизнеописаниям).

³Додонский оракул — знаменитое древнее прорицалище Зевса в Эпире.

⁴В 396 г. Лисандр служил под началом Агесилая в Азии. По возвращении его в Спарту началась Беотийская война, названная на более позднем этапе Коринфской; предлогом для нее послужил конфликт фиванцев с союзницей Спарты в средней Греции — Фокидой. Сторону Спарты держал крупный беотийский город Орхомен. В карательный поход на Фивы выступили Лисандр и царь Павсаний. Войска шли разными дорогами и под стенами беотийского Галиарта Лисандр попал в засаду до подхода царя. Впоследствии Павсаний был обвинен в умышленном опоздании и, спасаясь от суда, бежал из Спарты.

⁵Эпизод с Фарнабазом произошел после капитуляции Афин, во время «правления» Лисандра в Эгееде (404—403 гг.). Спартанец производил грабительские реквизиции в сатрапии Фарнабаза — Фригии при Геллеспонте.

VII АЛКВИАД

1. Алквиад, сын Клиния, афинянин. Кажется природа, создавая этого человека, испытала, на что она способна. Недаром все, писавшие о нем, согласны в том, что никто не мог сравниться с ним ни в пороках, ни в добродетелях. Родился он в знаменитейшем государстве и в знатнейшем роде¹, превосходил всех своих современников красотою, был обилён умом и способен ко всякому делу (и на море, и на суше проявил он себя как великий полководец); в искусстве слова не уступал он лучшим ораторам — речь и внешность его производили такое впечатление, что никто не мог тягаться с ним в споре; был он также богат и, когда требовали обстоятельства — трудолюбив и терпелив; был он щедрым, блистательным в обиходе и во всем образе жизни, обходительным, обаятельным и умеющим ловко приноровиться к случаю; и он же в свободное время, когда дела не требовали душевного напряжения, оказывался изнеженным, беспутным, сластолюбивым и разнузданным, так что все дивились, как в одном человеке уживаются такие противоречия и такие разные природные свойства.

2. Воспитывался он в доме Перикла, которому, как говорят, приходился пасынком², учился — у Сократа, а тестем его был Гиппоник, самый богатый из всех людей, говорящих на греческом языке. Так что если бы сам Алквиад захотел что-нибудь придумать себе на пользу, то не смог бы вообразить или добиться больших благ, чем те, что уготовили ему природа и судьба. Когда он достиг отроческого возраста, многие влюблялись в него по обычаю греков, и среди прочих — Сократ, о чем упоминает Платон в «Пире». Он выводит там Алквиада, который вспоминает,

как он провел с Сократом ночь и встал с его́ ложа таким же, каким должен быть сын, спавший с отцом. Возмужав, он и сам также любил многих мальчиков, изящно и шутливо обходясь со многими неприятными сторонами подобной любви. Мы остановились бы на этой теме подробнее, если бы нам не предстояло рассказать о делах гораздо более важных.

3. В Пелопоннесскую войну под его влиянием и по его совету афиняне объявили войну Сиракузам³. Ведение ее поручили самому Алкивиаду, избрав его командующим и назначив ему в товарищи двух стратегов — Никия и Ламаха. Во время подготовки похода, перед отплытием флота, случилось так, что однажды ночью в городе Афинах были опрокинуты все гермы, кроме одной, стоявшей у дверей Андокида. Впоследствии ее прозвали Гермесом Андокида. Так как было ясно, что дело не обошлось без большого многолюдного заговора, угрожающего не отдельным лицам, но всему государству, простой народ пришел в смятение, боясь, как бы в городе не объявился какой-нибудь вожак, который отнимет у него свободу⁴. Главное подозрение падало на Алкивиада, сила и влияние которого казались несовместимыми с положением обыкновенного гражданина. Многих привязал он к себе щедростью, еще больше людей привлек на свою сторону, оказывая им помощь в судебных делах; поэтому всякий раз, появляясь в общественном месте, он притягивал к себе все взоры, и никто во всем государстве не мог с ним равняться. В общем сограждане смотрели на него как с надеждой, так и со страхом, ибо он мог принести много и вреда, и пользы. К тому же ходили позорящие его разговоры о том, будто он устраивает в своем доме мистерии, что по афинским представлениям считалось святотатством. Афиняне полагали, что сборища такого рода покушаются не столько на религию, сколько на самое государство⁵.

4. Именно в этом преступлении враги Алкивиада обвинили его перед народом. Приближалось, однако, время выступать в поход. Учитывая это обстоятельство и зная привычки сограждан, он просил разобрать дело при нем, если считают нужным подвергнуть его суду, не допуская, чтобы ненавистники обвиняли его заочно. Враги же, понимая, что не могут еще повредить ему, решили пока затихнуть и дожидаться, когда он уедет, чтобы атаковать отсутствующего. Так они и сделали. Убедившись, что он достиг Сицилии, они заочно обвинили его в кощунстве над святынями. И вот в то время, как он пребывал в счастливой надежде на удачное исполнение порученного дела, власти направили к нему вестника с требованием возвратиться домой и явиться на суд. Не осмеливаясь отказаться, он взошел на триеру, присланную для его доставки.

Когда корабль достиг итальянского города Фурий, Алкивиад, перебрав в уме все примеры необузданно своевольного и жестокого обращения народа со знатными лицами, счел за лучшее укрыться от надвигающейся беды и, ускользнув тайком из-под стражи, бежал сначала в Элиду, а затем — в Фивы⁶. Потом, когда он узнал, что его приговорили к смерти с конфискацией имущества, и что по обычаю народ обязал жрецов Эвмолпидов предать его проклятию,

которое для вящего назидания было вырезано на столбе и выставлено на площади,— тогда он перебрался в Спарту. Оттуда повел он войну — не против отечества, но, как сам он не раз говаривал,— против своих врагов, которые одновременно были и врагами Спарты⁷; эти люди, утверждал он, понимали, что он может оказать государству большие услуги и вышвырнули его прочь, подчиняясь своей злобе, а не интересам общественной пользы. Итак, по совету Алкивиада, лакедемоняне заключили союз с персидским царем, а потом укрепили в Аттике Декелею и, поставив в ней постоянный гарнизон, держали Афины в осаде. Его же стараниями Иония вышла из Афинского Союза. После этого война продолжалась при явном преобладании Спарты⁸.

5. Однако услуги Алкивиада вызвали у спартанцев не дружеское, но страх и недоверие. Когда они заметили, какой выдающийся ум выказывает этот решительный человек во всех делах, то убоялись, что когда-нибудь из любви к родине он предаст их самих, помирившись с соотечественниками. Поэтому они стали искать случая погубить его. Долго скрывать это намерение от Алкивиада не удалось — он обладал такой проницательностью, что обмануть его было невозможно, тем более что он держался настороже. Итак, он удалился к Тиссаферну, наместнику царя Дария, и завел с ним тесную дружбу⁹. Когда же увидел, что сила афинян, потерпевших поражение в Сицилии, тает; а сила лакедемонян, напротив, прибывает, то сначала стал сноситься через послов со стратегом Писандром, стоявшим с войском на Самосе, заведя переговоры о своем возвращении; этот человек был единомышленником Алкивиада, поскольку недолюбливал самоуправство народа и сочувствовал лучшим гражданам. Когда же Писандр не оправдал надежды, само войско, благодаря Фрасибулу, сыну Лика, первым призвало Алкивиада назад, и он стал стратегом на Самосе. Потом, по предложению Ферамена, народ проголосовал за восстановление его в правах и заочно назначил его командующим на равных правах с Фрасибулом и Фераменом¹⁰. Во время их командования все настолько переменялось, что лакедемоняне, уже торжествовавшие победу, устрашились и запросили мира. Потерпев поражения в пяти сухопутных и в трех морских сражениях, они потеряли 200 триер, захваченных противником и перешедших в его распоряжение. Вместе с товарищами Алкивиад отвоевал Ионию, Геллеспонт и многие греческие города, расположенные на побережье Фракии¹¹; немало их взяли они силой — например, Византий, но не меньшее число склонили к союзу благоразумно милостивым обращением с пленными. Наконец, обремененные добычей, обогатив войско, одержав великие победы, они возвратились в Афины¹².

6. Когда весь город вышел им навстречу в Пирей, у всех было столь горячее желание видеть Алкивиада, что вся толпа устремилась к его триере, как будто прибыл он один, настолько народ был убежден, что и прежние несчастья и нынешние удачи выпали ему на долю из-за этого человека. Граждане, изгнавшие великого мужа, винили теперь себя и за потерю Сицилии, и за победы спартанцев. И

они, по-видимому, имели на то основание. Ведь после того, как Алкивиад стал во главе войска, противник вынужден был уступить и на суше, и на море. И хотя Ферамен и Фрасибул, командовавшие теми же войсками, прибыли в Пирей вместе с ним, когда он сошел с корабля, весь народ повалил следом за ним одним, причём толпа задаривала его лавровыми венками и лентами, что прежде выпадало на долю лишь олимпийским победителям. Со слезами на глазах принимал он знаки горячей любви сограждан и вспоминал прежние обиды. Войдя же в город, произнес в Народном Собрании такую речь, что не нашлось ни одного черствого человека, который не оплакал бы его участь и не выразил бы возмущение против тех, чьи происки изгнали Алкивиادا из отечества — как будто другой народ, а не этот, проливающий теперь слезы, осудил его за святотатство. Имуущество его восстановили за счет казны; приказали, чтобы те самые жрецы Эвмолпиды, которые подвергли его отлучению, сняли свое проклятие, а столбы, на которых оно было высечено, сбросили в море.

7. Не слишком долгим оказалось это торжество Алкивиада. Хотя ему оказали всевозможные официальные почести и отдали в его единоличное распоряжение все государство с его внутренними и внешними делами¹³, хотя просьба его дать ему двух помощников, Фрасибула и Адиманта, была уважена, но когда он, приведя флот к берегам Азии, повел дело при Киме не так успешно, как ожидали, снова пала на него немилость. Считали, что для него нет ничего невозможного, и поэтому малейшие неудачи ставили ему в вину, приписывая их небрежности или злему умыслу. Так и на этот раз его обвинили в том, что он не захотел взять Киму, будучи подкупленным персидским царем¹⁴. Вот почему я твердо уверен, что слишком высокое мнение о его таланте и доблести обернулось ему во зло. Боялись его не меньше, чем любили, подозревая, что возгордившись удачей и силой, он пожелает установить тиранию. Из-за этих подозрений он был заочно отрешен от должности, и на его место избрали другого¹⁵. Узнав об этом, Алкивиад не захотел возвратиться домой, переселился в Пактию и воздвиг в тех краях три крепости — Орны, Бисанту и Неонтих¹⁶. Собрав небольшую армию, первым из греков вторгся он внутрь Фракии, полагая, что приличнее обогащаться за счет варваров, чем соплеменников. В результате этого он увеличил как богатство свое, так и славу, и завоевал большую дружбу некоторых фракийских князей.

8. Но не мог отрешиться он от любви к родине. И вот, когда афинский стратег Филокл встал со своим флотом у реки Эгос, а неподалеку расположился спартанский военачальник Лисандр, изо всех сил старавшийся затянуть войну, поскольку спартанцев щедро снабжал деньгами персидский царь, а у афинян казна истощилась, и ничего у них не осталось, кроме оружия и кораблей, тогда Алкивиад явился к афинскому войску и там повел перед солдатами такую речь: он ручается, что если они захотят, то он принудит Лисандра или вступить в сражение, или просить мира; лакедемоняне не хотят биться на море, потому что сила их заключается в

сухопутной армии, а не в кораблях, он же, Алкивиад, легко может уговорить фракийского князя Севта прогнать Лисандра с берега, после чего тому придется либо сразиться на море, либо кончить войну. Хотя Филокл признавал, что Алкивиад говорит дельные вещи, но принять его предложение отказался, понимая, что в случае возвращения Алкивиада к войску сам он потеряет здесь всякое значение, и что если им выпадет успех, то он окажется к нему непричастным, а если случится какая-нибудь неприятность, то отвечать за ошибку будет он один. Перед уходом Алкивиад сказал ему: «Если ты против того, чтобы родина одержала победу, прошу тебя об одном — перенеси морской лагерь поближе к противнику; а не то смотри, как бы из-за беспечности ваших солдат Лисандр не нашел случая покончить с вашим войском врасплох». И предчувствие не обмануло его. Выведав от лазутчиков, что афинские моряки сошли на берег за добычей, оставив корабли почти пустыми, Лисандр не упустил возможности нанести удар и тем самым кончил всю войну¹⁷.

9. После поражения афинян Алкивиад решил, что оставаться на старом месте ему небезопасно и удалился вглубь Фракии, к северу от Пропонтиды¹⁸, надеясь, что легко может укрыть там свое добро. Напрасно! Приметив, что он явился с большими деньгами, фракийцы устроили ему западню. То, что он привез с собой, им отнять удалось, но самого его захватить не смогли. А он, понимая, что в Греции при господстве лакедемонян для него убежища нет, перебрался в Азию к Фарнабазу¹⁹ и так очаровал сатрапа своей обходительностью, что сделался его лучшим другом. Тот отдал ему крепость Гриний во Фригии, с которой он получал 50 талантов дохода. Но Алкивиад не был доволен своей участью и не мог снести того, что побежденные Афины покорялись лакедемонянам. Все помыслы его были направлены на освобождение отечества. Понимая, однако, что без помощи персидского царя ничего не получится, он решил стать его другом и привлечь его на свою сторону, не сомневаясь, что легко достигнет этой цели, если получит разрешение на свидание. Ведь Алкивиад знал, что царский брат Кир при поддержке спартанцев тайно готовит мятеж, и предвидел, что открыв это дело царю, войдет к нему в большую милость²⁰.

10. Пока он обдумывал этот план и убеждал Фарнабазу, чтобы тот направил его к царю, в это самое время Критий и другие афинские тираны послали к Лисандру в Азию верных людей с уведомлением, что все порядки, которые он установил в Афинах, окажутся недолговечными, если он не уничтожит Алкивиада, так что дорожа прочностью своего дела, он должен схватить этого человека. Обеспокоенный таким предупреждением, лаконец решил предъявить Фарнабазу решительное требование. И вот он грозит разорвать все соглашения, которые были у спартанцев с царем, если сатрап не выдаст ему Алкивиада живым или мертвым. Тот не выдержал натиска и предпочел попать милосердие, чем допустить умаление царского могущества. Итак, он послал Сузамитру и

Багея²¹ умертвить Алкивиада, который был тогда во Фригии и готовился отправиться к царю. Посланцы тайно перепоручили это убийство жителю того местечка, где он находился. Те не посмели напасть на него с оружием в руках, но, обложив ночью хворостом домишко, в котором он спал, разожгли пожар, дабы огнем уничтожить того, кого не надеялись одолеть силой. Алкивиад проснулся от треска пламени, а поскольку меч у него похитили заранее, выхватил из-за пояса у друга кинжал; так случилось, что рядом с ним был один гостеприимец его из Аркадии, который не покидал его ни при каких обстоятельствах. Приказав ему следовать за собой, Алкивиад сгрел всю бывшую под рукой одежду и, набросив ее на огонь, прорвался через его жар. Увидев, что он выскочил из пожара, варвары забросали его издали копьями и убили, а голову его отправили Фарнабазу. Женщина же, которая сожительствовала с ним, облекла его в свое женское платье и сожгла мертвого на пожарище того дома, в котором собирались спалить его заживо. Так в возрасте около 40 лет Алкивиад встретил свой конец²².

11. Много дурного написано об этом человеке, зато всячески превозносят его три достойнейших историка — Фукидид, бывший его современником, Феопомп, родившийся несколько позже, и Тимей²³; последние двое, известнейшие хулители, почему-то дружно хвалят его одного. Они поведали о нем то, что я рассказал выше, и сверх того следующее: родившись в великолепнейшем городе Афинах, он был первым среди граждан по благородству и блеску своего обихода; когда же, изгнанный оттуда, явился в Фивы, то настолько приспособился к местным обычаям, что никто не мог сравниться с ним в трудолюбии и телесных упражнениях — ведь беотийцы отличаются скорее телесной силой, чем остротой ума; у лакедемонян, издавна усматривающих высшую доблесть в воздержании, он вел сугубо строгий образ жизни, превосходя всех спартанцев простотою пищи и одежды; побывав у фракийцев — людей, приверженных к вину и любовным утехам — и тех обогнал в подобных уладах; прибыв к персам, у которых выше всего ценится охотничья удаль и роскошная жизнь, так прилачился к их привычкам, что сами они не могли надивиться на его отвагу и великолепие. Так и вышло, что с какими бы людьми он ни жил, везде он оказывался самым первым и самым любимым. Но довольно об Алкивиаде — перейдем к следующим героям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹По отцу Алкивиад происходил из эпатридского рода Скамбонидов, по матери — из знаменитейшего рода Алкмеонидов. Прадедом его по материнской линии был демократический законодатель Клисфен, дедом по отцовской — Алкивиад Старший, сподвижник Клисфена. Таким образом, знатные предки Алкивиада были вождями ранней афинской демократии.

Дата рождения Алкивиада неизвестна, но так как отец его Клиний пал в битве при Коронее в 446 г., а сам Алкивиад погиб в 404 г. около 40 лет от роду, время рождения его приходится на середину V в.

²Непот ошибается. Дед Перикла и прадед Алкивиада были братьями.

³В 415 г. (см. вступительную статью). Поход в Сицилию кончился гибелью всего афинского войска (413 г.).

⁴Гермы — четырехугольные уличные столпы, увенчанные головой Гермеса. Выходка пьяной компании была воспринята как деяние опасных заговорщиков вследствие общей атмосферы подозрительности, царившей в Афинах (см. вступительную статью к афинским жизнеописаниям V в.).

⁵Сборища «золотой» молодежи, действительно, имели иногда характер олигархических союзов. Алкивиад обвиняли в пародировании Элевсинских мистерий; проклинаявшие его после осуждения жрецы Эвмолпиды — элевсинский род, издревле заведывавший таинствами Деметры и Диониса.

На Алкивиادا взирали и с надеждой, и со страхом, так как он уже прославился как видный руководитель афинской политики: в 420 г. Алкивиад сколотил антиспартанскую коалицию в Пелопоннесе (Аргос, Элида, Мантинея), распавшуюся после победы Спарты под Мантинеей (418 г.). Как представитель знатного рода, он имел высокие связи за рубежом: дары молодому Алкивиаду присылали Эфес, Хиос, Леобос; его аргосские гостеприимцы были проводниками афинской политики в Аргосе.

⁶Сообщение о пребывании Алкивиада в Фивах встречается только у Непота (см. те же данные в гл. 2).

⁷Обвинение в адрес демократов.

⁸События 413—411 гг. (см. о них вступительную статью). Тексты трех персидо-спартанских договоров, заключенных в 412 — начале 411 гг., см. Фукид. VIII, 18; 37; 58.

⁹Дарий II (424—404 гг.), отец Артаксеркса Мнемона и Кира Младшего. Тиссаферн, сын Гидарна — крупный государственный деятель и дипломат, с 413 г. — наместник Лидии и Карии. Великий ненавистник греков, противник филэллина Кира Младшего. Тиссаферн принимал советы Алкивиада, пока они помогали ему сдерживать успехи Спарты; так, сатрап сократил жалование гребцам спартанского флота и остановил финикийскую эскадру, шедшую на помощь спартанцам. Дружба Тиссаферна с Алкивиадом кончилась, когда афинянин, помирившись с отечеством, повел афинский флот от победы к победе.

¹⁰411 г. (см. вступительную статью к афинским жизнеописаниям V в.).

¹¹411—408 гг. См. об успехах Алкивиада этой поры во вступительной статье. Непот ошибочно включает Ионию в перечень алкивиадовых завоеваний; только в 406 г. афинский полководец повел свою эскадру на завоевание Ионии.

¹²В июне 407 г.

¹³На 406 г. Алкивиад был избран стратегом с неограниченными полномочиями, стратегом-автократом.

¹⁴И по Диодору, непосредственной причиной смещения Алкивиада было неудачное нападение его на Киму (XII, 73, 4). Более достоверным считается рассказ Ксенофонта (*Греч. ист.* I, 5, 10—14) и Плутарха (*Алкив.* XXXV) о поражении его кораблей у Нотия (см. вступительную статью).

¹⁵Командование над островами Эгейского моря получил Конон.

¹⁶Пактия — город на Херсонесе Фракийском. Владения Алкивиада были неподалеку от Козьей Речки.

¹⁷Битва при Эгоспотамах — август или сентябрь 405 г. Подробное описание см. *Плут. Лисандр* IX—XII; *Ксен. Греч. ист.* II, I, 21—28.

¹⁸По данным Плутарха, Алкивиад сразу же перебрался в Азию и был ограблен фракийцами, проживающими в Вифинии (*Алкив.* XXXVII).

¹⁹Фарнабаз — с 413 по 387 г. сатрап Гелеспонтской Фригии со столицей Даскилеей (Даскилейская сатрапия). В Пелопоннесскую войну сражался на стороне спартанцев против Алкивиада (военные действия в Пропонтиде в 411—408 гг.); страдал от реквизиций своего союзника Лисандра. В 90-х гг. IV в. именно его провинция больше всего претерпела от нашествий Агесилая. С 395 г. Фарнабаз — покровитель и командир Конона, главный патрон Коринфской лиги.

²⁰Царевич Кир Младший — покровитель спартанцев, друг Лисандра. С 407 г. — главный наместник Малой Азии, в 401 г. поднял мятеж против брата Артаксеркса, опираясь на греческих наемников. Погиб в сражении при Кунаксе близ Вавилона.

²¹Багей — брат Фарнабаза, Сузамитра — его дядюшка.

²²Алкивиад погиб в правление 30 афинских тиранов, т. е. между июлем 404 и мартом 403 г. Власть афинских олигархов продержалась около 8 месяцев.

²³Фукидид (464 — после 411 г.) — великий афинский историк, автор «Истории Пелопоннесской войны». Феопомп (род. в 377—376 г.) — автор «Греческой истории», продолжавшей труд Фукидида. Тимей (род. в середине IV в., умер в возрасте 96 лет) —

сицилийский историк, 50 лет проживший в Афинах: главный его труд — «История Сицилии», где Алкивиад должен был упоминаться в связи с сицилийской экспедицией 415—413 гг.

VIII ФРАСИБУЛ

1. Фрасибул, сын Лика, афинянин. Если бы мы воздавали должное одной добродетели, не принимая в расчет удачу, как знать, может быть, я оказал бы этому человеку предпочтение перед всеми остальными великими мужами. Несомненно одно: никого не ценю я так, как его, за честь, верность, великодушие и любовь к родине. Многие хотели, но немногие сумели избавить отечество от одного узурпатора, ему же удалось выволить из неволи и освободить родину, угнетенную тридцатью тиранами. Но так получилось, не знаю почему, что хотя никто не мог превзойти его упомянутыми достоинствами, многие стали более знаменитыми, чем он. И прежде всего в Пелопоннесскую войну неоднократно отличался он без Алкивиада, а тот без него не совершил ничего примечательного, но благодаря какому-то природному дару, все общие успехи обратил в свою пользу¹. Но военную славу полководцы целиком разделяют со своими солдатами и Фортуной, поскольку в гуще боя дело решается не приказом начальника, а силой и храбростью бойцов; поэтому у солдата есть правило полагаться не столько на вожда, сколько на судьбу, и по праву может он утверждать, что исход дела зависит больше от него, чем от мудрости командира. Зато самое славное деяние той поры является единоличным достоянием Фрасибула. Когда 30 тиранов², поставленных лакедемонянами, правили в порабощенных Афинах, изгоняя из отечества и казня многих граждан, пощаженных судьбою на войне, когда они конфисковывали и делили меж собой их имущество, тогда Фрасибул оказался первым и поначалу единственным, кто объявил им войну.

2. Итак, он бежал в Филу, сильнейшую крепость Аттики, имея при себе не более 30 сподвижников³. Это бегство положило начало спасению Актеев⁴, эти люди стали оплотом свободы славнейшего государства. Тираны отнеслись сначала с презрением к Фрасибулу и его одиночному бунту, и такое отношение обратилось во зло надменным и во благо презренному: те поленились преследовать беглецов, а эти, получив время на подготовку, собрались с силами. Вот почему всем надо держать в уме правило: на войне всякая мелочь важна; и не зря говорят: мать о том слез не льет, кто себя бережет. Впрочем, отряд Фрасибула вырос меньше, чем он рассчитывал, ибо тогда, в те времена, порядочные люди отважнее говорили о свободе, чем сражались за нее. Затем из Филы он перебрался в Пирей и укрепил Мунихию⁵. Дважды тираны шли на нее штурмом, но, позорно разбитые, неизменно бежали в город, растеряв оружие и обоз. Фрасибул же действовал не только храбро, но и благоразумно, запрещая избивать отступающих; он полагал, что гражданам одного

государства подобает щадить друг друга. Никто не бывал даже ранен, кроме тех, которые первыми лезли в драку. Павших его люди не раздевали и ничего из добычи не брали, кроме оружия, которого не хватало, и съестных припасов. Во втором сражении пал Критий, предводитель тиранов, храбро сражавшийся против Фрасибула⁶.

3. После его гибели на помощь обитателям Аттики пришел спартанский царь Павсаний⁷. При его посредничестве Фрасибул и те, которые владели городом, заключили мир на следующих условиях: никто не подвергнется изгнанию и конфискации имущества, кроме 30 тиранов и 10 стратегов, избранных после них и правивших в духе крайней жестокости; управление государством снова перейдет в руки народа. А еще Фрасибул славится тем, что после заключения мира, когда влияние его в государстве было чрезвычайно высоко, он внес закон о том, чтобы никто не привлекался к суду и не подвергался наказанию за прежние дела; афиняне назвали этот закон амнистией. Фрасибул позаботился не только о проведении его, но и добился того, чтобы он соблюдался. Так, когда некоторые из бывших его товарищей по изгнанию хотели устроить резню тех граждан, с которыми состоялось официальное примирение, Фрасибул воспротивился этому и настоял на исполнении данного обещания.

4. За эти заслуги народ присудил ему почетный венок, состоящий из двух масличных ветвей. Эта награда, выражающая не силу, а народную любовь, принесла ему великую честь, не возбудив ни малейшей зависти. Да, прав был Питтак⁸, считавшийся одним из семи мудрецов, когда сказал митиленцам, предлагавшим ему в подарок многие тысячи югеров: «Прошу вас, не дарите мне то, чему многие люди позавидуют, на что еще большее число людей позарится. Из этих полей мне нужна только сотня югеров, в которой воплотится и умеренность моих желаний, и ваше доброе намерение». В самом деле скромные награды оказываются долговечными, а пышные идут не в прок. Поэтому и Фрасибул удовлетворился венком, не ища большего и не считая, что другие опередили его в почестях. Прошло некоторое время, и, командуя флотом, он привел корабли в Киликию. Караулы в его лагере исполнялись недостаточно бдительно, и при ночной вылазке варваров из города он был убит ими в собственной палатке⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹О совместном командовании Алкивиада и Фрасибула в Пропонтиде (411—408 гг.) см. вступительную статью к афинским жизнеописаниям V в.

²Имеются в виду 30 олигархов, поставленных у власти после капитуляции Афин. Формально они были избраны Народным Собранием, проходившим в июле 404 г. (см. *Ксен. Греч. ист.* II, 3, 2 — в начале аттического года, т. е. вскоре после 7 июля) в театре гавани Мунихии при участии Лисандра и под давлением спартанского войска, стоявшего в Декее. Состав коллегии 30 тиранов (см. *Ксен.*).

³Фила — крепость на границе Беотии и Аттики. Афинские демократы нашли сначала убежище в Фивах, отсюда двинулись освобождать отечество зимой 404—403 г. По данным Ксенофонта, у Фрасибула было сначала 70 сторонников (*Греч. ист.* II, 4, 2), по свидетельству Павсания — 60 человек (I, 38, 3).

⁴Актён — жители Аттики. Само название области происходит от слова «актэ» — «скалистый берег» (Актика — Аттика).

⁵О Пирее и Мунихии см. прим. 10 к жизнеописанию Фемистокла. Фрасибул занял не гавань Мунихию, но сомнительный ей холм, господствовавший над Нижним городом.

⁶Число повстанцев возросло ко времени захвата Пирея до тысячи с лишним (*Ксен. Греч. ист.* II, 4, 10; *Диод.* XIV. 33, 1).

⁷Критий — ученик Сократа, талантливый оратор и поэт, часто поминаемый Платоном. Сначала был приверженцем демократии, в конце Пелопоннесской войны — вдохновителем страшного террора 30 олигархов.

⁸После гибели Крития 30 тиранов бежали из Афин в Элевсин. Городская партия (Народное Собрание из 3 тыс. богатейших граждан) заменила их коллегией 10 стратегов, продолжавшей политику своих предшественников (март 403 г.). На смену свергнутому правительству пришел во главе наемников Лисандр. Царь Павсаний, соперник Лисандра и противник его грубой внешней политики, выступил следом как официальный представитель Спарты, ведя за собой союзное ополчение, в котором отсутствовали только беотийцы и коринфяне, отказавшиеся воевать против Афин, Павсаний вступил в тайные переговоры с пирейской и городской партиями, подсказав афинянам, какие условия мира примет спартанское правительство. Заключение мира — октябрь 403 г.

⁹Питтак — правитель города Митилены на Лесбосе (конец VII — начало VI в. до н. э.).

¹⁰В 389 г. Фрасибул совершил морской поход в Геллеспонт и Малую Азию, восстанавливая афинскую власть и форос у бывших членов Афинского морского Союза. Содержал свою эскадру за счет грабежей приморских жителей. Погиб весной 389 г. не в Киликии, а в Памфилии на р. Эвримедонте, где его матросы разграбили окрестности городка Аспенда.

IX КОНОН

1. Афинянин Конон вступил на общественное поприще во время Пелопоннесской войны, и деятельность его принесли тогда много пользы. В звании стратега командовал он сухопутными армиями, в чине начальника флота совершил много славных дел на море. За эти подвиги он удостоился особой чести, ибо один получил в управление все острова. На этом посту он захватил спартанскую колонию Феру¹. Был он стратегом и в конце Пелопоннесской войны, когда Лисандр разбил афинское войско на р. Эгос. Конон тогда отсутствовал, и это была одна из причин дурного командования. Сам он был военачальником опытным и осторожным, и никто тогда не сомневался, что если бы он оказался на месте, то афиняне не потерпели бы такого страшного поражения².

2. Когда дела приняли скверный оборот, и Конон услышал об осаде родного города, то стал он искать пристанище — не безопасное местечко для себя, а такое убежище, откуда можно было бы оказать помощь соотечественникам. Наконец, он отправился к Фарнабазу, сатрапу Ионии и Лидии, который был к тому же зятем и родственником царя³. Усердно служа и подвергаясь многим опасностям, добился он того, что вошел в большую милость к сатрапу. Дело в том, что лакедемоняне, победив афинян, не сохранили союза, заключенного с Артаксерксом, но послали в Азию Агесилая, чтобы он вел там войну. Подбил их на это, главным образом, Тиссаферн⁴, бывший сначала доверенным лицом

царя, а затем изменивший ему и заключивший союз со спартамцами. Против него был назначен полководцем Фарнабаз, но на самом деле войском командовал Конон, по совету которого вершились все дела. Неоднократно чинил он препятствия великому полководцу Агесилаю и часто разрушал его замыслы. Ни для кого не было секретом, что, не будь Конона, Агесилай отнял бы у царя Азию вплоть до Тавра. А когда сограждане отозвали последнего домой по случаю того, что беотийцы и афиняне объявили спартамцам войну, и тогда Конон не оставил службы при царских полководцах и оказал им всем немало услуг.

3. Тиссаферн изменил царю, но об этом знали все, кроме Артаксеркса. За многие важные услуги этот человек пользовался у царя влиянием даже после отставки. Неудивительно, что тому трудно было поверить в его предательство, ведь он помнил, как с его помощью одолел брата своего Кира. С обвинениями против Тиссаферна Фарнабаз послал к царю Конона. По прибытии тот, следуя персидскому обычаю, явился прежде всего к тысяченачальнику Тифрасту, второму лицу в государстве, и заявил, что хочет говорить с царем — без этого никого во дворец не пускали. А тот ему ответил: «Иди хоть сейчас, но подумай, что для тебя предпочтительнее — изложить дело устно или письменно. Ведь если ты предстанешь перед царем, то тебе придется склониться перед ним ниц (персы называют такой поклон «земным»). Если подобное приветствие тебе в тягость, то столь же успешно ты можешь добиться желанного исхода, передав свое прошение через меня». Тогда Конон сказал: «Мне не трудно воздать царю любую почесть, но боюсь, что позор ляжет на мое отечество, если я, уроженец того государства, которое привыкло повелевать другими народами, буду следовать не его, а варварским обычаям». Итак, он написал то, что хотел сказать, и передал послание тысяченачальнику.

4. Ознакомившись с обвинениями, царь настолько доверился авторитету Конона, что объявил Тиссаферна врагом⁵, приказал Конону вести войну с лакедемонянами и разрешил ему выбрать военного казначея по своему усмотрению. Тот отказался, ссылаясь на то, что решение должно исходить не от него, но от самого царя, который, очевидно, лучше знает своих людей; он же со своей стороны предлагает поручить это дело Фарнабазу. После этого, осыпанный щедрыми дарами, он был послан к морю с наказом требовать военные корабли у киприотов, финикийцев и других приморских государств и готовить флот, чтобы с начала весны контролировать его силами море; помощником его, как он и хотел, назначили Фарнабаза⁶. Когда лакедемоняне узнали об этом, то взялись за приготовления с большим рвением, понимая, что теперь им предстоит более серьезная война, чем если бы они имели дело только с варваром. Они видели, что во главе царского войска с ними будет биться полководец храбрый и предусмотрительный, которого им не превзойти ни умом, ни силой. Взвесив все это, они собрали большой флот и вышли в море во главе с Писандром.

Конон атаковал их у Книда, дал большое сражение и, обратив противника в бегство, много кораблей захватил, а еще больше — потопил. Эта победа дала свободу как Афинам, так и всей Греции, находившейся под властью лакедемонян⁷. Конон же с частью своего флота прибыл на родину, распорядился о восстановлении стен Афин и Пирея, разрушенных Лисандром, и вручил согражданам 50 талантов, взятых у Фарнабаза.

5. Как и все мы, смертные, в счастье он проявил меньшее благоразумие, чем в несчастье. Полагая, что победа его над пелопоннесским флотом искупила беды отечества, загорелся он совершить более великое дело, чем было ему по силам. Впрочем, надо сказать, что его старание увеличить могущество не столько царя, сколько своей родины, было благочестивым и достойным одобрения. Итак, завоевав после морского сражения у Книда большой авторитет и у варваров, и у всех греческих государств, он начал тайные хлопоты, направленные на то, чтобы вернуть Афинам Ионию и Эолию. Дело это велось недостаточно скрытно, и вот наместник Сард Тирибаз вызвал к себе Конона будто для того, чтобы послать его по важному делу к царю⁸. Когда тот, подчиняясь зову, явился, его бросили в темницу и держали там какое-то время. Потом, как сообщают некоторые писатели, его отправили к царю, и там он умер. Напротив, Динон, сведениям которого о Персии я верю больше всего, пишет, что Конон бежал⁹, и не может только сказать — случилось ли это с ведома Тирибаза или без его участия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Деятельность Конона в период Пелопоннесской войны остается в тени. Известно, что в 413 г. он командовал эскадрой, стоявшей у Навпакта (город в Этолии, заселенный мессенскими эмигрантами). В 406 г. заместил отрешенного от командования Алкивиада — это и есть, видимо, то начальство над островами, о котором говорит Непот. Вскоре после этого его эскадра была разбита Калликратидом и, потеряв почти половину судов, нашла спасение в гавани Митилены на Лесбосе. На помощь ей афиняне спешно снарядили 110 триер. Соединившись с кораблями Конона, этот флот одержал победу при Аргинусских островах.

Фера — спартанская колония на одноименном острове близ Крита.

²Другие историки единогласно свидетельствуют, что Конон был единственным афинским стратегом, ускользнувшим из побоища при Эгосе с 8 триерами.

³Непот неточен. Сначала Конон отправился к греческому династу Эвагору, правившему в городе Саламане на Кипре. При начале спартано-персидской войны Эвагор, желая выслужиться перед персами, рекомендовал им человека, способного причинить спартанцам большой вред. Другим и соратником Конона стал Фарнабаз, провинция которого (не Иония и Лидия, а Фригия) страдала от нашествий Агесилая.

⁴О Тиссаферне, сатрапе Лидии и Карии, см. прим. 9 к жизнеописанию Алкивиада.

⁵В 395 г., после доноса Конона царю, Тифраст был послан в Сарды для наведения порядка. Казнил Тиссаферна, откупил Лидию от нашествия Агесилая за 30 талантов, фактически натравив спартанца на Фригию.

⁶Формально командующим был Фарнабаз, а не Конон. Афинянин получил 40 кораблей от Эвагора и столько же — от финикийцев. После того, как в начале кампании Конону сдался Родос, эскадре его придали еще 90 триер.

⁷Битва при Книде произошла в начале августа 394 г. — 14 августа известие о ней пришло к Агесилаю; стоявшему в Беотии. Погибла почти половина неприятель-

ского флота (50 судов), пал спартанский «адмирал» Писандр — родственник Агесилая. О крушении спартанской гегемонии в Азии и Пропонтиде в связи с победой Конона — см. вступительную статью. Спарта удержала только Абидос и Сест.

⁸По свидетельству Ксенофонта, Конон возглавлял в 392 г. афинское посольство к Тирибазу — преемнику Тиссаферна, прибывшее по случаю обсуждения мирных предложений Спарты (первый, несостоявшийся проект Анталкидова мира — *Ксен. Греч. ист.* IV, 8, 12—16).

⁹Исократ сообщает, что Конон умер у Эвагора на Кипре (*Панэлл*, 41).

X ДИОН

1. Дион, сын Гиппарина, сиракузянин, происходил из знатного рода¹ и был причастен к тирании обоих Дионисиев. Дело в том, что Дионисий Старший был женат на сестре Диона Аристомaxe, от которой имел двух сыновей, Гиппарина и Нисея, и еще двух дочерей по имени Софросина и Арета; первую он выдал замуж за сына своего Дионисия — того самого, которому оставил царство, а другую, Арету, за Диона. Помимо знатного родства и громкой славы предков Дион обладал множеством иных, врожденных достоинств — например, по природе своей он был любознателен, добр, склонен к благородным занятиям, внешность имел внушительную, вызывающую немалое доверие, и, кроме того, располагал большим, доставшимся от отца состоянием, которое он сам увеличил, пользуясь щедростью тирана. Он был доверенным лицом Дионисия Старшего — не только из-за родства, но и благодаря свойствам своего характера: хотя жестокость Дионисия была ему противна, он заботился о его благополучии как ради дружбы, так еще более — ради своих близких. Он принимал участие во всех важных делах, и тиран часто следовал его совету, если к делу не примешивался его собственный, более насущный, интерес. Все самые знаменитые посольства возглавлялись Дионом. Ведя переговоры добросовестно и честно, он смягчал своим обаянием отвращение к свирепому имени тирана. А карфагеняне отнеслись к этому посланцу Дионисия с таким восхищением, какого никогда не удостоивался у них ни один человек, говорящий на греческом языке.

2. Все это не ускользало от внимания Дионисия, понимавшего, какую славу приносит ему Дион. Потому-то он был особенно милостив к нему и любил его не меньше, чем сына. А когда до Сицилии дошла весть о том, что Платон прибыл в Тарент², тиран не решился отвергнуть просьбу юноши, не отказался призвать философа, ибо Дион горел желанием услышать его. Итак, он дал согласие и весьма вежливо пригласил Платона в Сиракузы. Дион же пришел от гостя в такой восторг и так полюбил его, что целиком посвятил себя ему. И сам Платон отвечал ему такой же привязанностью, ведь после того, как тиран нанес ему жестокое оскорбление, приказав продать его в рабство, он все-таки возвратился назад, снизойдя к мольбам все того же Диона³. Между тем Дионисий заболел. В то время, как он тяжело страдал от недуга, Дион осведомился у врачей о его состоянии и попросил,

чтобы они предупредили его, если положение вдруг станет более опасным, поскольку ему нужно поговорить с больным о разделе власти; он считал, что сыновья его сестры, рожденные от Дионисия, имеют право получить часть царства. Врачи не умолчали об этой просьбе, передав его слова Дионисию-сыну. Встревожившись, тот приказал им дать отцу снотворное, чтобы у Диона не было возможности вмешаться. Приняв это лекарство, больной заснул и, не просыпаясь, скончался⁴.

3. Так началась вражда между Дионом и Дионисием, возросшая затем по многим причинам. Но сначала какое-то время между ними сохранялась видимость дружбы. И поскольку Дион непрестанно умолял Дионисия, чтобы он вызвал из Афин Платона и руководствовался его советами, тот, желая хоть в чем-то походить на отца, исполнил его желание. В то же время он возвратил в Сиракузы историка Филиста, друга тирана и не меньшего поклонника тирании — об этом подробно написано в книге о греческих историках⁵. Что до Платона, то он завоевал у Дионисия такой авторитет и настолько преуспел в искусных речах, что уговорил его уничтожить тиранию и возвратить сиракузянам свободу. Отказавшись от этого намерения по совету Филиста, тиран стал править еще более жестоко⁶.

4. Дионисий видел, что Дион превосходит его и умом, и авторитетом, и расположением народным и опасался, что, держа его при дворе, даст ему случай низвергнуть себя; поэтому он предоставил ему трирему и отправил его на этом корабле в Коринф, оправдываясь, что делает это в интересах их обоих, ради того, чтобы при взаимном недоверии один не опередил другого во зле⁷. А поскольку это дело возмутило многих граждан, возбудив сильное негодование против тирана, Дионисий погрузил на корабль все движимое имущество Диона и отослал его хозяину. Тем самым он хотел показать, что действовал не по злобе на этого человека, но ради собственной безопасности. Впоследствии же, узнав, что Дион снаряжает в Пелопоннесе войско, затевая против него войну, дионову жену Арету он отдал замуж за другого, а сына его приказал воспитывать таким образом, чтобы с помощью баловства привить ему отвратительнейшие пороки. И вот этому мальчику, еще несовершеннолетнему, приводили девок, закармливали его лакомствами, опаивали вином и не давали возможности протрезвиться. И он дошел до того, что уже не смог вынести перемены в образе жизни, когда отец вернулся на родину (тогда к нему приставили сторожей, которые не допускали его до прежних занятий) и, бросившись вниз с крыши дома, так и погиб.

5. По прибытии Диона в Коринф туда же бежал и Гераклид, бывший начальник конницы, также изгнанный Дионисием. Все свои замыслы посвятили они подготовке к войне, но имели малый успех. Многолетняя тирания считалась могучей военной силой, и поэтому лишь немногие присоединялись к опасному предприятию. Однако Дион, полагаясь не столько на свое войско, сколько

на ненависть к тирану, отважно выступил в поход на двух грузовых судах, чтобы сокрушить существующую уже 50 лет державу, которую защищали 500 военных кораблей, 10 тыс. всадников и 100 тыс. пехотинцев⁸; к изумлению всех народов, он так легко опрокинул ее, что на третий день после высадки в Сицилии вступил в Сиракузы. Этот пример показывает, что крепка лишь та власть, которая зиждется на сочувствии подданных. В это время Дионисия не было на месте, он поджидал вражеский флот в Италии, рассчитывая, что на него двинутся не иначе как с большими силами. Но в этом он обманулся. С помощью самих подданных своего противника Дион сокрушил царскую гордыню и целиком завладел той частью Сицилии, которая подчинялась Дионисию, а также столицей Сиракузами, кроме крепости и связанного с городом острова. И он добился того, что тиран согласился заключить мир на следующих условиях: Сицилия отходила к Диону, Италия — к Дионисию, а Сиракузы — к Аполлократу, единственному человеку, пользовавшемуся у тирана полным доверием⁹.

6. Такое неожиданное, такое счастливое течение событий в дальнейшем внезапно переменялось, ибо отличающаяся непостоянством судьба пожелала низвергнуть того, которого только что возвысила. Сначала она нанесла удар через сына, упомянутого мною выше. В самом деле, забрав назад жену, отданную другому, Дион пытался и дитя свое отвлечь от пагубной неги и вернуть к добродетели, и в это время гибель сына тяжело поразила отца. Затем началась ссора его с Гераклидом, ибо тот, не уступая первенства, составил свою партию. Среди видных граждан он пользовался не меньшим влиянием, чем Дион, и с их одобрения командовал флотом, тогда как Дион распоряжался сухопутным войском. В результате последний не сдержался и произнес стих Гомера из второй песни, имеющий такой смысл: не может государство иметь доброе правление при многовластии. Эти слова вызвали великое негодование: сочли, что он выдал желание прибрать все к своим рукам. Не пытаясь смягчить это недовольство уступчивостью, Дион постарался подавить его жестокостью и, когда Гераклид вернулся в Сиракузы, подстроил его убийство¹⁰.

7. Дело это повергло всех в ужас, после убийства Гераклида никто не считал себя в безопасности. А Дион, устранив соперника, своевольнейшим образом роздал солдатам имущество тех граждан, которые были известны как его противники. Вскоре после этого раздела, вследствие огромных ежедневных расходов, он начал ощущать недостаток в средствах, но ему уже нечего было прибрать к рукам, кроме имущества друзей. И так получалось, что, удерживая на своей стороне солдат, он отталкивал от себя лучших граждан¹¹. Все эти заботы сокрушали его. Не привыкший к хуле, он тяжело переживал осуждение со стороны тех людей, которые раньше превозносили его похвалами до небес. А враждебная ему толпа, при попустительстве солдат, болтала все смелее и толковала о необходимости избавиться от тирана.

8. Наблюдая такие настроения, Дион не знал, как успокоить

народ, и страшился исхода. Тогда некий Калликрат¹², афинский гражданин, прибывший вместе с ним в Сицилию из Пелопоннеса, коварный и ловкий интриган, человек без чести и совести, пришел к нему и сообщил, что недовольство народа и враждебность солдат грозят Диону большой бедой и что избежать ее он может не иначе, как поручив кому-нибудь из друзей притвориться своим врагом. Если отыщется подходящий человек, то ему легко будет вывести любые планы и уничтожить врагов, поскольку они откроют свои изменнические замыслы. Когда совет этот был одобрен, Калликрат взял исполнение дела на себя и, прикрываясь опрометчивостью Диона, подыскал сообщников для убийства тирана, договорился с его противниками и организовал заговор. Дело это было известно многим, слухи о нем распространились и дошли до Аристомахи, сестры Диона, и до жены его Ареты. В страхе явились они к нему, трепеща перед грозящей ему опасностью. А тот заверил их, что Калликрат не готовит ему никакой западни, но все, что делается, совершается по его, Диона, приказу. Тем не менее женщины отвели Калликрата в храм Прозерпины и заставили поклясться в том, что он не причинит Диону никакого зла. Этот обряд не только не смутил злодея, но побудил его действовать более спешно, внушив опослание, что замысел его откроется раньше, чем он исполнит задуманное.

9. Так он решил, и в ближайший же праздник, когда Дион, удалившись от многолюдства, пребывал в доме и отдыхал в верхнем покое, Калликрат передал участникам заговора самые укрепленные участки города, окружил стражей дом Диона и приставил к дверям надежных людей с наказом не отлучаться. Кроме того, он посадил на трирему солдат и поручил ее брату своему Филострату, приказав маневрировать на ней в порту под предлогом тренировки гребцов; так он рассчитывал обеспечить себе убежище на случай бегства, если замыслы его случайно потерпят неудачу. Затем он выбрал из числа своих сообщников нескольких юношей из Закинфа, отличавшихся выдающейся отвагой и силой, и велел им идти к Диону безоружными, дабы подумали, что они явились к нему для беседы. В доме их знали и впустили внутрь. Они же, едва переступив порог, заперли двери, набросились на покоившегося на ложе Диона и связали его. Поднялся шум, слышный даже на улице. И тут всякий мог понять то, о чем мы говорили раньше — насколько ненавистна для людей единоличная власть и сколь жалка участь того, кто предпочитает, чтобы его не любили, а боялись. Ведь стража Диона, при благом желании, могла бы выломать дверь и спасти его, поскольку безоружные заговорщики держали его живым, требуя подать им оружие снаружи. Но так как никто не пришел ему на помощь, некий Ликон, сиракузянин, подал через окно меч, которым Диона и прикончили¹³.

10. Когда по совершении убийства дом наполнила любопытная толпа, то были жертвы, погибшие вместо заговорщиков от руки несведущих людей. Дело в том, что лишь только стремительно разнеслась весть о насилии, учиненном над Дионом, как сбежалось

много граждан, недовольных этим злодеянием. Они-то и перебили невинных горожан, ошибочно приняв их за преступников. Когда все узнали о смерти Диона, удивительным образом изменилось настроение толпы. Те, которые при жизни называли его тираном, теперь величали его освободителем отечества, гонителем тирана. И до такой степени сожаление вытеснило ненависть, что, будь это возможно, они согласились бы отдать свою кровь, чтобы вернуть его с берегов Ахерона. Итак, он был похоронен посреди города на общественный счет, и над могилой его соорудили гробницу. Смерть настигла его примерно на 55 году от роду, на пятый год по прибытии его из Пелопоннеса в Сицилию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Дион родился около 408 г. до н. э. Отец его Гиппарин — знатный сиракузянин, сподвижник Дионисия Старшего на государственном поприще.

²Платон поддерживал дружбу с итальяскими пифагорейцами, особенно с тарентинцем Архитом — знаменитым философом и государственным деятелем.

³Первый визит Платона на Сицилию относится к 389 г. По легенде Дионисию Старшему не понравились независимые высказывания гостя, и он тайно велел капитану корабля, на котором Платон возвращался в Грецию, продать философа в рабство. Некоторые историки ставят этот рассказ под сомнение. Вторично Платон посетил Сицилию уже при Дионисии Младшем.

⁴Дионисий Старший умер в феврале 367 г.

⁵Филист — знаменитый историк и офицер, сподвижник обоих Дионисиев. При Старшем он был комендантом крепости тирана на острове Ортигия, затем — сослан за женитьбу на племяннице Дионисия без разрешения дядюшки. В изгнании, поселившись в Анконе на берегу Адриатического моря, написал историю Сицилии с древнейших времен до смерти Дионисия Старшего. Цицерон сравнивал этот труд с сочинением Фукидида. При Дионисии Младшем Филист командовал сиракузским флотом. Когда Дион, осадивший тирана в крепости, разгромил в Большой гавани его флот, адмирал Филист то ли покончил с собой, то ли был растерзан захватившими его сиракузянами.

⁶Второй визит Платона в Сиракузы имел место в 366 г. У Плутарха мы встречаем подробный рассказ о попытке Диона перевоспитать тирана с помощью философии, о периоде страстной любви-ревности Дионисия к Платону. Однако после временного увлечения тирана наукой и добродетелью, порочная натура его взяла верх: Дион был сослан, а Платон отпущен на родину. Через несколько лет тоскующий поклонник снова призвал философа ко двору (361—360 гг.). После третьей встречи учитель и ученик расстались в самых холодных отношениях.

⁷Дионисий Младший, родившийся от некоей Дориды из Локр, подозревал Диона в том, что он хочет передать власть своим племянникам — сыновьям Дионисия Старшего от любимой жены Аристомехи. Некоторые историки также считают, что Дион был не рыцарем свободы, но честолюбцем, интриговавшим в пользу племянников. Изгнанник Дион обосновался в Афинах и стал ревностным учеником платоновой Академии. Посещал он также города Пелопоннеса, особенно часто — Коринф и Спарту, и даже получил спартанское гражданство.

⁸Летом 357 г. Дион отплыл на Сицилию с 800-ми пелопоннесскими наемниками, которые расположились на двух торговых судах.

⁹Аполлократ — старший сын Дионисия. Во время одной вылазки наемники его учинили страшную резню в Сиракузах. Сдал крепость Диону в 354 или 353 г.

¹⁰Гераклид — командующий сиракузским флотом. Чрезвычайно отрицательно характеризует его Плутарх, рисующий портрет честолюбца, демагога, вождя черни. Гераклид поддерживал идею передела земли, которой противился Дион. Добился в одно время изгнания из Сиракуз дионовых наемников. Дважды пытался вытеснить из города самого Диона. После капитуляции крепости тирана Дион хотел установить в Сиракузах республиканско-олигархический строй, Гераклид возглавил крайнюю демократию. Тогда Дион развязал руки старым противникам Гераклида.

Очевидно, Непот ошибается, говоря о сочувствии Геракиду «видных граждан».

¹¹После уничтожения остатков тирании Дион стоял у власти в качестве стратега с неограниченными полномочиями. Ввел обременительные налоги, вызвавшие недовольство состоятельных сиракузян. Его упрекали также в том, что он не разрушил крепость тиранов на острове.

¹²у Плутарха глава заговорщиков — Каллипп, товарищ Диона по Академии; в доме этого человека Дион нашел приют в пору изгнания. В кругах платоновых учеников Дион считался героем Свободы, некоторые академики приняли участие в его походе на Сицилию.

¹³Дион погиб в 353 г. Жил он в частном доме, а не в крепости тирана, так что застичь его врасплох не составляло труда.

XI ИФИКРАТ

1. Афинянин Ификрат прославился не столько как великий полководец, сколько как мастер военного дела. По своим достоинствам командира он занимал одно из первых мест среди современников и не уступал в славе никому из предшественников. Много потрудился он на военном поприще, часто стоял во главе войска. Никогда не допускал он ошибки, ведущей к поражению, замыслы его всегда увенчивались победой, и был он настолько изобретателен, что ввел в военное дело много и улучшений и новшеств. Именно он изменил оружие пехотинцев: до него солдаты употребляли огромные щиты, небольшие копья и короткие мечи, он же, напротив, ввел малые щиты вместо больших (по ним впоследствии пехотинцев стали называть пельтастами), облегчив воинов в походах и сражениях, увеличил вдвое размер копья и удлиннил мечи; а еще вместо кольчуг и медных панцирей ввел он льняные доспехи. После этой перемены солдаты стали боеспособнее, поскольку, сняв с них лишний груз, он дал им не менее надежное и легкое снаряжение¹.

2. Он воевал с фракийцами и восстановил на царство афинского союзника Севта². Под Коринфом он командовал войском с великой строгостью, так что никогда еще в Греции не было более умелой и более послушной приказам вождя армии, и приучил солдат-ж тому, что после сигнала полководца «к бою», они, независимо от командира, строились в таком порядке, как будто каждого ставил на место опытейший военачальник. С этим войском он разбил, на радость всей Греции, большой спартанский отряд и еще раз в ту же самую войну обратил в бегство всю спартанскую армию, стяжав тем самым великую славу³. Когда Артаксеркс решил воевать с египетским царем, то попросил у афинян в полководцы Ификрата, дабы поставить его во главе наемного войска численностью в 12 тыс. бойцов⁴. Тот обучил эту армию всем военным приемам, и как некогда римские солдаты назывались «фабиевыми», так эти «ификратовы» воины пользовались у греков большим почетом. И тот же Ификрат, придя на помощь лакедемонянам, приостановил наступление Эпаминонда; а если бы он не подоспел вовремя, то фиванцы ушли бы от Спарты не раньше, чем захватив ее и спалив дотла⁵.

3. Был он велик и духом и телом, обладал внешностью полководца, с первого взгляда возбуждая у всех восхищение, в трудах, однако, как сообщает Феопомп, несобран и нетерпелив, но при этом — гражданин, добрый и весьма честный. Порядочность свою он проявил во многих случаях и особенно — при защите детей македонского царя Аминты. Случилось так, что после смерти Аминты Евридика, мать Пердикки и Филиппа, бежала к Ификрату и нашла защиту в его лагере⁶. Дожил он до старости, сохранив расположение сограждан. Однажды во время союзнической войны он защищался в уголовном процессе вместе с Тимофеем и был на этом суде оправдан. После него остался сын Менесфей, рожденный фракиянкой, дочерью царя Котиса⁷. Когда его однажды спросили, кого он больше почитает, мать или отца, тот ответил: мать. Всем это показалось странным, но юноша сказал: я сужу по заслугам; ведь отец, насколько это от него зависело, родил меня фракийцем, а мать, напротив — афинянином.

ПРИМЕЧАНИЯ

О происхождении и юности Ификрата нет сведений. Знатные противники называли его сыном сапожника. Первый военный подвиг он совершил на триере (*Плут. Изречения царей и полководцев* 44, 1; 5). Слава пришла к нему в конце 90-х гг. IV в. под Коринфом. Поскольку Ификрат умер в старости вскоре после процесса 356 г., а командиром наемников в Коринфской войне стал, видимо, в возрасте не моложе 30 лет, рождение его можно отнести на 20-е гг. V в. до н. э.

¹Эти воины в облегченном снаряжении, именуемые по их круглому кожаному щиту-пельте, использовались то в сплоченном строю как гоплиты, то в рассыпном как легковооруженные.

²Афиняне издавна поддерживали дружеские сношения с могущественным фракийским царством одрисов, сложившимся в середине V в. до н. э. В конце V — начале IV в. афинские полководцы (Алкивиад, Фрасибул) заключали союзы с двумя правителями Фракии — царем одрисов Медоксом (или Амадоксом) и его воспитанником, наместником приморской области Севтом. На рубеже 90—80 гг. Севт устранил своего воспитателя и захватил власть с помощью греческих наемников, издавна бывших его друзьями. До Анталкидова мира (весна 386 г.) Ификрат командовал в районе проливов, на границе с Одрисским царством; затем остался в тех же краях, поступив на службу сначала к Севту, потом к его преемнику Котису (правил в 384—360 гг.).

³Уничтожение спартанской моры («полк» численностью от 500 до 900 человек, в данном случае — в 600 гоплитов) — знаменитейшее деяние Ификрата под Коринфом (390 г.). Эта мора выступила из захваченной спартацами коринфской гавани Лехея, чтобы проводить домой ополчение лаконского городка Амиклы, спешившее на праздник Гиакинфий. На обратном пути по ней ударил из Коринфа Ификрат. Его пельтасты поражали противника дротами, увертываясь от преследования тяжелых гоплитов (*Ксен. Греч. ист.* IV, 5, 11—18). Погибла не вся мора, но треть ее. О второй битве, упоминаемой Непотом, в источниках сведений нет.

⁴Поход с Фарнабазом в Египет — 374-первая половина 373 г. Персидскому войску пришлось столкнуться с мощными укреплениями, возведенными Хабрием. Ификрат, требовавший решительных действий, скоро рассорился со своим начальником.

⁵Непот преувеличивает значение ификратовой помощи Спарте. Афиняне выступили в поход, когда фиванские союзники начали уже покидать Лаконику. Роль афинского отряда сводилась к тому, чтобы отрезать Эпаминонду дорогу домой через Истм, но Ификрат не справился с этой задачей. Заняв второстепенный путь, он оставил открытой лучший проход близ Кенхрей и упустил фиванцев без боя. Ксенофонт критикует тактику Ификрата (*Греч. ист.* VI, 5, 49—52).

⁶В 369 г. македонский вельможа Фтолемей убил царя Александра II, старшего

сына Аминты и Эвридики. Царица вышла замуж за убийцу сына, который стал опекуном юного царя Пердикки. Третий сын Аминты, Филипп (будущий отец Александра Великого) жил в те годы в Фивах в качестве заложника. В это время права на престол предъявил родственник царского дома Павсаний. Ификрат, ведший эскадру на осаду Амфиополя, помог вытеснить претендента из страны (368 г.).

Ификрат женился на дочери Котиса во время многолетней службы у фракийского царя в 80 — начале 70-х гг. В конце 60-х гг. помогал тестю воевать против Афин. По анекдотическому рассказу Полиена, на знаменитом процессе 356 г. Ификрата окружала свита диких фракийцев, устроившая судей. Жесткий, солдатский характер Ификрата как нельзя лучше подходил к нравам фракийского племени.

XII ХАБРИЙ

1. Одним из славнейших полководцев считался и афинянин Хабрий, совершивший немало достопамятных дел. Среди них особенно знаменит новый прием, использованный им в сражении при Фивах, когда он оказал помощь беотийцам¹. Во время боя, когда великий полководец Агесилай, видя бегущие вспять отряды наемников, уверился уже в своей победе, Хабрий приказал оставшейся фаланге твердо стоять на месте и показал ей, как, оперев щит о колено и выставив вперед копье, встретить натиск противника. Видя такое новшество, Агесилай не осмелился наступать далее и сигналом трубы отозвал своих солдат, идущих в атаку. Это событие, разнесенное молвой, так прославилось по всей Греции, что Хабрий заказал свое изображение в той самой позе воина-фалангита, и афиняне от лица государства поставили ему эту статую на площади. Отсюда и пошло, что впоследствии атлеты и другие участники общественных состязаний изображались скульпторами в том виде, в каком они одержали победу.

2. В звании афинского полководца Хабрий неоднократно вел войны в Европе, а в Египте сражался по своей воле. Так, придя на помощь Нектенебу, он вернул ему царство. То же самое совершил он и на Кипре, но уже помогая Эвагору от лица афинского государства, и покинул остров, лишь завоевав его целиком. Это дело покрыло афинян великой славой. Затем снова началась война между персами и египтянами. У афинян был союз с персами, а у лакедемонян — с египтянами, от которых царь их Агесилай получал богатую мзду. Учтя это, Хабрий, который ни в чем не уступал Агесилаю, отправился в Египет добровольцем и возглавил там флот, в то время как Агесилай командовал сухопутными силами².

3. Тогда полководцы персидского царя направили в Афины послов с жалобой на то, что Хабрий воюет против царя на стороне египтян. Афиняне назначили ему определенный срок для возвращения домой и предупредили, что в случае опоздания он будет привлечен к уголовному суду. Получив такое извещение, Хабрий вернулся в Афины, но не задержался там дольше необходимого времени. Не любил он жить на глазах сограждан, ибо его

широкий образ жизни и слишком независимое поведение не могли не навлечь на него зависти черни. Таков общий порок великих и свободных государств: зависть сопутствует там славе, унижению подвергаются люди, которые кажутся слишком высоко стоящими, и бедняки с раздражением взирают на недоступное им благосостояние богачей. Итак, Хабрий покинул отечество, как только смог. И не он один с радостью уезжал из Афин, но так поступали почти все видные люди, полагая, что чем дальше от глаз сограждан — тем меньше ревности. Например, Конон долгое время жил на Кипре, Ификрат — во Фраким, Тимофей — на Лесбосе, а Харес — в Сигее³; последний не походил на них ни делами, ни характером, но пользовался в Афинах почестями и влиянием.

4. Погиб Хабрий во время Союзнической войны, и вот как это случилось. Афиняне вели осаду Хиоса⁴. Хабрий, не занимавший во флоте никакого поста, авторитетом превосходил всех должностных лиц, и солдаты уважали его больше, чем командиров. Это обстоятельство ускорило его конец. Желая первым проникнуть в порт он приказал кормщику направить туда корабль, тем самым уготовив себе гибель. Ибо когда он прорвался в гавань, другие за ним не последовали. После этого неприятель напал на него со всех сторон, и пока он храбро оборонялся, судно начало тонуть. Хотя Хабрий мог бежать, кинувшись в море, поскольку его подобрал бы стоявший неподалеку афинский флот, он счел за лучшее скорее погибнуть, чем бросить оружие и оставить корабль, на котором служил. Товарищи не последовали его примеру и спаслись вплавь. Он же, предпочитая славную смерть опозоренной жизни, схватился с неприятелем врукопашную и пал, пронзенный вражескими копьями.

ПРИМЕЧАНИЯ

Хабрий, сын Ктесиппа, во всех отношениях стоит как бы между знатым Тимофеем и безродным Ификратом. Характер его не лишен барственных черт (*Плут. Фок. VI*; *Неп. 3*). Примечательна дружба его с Фокионом — этим Аристидом IV столетия, благородным консерваторм из незнатной, но почтенной семьи (*Плут. Фок. IV*). В то же время прослеживаются связи Хабрия с демократами: военная карьера его начиналась во флоте Фрасибула (морская экспедиция 390—389 гг.); в 372 г. после суда над Тимофеем он стал участником западного похода Ификрата и Каллистрата. Как командир наемников Хабрий сложился, очевидно, под Коринфом, где он заменил Ификрата (конец 390—388 г.).

¹В 378 г. Хабрий был стратегом вместе с Тимофеем и Каллистратом. После нападения Сфодрия на Пирей оказал помощь фиванцам при вторжении Агесилая в Беотию.

²Спутав хронологический порядок, Непот перечисляет здесь следующие походы Хабрия: помощь Эвагору в качестве стратега Афинского государства в 387 г. Служба после Анталкидова мира в качестве вольного наемника в Египте у царей Ахориса и Нектанеба I (386—380 гг.); прославились фортификационные сооружения Хабрия, возведенные в Дельте; на это время приходится неудачный поход Фарнабаза и Тифраста в Египет; Хабрий был отозван афинскими властями по требованию персидского царя в конце 380 — начале 379 г. и сразу же получил стратегию на 379/378 г. Командовал флотом Таха во время вторжения египетского царя в Сирию (360 г.); покинул Египет после низвержения Таха, в то время как Агесилай перешел на службу к узурпатору Нектанебу II.

³О Харесе см. прим. 4 к жизнеописанию Тимофея. Тимофей проживал на Лесбосе во время судебных процессов конца 60-х гг. (см. вступительную статью).

⁴Битва у Хиоса — 356 г. Был ли Хабрий в это время стратегом или триерархом (капитаном) — вопрос спорный. Скорее всего он командовал флотом вместе с Харесом. После гибели Хабрия афиняне снарядили в середине лета вторую эскадру во главе с Тимофеем и Ификратом.

Непот опускает в своем рассказе главные деяния Хабрия — победу при Наксосе (376 г.) и северный поход 375 г. Благодаря этим предприятиям Хабрий может считаться главным восстановителем Афинского морского Союза (см. вступительную статью к афинским жизнеописаниям IV в.).

Примечательно также участие Хабрия в обороне Истмийского прохода от Эпаминонда в 369 г. (см. вступительную статью к беотийским жизнеописаниям).

ХІІІ ТИМОФЕЙ

1. Тимофей, сын Конона, афинянин, обладая многими достоинствами, умножил унаследованную от отца славу. Был он красноречив, деятелен, трудолюбив и сведущ как в военном деле, так и в делах государственного управления. Много славных подвигов числится на его счету, но самые замечательные его деяния следующие: он покорил оружием жителей Олинфа и Византия. Захватил остров Самос, — причем если в прошлую войну афиняне потратили на его осаду 1200 талантов, он возвратил его под власть народа без всякого убытка для казны. Неоднократно воевал он с царем Котисом, внося в казну 1200 талантов из полученной от него добычи. Освободил от осады Кизик. Вместе с Агестилаем пришел на помощь Ариобарзану, и в то время как лаконец взял у перса плату наличными деньгами, Тимофей не захотел принять то, от чего мог бы урвать кусок для своего дома, но предпочел умножить земли и города своего государства; поэтому он взял Критоту и Сест¹.

2. Он же, командуя флотом и плывя вдоль берега Пелопоннеса, разорил Лаконику, рассеял спартанский флот, подчинил власти афинян Керкиру и заключил союз с эпиротами, афаманами, хаонами и со всеми прочими народами, жившими вблизи тамошнего моря. После этого лакедемоняне прекратили затяжной спор и, добровольно уступая афинянам морское первенство, заключили с ними мир, по условиям которого афиняне становились хозяевами моря². Эта победа так обрадовала народ Аттики, что впервые тогда государство воздвигло алтари богине Мира и учредило в ее честь священную трапезу. Ради же сохранения памяти о заслуге Тимофея ему поставили статую на площади от лица народа. Никому до этого не выпадала такая честь, чтобы народ, воздвигнув статую отцу, оказал такую же милость и сыну. Итак, когда они встали рядом, новая статуя сына воскресила воспоминания о былых подвигах отца.

3. Когда Тимофей состарился и отошел от должностей, афиняне со всех сторон увязли в тяжелых войнах. Отпал Самос, отложился Геллеспонт, и Филипп Македонский, войдя в силу, начал осуществлять свои великие замыслы³. Против него выставили Хареса, от которого не ожидали большого толка⁴. Потом стратегом

был избран Менесфей — сын Ификрата, зять Тимофея. Его-то и решили послать на войну, приставив к нему двух выдающихся по уму и опыту помощников — отца и тестя, чтобы он пользовался их советом; они обладали великим авторитетом, и все горячо надеялись, что с их помощью можно будет вернуть утраченное⁵. Когда они направились к Самосу, Харес, узнав о их приближении, двинулся туда же со всем своим флотом, дабы никому не показалось, что он не причастен к делу. При подходе их к острову внезапно разразилась страшная буря. Спасаясь от нее, два старых полководца здраво рассудили поставить свои корабли на якорь. Харес же со своим опрометчивым умом не подчинился авторитету старших, как будто он был хозяином положения. Добравшись до желанной цели, он известил Тимофея и Ификрата, чтобы они следовали за ним. Но дела его пошли неудачно, так что, потеряв множество кораблей, он вернулся с острова туда, откуда выступил в поход и отправил в Афины официальное донесение, в котором говорилось, что он легко захватил бы Самос, если бы Тимофей и Ификрат его не покинули⁶. Народ — суровый, подозрительный и вследствие того непостоянный, завистливый и враждебно настроенный (само высокое положение полководцев усугубляло их вину), отозвал их домой, где их обвинили в измене. На этом процессе Тимофей был осужден и оштрафован на 100 талантов. Гонимый ненавистью неблагодарных сограждан, он удалился в Халкиду⁷.

4. После его смерти народ устыдился своего приговора, отменил 9 частей штрафа, а относительно 10 талантов распорядился, чтобы Конон, сын Тимофея, внес их на ремонт одного участка стены. В этом деле обнаружилось непостоянство судьбы. Те самые стены, которые Конон-дед восстановил для отечества на средства, взятые у врага, внук с большим позором был вынужден чинить на семейные деньги. Я мог бы рассказать еще много случаев из скромной и разумной жизни Тимофея, но удовлетворюсь одним примером, по которому легко можно представить, насколько дорог он был своим близким. Когда в юности он защищался в Афинах перед судом, на помощь ему пришли, как друзья и личные гостеприимцы, так среди них и Язон, тиран Фессалии, самый могущественный человек своего времени. Он, который на родине никогда не чувствовал себя в безопасности без охраны, явился в Афины без всякой защиты, так высоко ценя друга, что предпочел скорее подвергнуться смертельной опасности, чем не поддержать Тимофея, отстаивающего свое доброе имя. А тот впоследствии воевал против Язона, почитая законы родины более священными, чем законы дружбы⁸.

Ификрат, Хабрий, Тимофей — это было последнее поколение победоносных афинских полководцев, после их смерти в государстве не осталось ни одного военачальника, достойного упоминания. И вот я обращаюсь к самому храброму и умному из варварских вождей, не считая двух карфагенян — Гамилькара и Ганнибала. Я расскажу о нем тем более подробно, что большинство подвигов

его осталось в тени, в то время как успех, выпадавший ему на долю, достигался не столько силой, сколько умом, которым он превосходил тогда всех. Но чтобы это стало очевидным, надо рассказать о его делах по порядку.

ПРИМЕЧАНИЯ

Тимофей происходил из благородной, состоятельной семьи: имена Конон и Тимофей чередовались в ней, переходя от отца к сыну. Отец героя этого жизнеописания — знаменитый Конон, победитель при Книде (см. его жизнеописание у Непота). Родился Тимофей около 411 г.; получил превосходное образование; в юности был учеником Исократа, в зрелые годы захаживал в академию Платона (*Элиан*. II, 10, 18).

¹В первой главе Непот перечисляет успехи Тимофея 60-х гг. на службе у Ариобарзана (366—365 гг.) и во время командования под Амфиполем (364—362 гг.) (см. вступительную статью к афинским жизнеописаниям IV в.).

Олинф — глава Халкидской лиги, вошедшей в 375 г. в Афинский морской Союз; с 368 г. принял сторону осажденного афинянами Амфиполя. Тимофей не взял города, но оторвал от его союза Торону и Потидею. Византий вышел из Афинского морского Союза в 364 г. во время морской экспедиции Эпаминонда. Тимофей насильно вернул византийцев в лоно старой дружбы.

По призыву жителей Кизика Тимофей освободил их город от персидского гарнизона.

О Самосе и войне с Котисом, о Сесте и Критоте — см. вступительную статью.

²Речь идет о знаменитом западном походе Тимофея 375 г. После успехов Тимофея афиняне сепаратно от фиванцев заключили со Спартой мир, нарушенный вмешательством Тимофея в дела Закинфа (374 г.) (см. вступительную статью к афинским жизнеописаниям IV в.).

³Непот говорит о союзнической войне (357—354 гг.) и захватах Филиппа во Фракии: в 357 г. Филипп завладел Амфиполем, на который столь долго претендовали Афины, в 356 г. — Пидной и Потидеей, бывшей добычей Тимофея.

⁴Харес — популярный афинский стратег 50—40 гг. В 357 г. отвоевал Херсонес Фракийский у Керсоблепта, наследника Котиса. В 355 г., после суда над Тимофеем и Ификратом, стал единственным начальником флота; в поисках денег нанялся к фригийскому сатрапу Артабазу, выступившему против своего царя. Успехи Хареса на этой службе рассорили афинян с Персией и стали причиной ультиматума Артаксеркса Оха, следствием которого стал распад Афинского морского Союза. Античная традиция характеризует Хареса как жестокого, алчного и беспринципного демагога. Отзыв о нем Тимофея: «Не стратегом ему быть, а носить подстилки за стратегами» (*Плут. Изречения...* 45, 3).

⁵Ификрат и Тимофей, враждовавшие со времени суда над Тимофеем в 373 г., примирились и породнились накануне Союзнической войны, очевидно, — после изгнания из Афин Каллистрата (361 г.), старого ификратова союзника, вождя крайней демократии.

⁶Непот путает события, происходившие под Самосом и Хиосом. В 356 г. Ификрат и Тимофей сначала освободили Самос, осажденный мятежными союзниками, затем безуспешно пытались овладеть Византием и, наконец, обратились против Хиоса, действуя независимо от Хареса.

⁷Тимофей скончался в изгнании в 354 г. За 3 года до этого Халкида и другие города острова Эвбеи были освобождены им от власти фиванцев.

⁸О суде над Тимофеем в 373 г. см. вступительную статью. Язон — тиран города Фер, объединивший в те годы под своей властью всю Фессалию; в нем видели потенциального претендента на гегемонию в Элладе. Был другом всех противников Спарты, особенно — Беотийского союза. Убит в 370 г.

Тимофей познакомился с Ясоном во время своего западного похода через посредство ясонова вассала — эпирского царя Алкета. Ясон и Алкет вместе прибыли защищать своего гостеприимца, остановились в его пирейском доме. По случаю приема столь знатных гостей Тимофею пришлось влезть в долги. О войне Тимофея с Ясоном нет сведений в других источниках.

XIV ДАТАМ

1. Датам происходил из племени карийцев, отцом его был Камисар, а матерью — Скифисса¹. При Артаксерксе он был причислен сначала к воинам, охранявшим царский дворец. Отец его Камисар, храбрый солдат, способный военачальник, неоднократно доказавший свою верность царю, управлял частью Киликии, расположенной вблизи Каппадокии, где обитают левкосиры. Находясь на службе, Датам впервые проявил свои дарования во время войны, которую царь вел с кадусиями². Много погибло тогда царских людей, а Датам весьма отличился и по этой причине, а также вследствие гибели Камисара на войне, получил в управление отцовскую область.

2. Такую же доблесть проявил он и позже, когда Автофродат по царскому повелению вел войну с отложившимися мятежниками³. Противник ворвался тогда в лагерь, но благодаря мужеству Датама был отбит, и царское войско оказалось спасенным. После этого ему стали доверять более серьезные командования. Был тогда некий Туис, пафлагонский царек древнего рода, происходивший от того Пилемена, который, по свидетельству Гомера, был убит Патроком во время Троянской войны. Он не слушался царя, и поэтому царь решил объявить ему войну, а вести ее поручил Датаму, родственнику пафлагонца: родители их были братом и сестрой. По этой причине Датам хотел сначала привести родича к повиновению, не прибегая к оружию. Он явился к нему без охраны, не ожидая от друга никакого подвоха, и едва не погиб, ибо Туис задумал тайно умертвить его. Но вместе с Датамом была его мать, тетка пафлагонца. Она узнала о том, что готовится, и предупредила сына. Спасшись от опасности бегством, он объявил Туису войну. И хотя во время этой войны Ариобарзан, сатрап Лидии, Ионии и всей Фригии покинул Датама, тот, действуя с неизменным упорством, захватил Туиса в плен живым вместе с женой и детьми⁴.

3. Датам постарался предстать перед царем раньше, чем до того дойдет слух об этом событии. Так, в тайне ото всех явился он туда, где пребывал царь, и на следующий день обрядил Туиса, отличавшегося огромным ростом и свирепым видом, — он был черен, длинноволос и бородат — в роскошное одеяние, которое обычно носили царские сатрапы; разукрасил его ожерельем, золотыми браслетами и другими царственными уборами, сам же облачился в двойной крестьянский плащ, грубую тунику и охотничий шлем и, держа в правой руке палку, а в левой — веревку, которой был связан Туис, гнал его перед собой, словно тащил пойманного дикого зверя. Небывалое зрелище и необычный наряд привлекли всеобщее внимание, собралась большая толпа, и не обошлось без людей, узнавших Туиса и доложивших царю. Тот сначала не поверил и послал разузнать Фарнабаза, а когда удостоверился от него в происшедшем, велел впустить обоих и

остался чрезвычайно доволен и делом, и нарядом, а более всего тем, что знаменитый царь неожиданно попал к нему в руки. Поэтому, щедро наградив Датама, он направил его к войску, формировавшемуся под началом Фарнабаза и Тефраста для войны с Египтом, и повелел, чтобы у него были такие же полномочия, как у тех двоих. А после, когда царь отозвал Фарнабаза, верховное командование получил Датам.

4. Когда же он, тщательно подготовив войско, собирался двинуться в Египет, пришло письмо, предписывающее ему идти против Асписа, который правил Катаонией, что расположена севернее Киликии по соседству с Каппадокией. Дело в том, что Аспис, обитавший в лесистой и укрепленной замками стране, не только не повиновался царю, но даже нападал на соседние области и расхищал обозы с царскими даяниями. Хотя Датам находился далеко от тех мест и был занят более важным делом, однако счел необходимым исполнить царскую волю. Итак, он сел на корабль вместе с мужами немногими, зато храбрыми, полагая, что легче одолеет малыми силами врага беспечного, чем большим войском — изготовившегося. Так оно и случилось. Достигнув на корабле Киликии и высадившись на берег, он шел затем днем и ночью, перевалил через Тавр и прибыл туда, куда стремился. Осведомившись, где Аспис, узнал, что тот выехал на охоту и находится поблизости. Пока он вел расспросы, стала известна причина его прибытия, и Аспис изготовил к отпору как писидийцев, так и своих спутников. Услышав об этом, Датам вооружился и приказал своим людям следовать за собой, сам же, погоняя коня, устремился на противника. Когда Аспис увидел издали несущегося на него Датама, то струсил и, отказавшись от попытки сопротивления, сдался в плен. Датам заключил его в оковы и передал Митридату для отправки к царю.

5. В то время как все это происходило, Артаксеркс, сообразив, что отправил лучшего вождя с большой войны на малое дело, раскаялся и, полагая, что Датам еще не тронулся с места, отправил гонца к войску в Акку с наказом, чтобы полководец не покидал армию. Еще не доехав до места назначения, тот повстречал на пути людей, везущих Асписа. Благодаря такой поспешности Датам приобрел великую милость царя, но навлек на себя не меньшую зависть придворных, которые видели, что он один затмил всех. Поэтому-то они дружно сговорились его погубить. Обо всем этом написал Датаму его друг Пандант, царский казначей, предупреждая в письме, что ему грозит большая беда, если во время его командования в Египте случится какое-нибудь несчастье; ведь цари имеют привычку винить за неудачи других, а успех приписывать себе, и поэтому, когда приходят известия о поражениях, их легко подстрекают к расправе над полководцами; Датаму же угрожает особая опасность, поскольку самые влиятельные при царе люди являются его недругами. Датам прочел это письмо, будучи уже при войске в Акке; понимая справедливость написанного, он решил отложиться от царя. При

этом, однако, он не совершил ничего, порочащего его честь. Передав армию магнесийцу Мандроклу, он удалился со своими людьми в Каппадокию и занял прилегающую к ней Пафлагонию⁹. Скрывая свои намерения в отношении царя, он тайно вступил в дружбу с Ариобарзаном⁶ и поставил свои гарнизоны в укрепленных городах.

6. Впрочем, из-за зимней непогоды все эти приготовления имели мало успеха. И вот услышал Датам, что писидийцы собирают против него какие-то силы, и послал туда сына своего Арсидея, но юноша пал в сражении. Отец выступил в поход со сравнительно небольшим войском, скрывая поразившее его горе; он стремился добраться до противника прежде, чем весть о поражении дойдет до его людей, дабы войны, узнав о гибели сына, не пали духом. Прибыв туда, куда стремился, он разбил лагерь в таком месте, где полчище противника не могло его окружить, тогда как он сам имел полную возможность начать сражение. Начальником конницы был у него тесть его Митробарзан. Находя положение зятя отчаянным, он перебежал к врагу. Узнав об этом, Датам сообразил, что если до простых воинов дойдет слух об измене столь близкого ему человека, то найдутся и другие, которые последуют его примеру. Поэтому он во всеуслышание объявил, что по его приказу Митробарзан ушел под видом перебежчика, чтобы легче войти в доверие и уничтожить врагов; потому, мол, не следует оставлять его одного, все должны последовать за ним; если они с отвагой исполнят это дело, то противник не сможет сопротивляться, избиваемый как внутри вала, так и вне его. Речь эта была встречена с одобрением, и вот Датам выводит войско из лагеря, преследуя таким образом Митробарзана; добравшись же до неприятеля, приказывает начать сражение. Встревоженные неожиданным оборотом дел, писидийцы решили, что перебежчики поступили хитро и злонамеренно, дабы в их рядах причинить им наибольшее зло. Итак, сначала они набросились на беглецов; последние же, не понимая, что к чему, были принуждены сражаться с теми, на сторону которых переметнулись, и стоять за тех, кого покинули. С обеих сторон не было им пощады, и скоро все они были перебиты. Наконец, Датам атакует сопротивляющихся писидийцев, опрокидывает их с первого натиска, преследует бегущих, многих истребляет и захватывает вражеский лагерь. Так-то с помощью одной уловки Датам уничтожил предателей, разбил врагов и обратил себе на пользу то, что замышлялось ему на погибель. Нигде не довелось мне читать, чтобы какой-нибудь еще полководец столь остроумно задумал и столь стремительно исполнил свой план.

7. И такого-то мужа покинул взрослый сын его Сизина, переметнувшийся к царю и донесший ему об измене отца. Весть эта поразила Артаксеркса, понимавшего, что ему придется иметь дело с человеком храбрым и деятельным, который дерзает исполнять свои замыслы и привык думать прежде, чем действовать. Царь направил в Каппадокию Автофродата. Датам, стремясь воспрепятствовать вторжению, постарался заранее занять проход.

в котором расположены Килийские ворота. Ему не удалось, однако, набрать армию в слишком короткий срок и, потерпев в этом деле неудачу, он выбрал для сошедшегося отряда такую позицию, где противник не мог бы его ни окружить, ни миновать, не подвергшись удару в опасном месте, ни существенно использовать свою многочисленность против его малых сил, если бы он счел нужным вступить в сражение.

8. Автофродат понимал эти расчеты, однако решил, что лучше вступить в бой, чем обратиться вспять с таким большим войском или слишком долго стоять на месте. А было у него 20 тыс. варварских всадников, 100 тыс. пехотинцев, которых они называют кардаками⁷, и 3 тыс. прашников того же рода; кроме того — 8 тыс. каппадокийцев, 10 тыс. армян, 5 тыс. пафлагонцев, 10 тыс. фригийцев, 5 тыс. лидийцев, около 3 тыс. аспендийцев и писидийцев, 2 тыс. киликийцев и столько же каптианов, 3 тыс. греческих наемников и большое число легковооруженных воинов. Перед лицом этой мощи вся надежда Датама заключалась в нем самом и в характере местности, ибо не было у него и двадцатой части такой рати. И вот, полагаясь на свои силы, он принял бой и уничтожил многие тысячи врагов, в то время как в его войске пало не более тысячи человек. Поэтому на следующий день он водрузил трофеи на том месте, где накануне произошла битва. И впоследствии, покинув эту стоянку, он, будучи слабейшим по числу солдат, всегда оказывался сильнейшим во всех сражениях, потому что вступал в бой только в том случае, когда запирали врага в узком месте, что при его остром уме и знании местности случалось нередко. Автофродат, видя, что война наносит урон скорее царю, чем противнику, предложил Датаму мир и дружбу на условии, что тот помирится с царем. Датам принял предложение и, хотя не верил в надежность мира, но обещал отправить к Артаксерксу послов. Так завершилась война, которую царь вел против Датама. Автофродат удалился во Фригию.

9. Царь однако затаил непримиримую ненависть к Датаму. Убедившись, что на войне одолеть его нельзя, он старался погубить его с помощью козней, от которых тот многократно увертывался. Например, однажды Датаму донесли, что некоторые лица из числа его друзей готовят ему ловушку. Поскольку донос был сделан недоброжелателями, он решил и не отвергать его, и не оставлять без внимания, вознамерившись испытать его истинность или ложность на деле. Итак, он отправился туда, где на дороге его ожидала указанная засада. При этом он выбрал человека, похожего на себя сложением и ростом, обрядил его в свое платье и приказал занять то место в строю, где обычно шествовал царь. А сам он шел в толпе телохранителей, вооруженный и одетый как солдат. И когда отряд достиг условленного места, заговорщики, обманутые платьем и порядком строя, бросились на того, кто был им подставлен. Однако Датам заранее предупредил своих спутников, чтобы они следили за ним и были готовы делать то же, что и он. Сам же, заметив бегущих заговорщиков, стал бросать в

них копья, и поскольку все последовали его примеру, те, не добежав до человека, на которого хотели напасть, пронзенные пали на землю.

10. Но в конце концов этот хитрейший муж был обманут Митридатом, сыном Ариобарзана. Последний обещал царю погубить Датама, если царь позволит ему безнаказанно делать то, что он сочтет нужным, скрепив обещание, по персидскому обычаю, правой рукой. Получив от царя письменное «рукопожатие», Митридат собирает войско и заочно заключает с Датамом дружбу; затем опустошает царские области, захватывает замки, берет большую добычу и часть ее раздает своим людям, а часть отсылает Датаму, которому уступает также многие замки. Действуя так продолжительное время, он убедил этого человека, что ведет непримиримую войну с царем; более того, дабы не заронить в нем ни малейшего подозрения в дурном умысле, он не заводил с Датамом переговоров и не искал встречи с ним. Издали проявлял он дружбу так, что казалось, будто скрепляет ее не взаимная помощь, а общая ненависть, питаемая ими к царю.

11. Сочтя, что обман его достаточно удался, Митридат известил Датама, что пора собирать великую рать и идти войной на самого царя; пусть же он, если хочет, придет посоветоваться об этом деле в любое удобное ему место. План был одобрен, назначили время и место встречи. За несколько дней до этого Митридат явился туда с одним вполне доверенным лицом, тайно закопал во многих местах оружие и тщательно эти места отметил. В самый же день переговоров оба вождя выслали людей, которые осмотрели место встречи и обыскали их самих. После того они встретились лично. Побеседовав там некоторое время, они расстались, но когда Датам был уже далеко, Митридат, не доходя, чтобы не вызвать подозрение, до своих, возвратился на прежнее место, сел там, где был закопан кинжал — словно, притомившись, желал отдохнуть — и позвал назад Датама, притворившись, что забыл ему кое-что сказать. А между тем извлек спрятанный кинжал, вынул его из ножен и укрыл под платьем. Идущему же к нему Датаму сказал, что на обратном пути приметил одно видное отсюда место, пригодное для лагеря. И, показывая пальцем это место, в то время как Датам смотрел, поразил его в спину кинжалом и заколол прежде, чем кто-нибудь мог подоспеть на помощь⁸. Так попался в ловушку ложной дружбы этот человек, многих перехитривший, но ни разу никого не предавший.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹За собственным именем скрывается, может быть, этническое обозначение — скифянка.

²Кадуси — воинственное племя, проживающее в Мидийской сатрапии Атропатене (совр. Азербайджан). Поход Артаксеркса II Памятливого против них окончился неудачей, только Артаксеркс III Ох сумел впоследствии привести их к покорности.

³Автофродат — сатрап Лидии. Непот неточно обозначает области малоазиатских наместников. Во время великого восстания сатрапов Автофродат воевал на стороне царя. Диодор ошибочно причислял его к мятежникам.

⁴Эти события происходили в середине 70-х гг. Присоединив к своему наместничеству владения мятежника, Датама в 373 г. начал чеканить собственную монету. К началу 70-х гг. наместник Карии Гекатомн, отец Мавзола, также утвердился в своей сатрапии в качестве династа.

⁵Каппадокия и Пафлагония — области в центре Малой Азии.

⁶Ариобарзан — сатрап Фригии со времени заключения Анталкидова мира (387/386 гг.). Присоединился к восстанию Датама в 367 г., пользовался услугами Агесилая и Тимофея. В 360 г. был выдан царю сыном своим Митридатом и казнен.

⁷Кардаки — персидские наемные отряды.

⁸Гибель Датама — около 360—359 г.

XV ЭПАМИНОНД

1. Эпаминонд, сын Полимнида, фиванец¹ Прежде чем мы начнем рассказывать о нем, пусть наши читатели настроятся не судить чужие обычаи по своим и пусть они не воображают, что занятия, весьма пустые с их точки зрения, считаются таковыми и у других народов. Ведь известно, что у нашей знати не принято заниматься музыкой, а танцы у нас почитаются за порок. У греков же эти занятия считаются и приятными и почтенными. И поскольку мы намерены воссоздать жизнь и характер Эпаминонда, то, очевидно, нам не следует упускать ничего, способствующего точности изображения. Таким образом, сначала мы расскажем о его происхождении, затем о том, чему и кем он был обучен, потом — о характере, способностях и прочих свойствах, достойных упоминания, наконец — о деяниях, которые многими ценятся выше, нежели высокие качества души.

2. Итак, происходил он со стороны названного выше отца из благородного рода, жил в наследственной бедности, а воспитан был превосходнее любого фиванца²: играть на кифаре и петь под струны обучил его Дионисий — музыкант, прославленный не менее, чем Дамон или Лампр, чьи имена известны всему свету; игре на флейте он учился у Олимпиодора, танцам — у Каллифрона. Философию же преподавал ему Лисис из Тарента, пифагореец³, к которому юноша привязался настолько, что ни с кем из своих сверстников не был так дружен, как с этим угрюмым и суровым стариком; отпустил он его от себя лишь после того, как далеко опередил в науке всех своих однокашников, ясно обнаружив, что так же будет превосходить всех и в прочих занятиях. Все эти успехи, по нашим понятиям, пусты и, пожалуй, достойны презрения, но в Греции, особенно в те времена, они почитались весьма высоко. Достигнув возраста эфеба и начав посещать палестру, он старался развить в себе не столько силу, сколько ловкость, ибо рассуждал, что сила нужна атлетам, а ловкость полезна на войне. Поэтому он усердно упражнялся в беге, а в борьбе достиг такого совершенства, что захватывал и валил противника, не сходя с места. С наибольшим же рвением учился он владеть оружием.

3. В его крепком теле обитало множество прекрасных душевных свойств: был он скромн, благоразумен, серьезен, находчив

при любых обстоятельствах, был сведущ в военном деле, доблестен, великодушен и настолько любил правду, что не допускал лжи даже в шутку. К тому же как человек воздержанный и добрый, удивительно терпеливо переносил он обиды как от народа, так и от друзей. Надежно храня чужие тайны (что иногда не менее полезно, чем умение красноречиво говорить), он любил послушать других, полагая, что это — самый удобный способ учиться. Поэтому, попав в кампанию, где рассуждали о государстве или беседовали о философии, он покидал ее не раньше, чем по окончании разговора⁴. Бедность он переносил легко, на общественном поприще не искал ничего, кроме славы, и не принимал денежной помощи от друзей; зато свой авторитет использовал для помощи другим таким образом, что можно было подумать, будто у него с друзьями общий карман: когда кто-нибудь из сограждан попадал в плен или если у товарища оказывалась взрослая дочь, которую тот не мог выдать замуж по бедности, то он созывал друзей на совет и определял, кто сколько должен пожертвовать в зависимости от достатка. Собрав нужную сумму, он не брал деньги, но приводил просителя к жертвователям и устраивал так, чтобы они отсчитывали ему деньги в собственные руки, дабы тот, к кому они попадали, знал, сколько и кому он должен.

4. Бескорыстие его подверг испытанию Диомедонт из Кизика⁵. Этот человек по просьбе царя Артаксеркса пытался подкупить Эпаминонда деньгами. Явившись в Фивы с огромной суммой золота, он за 5 талантов склонил на свою сторону Микита — юношу, которого Эпаминонд в то время горячо любил⁶. Микит встретился с Эпаминондом и открыл ему цель диомедонтова приезда. А тот в глаза Диомедонту ответил: «Не нужно мне никаких денег; если царь замыслил доброе для фиванцев дело, я готов содействовать ему даром, а если злое — то не хватит у него ни золота, ни серебра: любовь к родине дороже мне всех сокровищ вселенной. Ты соблазнял меня, не будучи со мною знакомым, судя обо мне на свой лад — это не удивительно, за это я тебя прощаю; но немедленно удались отсюда прочь — а то, споткнувшись на мне, как бы не совратил ты других. Ты же, Микит, верни этому человеку деньги, а если ты этого не сделаешь сей же час, то я выдам тебя властям». Когда же Диомедонт стал просить у него безопасного выхода и разрешения забрать свое привезенное добро, тот сказал: «Об этом я позабочусь, не твое это дело, а мое: ведь если у тебя отнимут деньги, то кто-нибудь скажет, что с помощью разбоя я получил то, что не пожелал принять в качестве подношения». А затем, осведомившись, куда он желает быть доставленным и услышав в ответ, что в Афины, он дал ему охрану для безопасного препровождения на место. И, не успокоившись на этом позаботился с помощью афинянина Хабрия, о котором мы упоминали выше, чтобы гость невредимым сел на корабль. Случай этот надежно удостоверяет бескорыстие Эпаминонда. Я мог бы привести еще много примеров, но следует соблюдать предел, поскольку я задумал включить в одну книгу жизнеописание многих замес-

чательных мужей, о каждом из которых многочисленные авторы написали до меня тысячи строк.

5. Был он также красноречив — изящен в репликах и блистателен в длинных речах, так что никто из фиванцев не мог сравниться с ним в ораторском искусстве. Завистником его и соперником на государственном поприще выступал некий Менеклид⁷, тоже родом из Фив, человек довольно изощренный в слове — по крайней мере для фиванца, ибо племя это одарено скорее телесной силой, чем талантами. Видя, что Эпаминонд возвышается благодаря военным подвигам, он часто убеждал фиванцев, что мир лучше войны, дабы они не прибегали к услугам этого полководца. А тот возражал ему: «Обманиваешь ты своими речами сограждан, настраивая их против войны, под именем покоя ты готовишь им рабство. Мир рождается от войны, и потому желающие пользоваться долгим миром должны закаляться в боях. Так что если вы, фиванцы, мечтаете первенствовать в Греции, то упражняйтесь в военном лагере, а не в палестре». А когда тот же Менеклид упрекал его за то, что он не женился и не завел детей, а еще больше — за гордость, говоря, что он по всей видимости ищет бранной славы Агамемнона, Эпаминонд ответил: «Оставь, Менеклид, упреки по поводу жены — кого-кого, но не тебя хотел бы я иметь советчиком в таком деле (а надо сказать, что Менеклида подозревали в прелюбодеянии). И как же ошибаешься ты, полагая, что я подражаю Агамемнону: ведь он силами всей Греции за 10 лет едва взял один город, я же, напротив, силами одного нашего города в один день, обратив вспять лакедемонян, освободил всю Грецию»⁸.

6. Тот же Эпаминонд явился однажды в собрание аркадян, чтобы склонить их к союзу с фиванцами и аргивянами⁹. Против него выступал афинский посол Каллистрат, самый знаменитый оратор того времени, убеждавший аркадян поддерживать дружбу с народом Аттики. В речи своей он усердно хулил фиванцев и аргивян, среди прочих доводов приведя такой: аркадянам де следует припомнить, каких граждан породили оба этих государства, чтобы на их примере судить об остальных: ведь аргивянами были матереубийцы Орест и Алкмеон, а в Фивах родился Эдип, убивший своего отца и приживший детей от собственной матери. Отвечая ему, Эпаминонд сначала подробно разобрал все предыдущие замечания, а потом перешел к двум последним обвинениям и заявил, что он удивляется глупости афинского ратора, который упустил из виду, что те люди родились дома невинными, по совершении преступления были изгнаны из отечества, а приют нашли у афинян. Но ярче всего блеснуло его красноречие в Спарте, где он побывал в качестве посла еще до битвы при Левктре. В то время туда собрались уполномоченные всех (спартанских) союзников, и на этом многолюднейшем съезде послов он так изобличил тиранию лакедемонян, что речью своей сокрушил их силу не меньше, чем победой при Левктре. Именно тогда, как стало ясно впоследствии, он добился того, что лакедемоняне лишились помощи союзников¹⁰.

7. А вот примеры того, как терпеливо переносил он обиды от сограждан, считая, что грешно сердиться на отчизну. Однажды вследствие интриг соотечественники не захотели, чтобы он командовал армией, и был избран неопытный военачальник, из-за оплошности которого все огромное войнство застряло в теснинах, попало в окружение и дошло до такой крайности, что все отчаялись в спасении. Тогда пожалели о благоразумии Эпаминонда, находившегося среди рядовых воинов. Когда обратились к нему за помощью, он не стал поминать обиды, но вывел войско из окружения и благополучно вернул его домой. И так поступал он не один раз, но многократно¹¹. Самый же замечательный случай произошел, когда он повел войско в Пелопоннес против лакедемонян, разделяя власть с двумя товарищами, одним из которых был Пелопид — человек энергичный и смелый¹². По наветам противников все они впали в немилость у народа, лишившего их по этой причине командования, и место их заступили другие полководцы. Но Эпаминонд не подчинился постановлению народа, убедил товарищей последовать своему примеру и продолжил начатую войну. Он поступил так, понимая, что если он не сделает этого, то все войско погибнет из-за опрометчивости и неопытности вождей. У фиванцев был закон, карающий смертью всякого, кто удержит власть дольше положенного срока. Рассуждая, что закон этот принят ради пользы государства, он не захотел соблюсти его на погибель отечеству и сохранил власть на 4 месяца дольше, чем разрешил народ.

8. По возвращении домой товарищи его из-за этого нарушения были привлечены к суду. Тогда Эпаминонд настоял, чтобы всю вину они взвалили на него, утверждая, что не подчинились закону по его указке. Когда с помощью такой защиты они избежали беды, все решили, что Эпаминонд не сможет оправдаться, так как ему теперь нечего сказать. А тот явился в суд, признал все обвинения, возводимые на него противниками, подтвердил то, что говорили его товарищи и не стал отрицать, что достоин наказания, предписанного законом. Лишь одного попросил он у судей — чтобы в протоколе своем они записали: «Фиваны приговорили Эпаминонда к смерти за то, что при Левктре он принудил их победить лакедемонян, тогда как до его командования ни один беотиец не мог вынести вида их боевого строя; за то, что одним сражением он не только спас от гибели Фивы, но и дал свободу всей Греции, а положение двух государств изменил настолько, что фиванцы пошли в наступление на Спарту, лакедемоняне почитали за счастье остаться целыми; войну он кончил лишь после того, как восстановил Мессену и осадил самый их город». Едва он умолк, как со всех сторон поднялся смех и одобрительный гомон, и ни один судья не осмелился проголосовать против него. Так, уголовный процесс обернулся для него великой честью¹³.

9. Под конец он командовал войском в большом сражении при Мантинее, доблестно тесня противника, пока лакедемоняне не узнали его в лицо. Полагая, что спасение их родины зависит от гибели этого единственного человека, все свои силы бросили они

на него одного. После жаркой сечи, унесшей многие жизни, в которой сам Эпаминонд бился с великой отвагой, они отступили лишь тогда, когда увидели, что он упал, пораженный издала дротом. Несчастье это несколько обескуражило беотян, однако они не прекратили сражения до тех пор, пока не опрокинули и не разгромили врага. А Эпаминонд, понимавший, что рана его смертельна и что он умрет тотчас, как выдернет из тела застрявший в нем наконечник дрота, терпел до той поры, пока ему не сообщили о победе беотян. Услышав весть, он сказал: «Во время пришел мой конец — умираю непобедимым» — и, выдернув вслед за тем дрот, тотчас испустил дух¹⁴.

10. Он никогда не был женат¹⁵. Однажды Пелопид, имевший дурного сына, упрекал его за это, говоря, что он плохо заботится о родине, если не рождает детей, но Эпаминонд ответил: «Смотри, как бы ты не позаботился еще хуже, оставляя после себя такого отпрыска. А у меня не может быть недостатка в потомстве, ибо вместо дочери я оставляю после себя победу при Левктре — не только более долговечную, чем я, но, несомненно, бессмертную».

А когда изгнанники во главе с Пелопидом захватили Фивы и прогнали из крепости лакедемонский гарнизон, Эпаминонд, не желавший ни защищать дурных людей, ни сражаться против них — из опасения обогреть руки кровью сограждан, сидел дома до тех пор, пока продолжалась междоусобная резня. Любая победа в гражданской войне представлялась ему злосчастной. Но как только началась битва с лакедемонянами у Кадмеи, тот же Эпаминонд встал в первые ряды¹⁶. Завершая рассказ о его добродетелях и жизни, добавляю еще только одно — с чем соглашаются все: до рождения Эпаминонда и после его смерти Фивы постоянно подчинялись чужой власти, и напротив, пока он руководил согражданами — были главным городом всей Греции. Отсюда можна сделать вывод, что один человек значил больше, чем целое государство¹⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Известны отец Эпаминонда Полимнид и брат его Кафисий; оба они — участники Плутархова диалога «О гении Сократа». Имя матери было забыто еще в древности (*Плут. Агесил XIX*). Родители Эпаминонда дожили до победы его при Левктрах (*Плут. Изречения... 70, 10*).

²Семья Эпаминонда принадлежала к кругу старой фиванской аристократии, к одному из пяти родов «кадровых спартов» (см. вступительную статью). На щите великого полководца, водруженном над его могилой, было изображение дракона — родовая эмблема спарта.

Бедность Эпаминонда — излюбленный мотив древних писателей. Был в ходу анекдот о единственном плаще славного героя: когда его отдавали в чистку валяльщикам, хозяин сидел дома, не имея, в чем выйти на улицу (*Элиан V, 5*). Выразителен рассказ о 50 драмах, занятых Эпаминондом на дорогу во время похода его в Пелопоннес (*Элиан XI, 9; Плут. Изречения... 70, 13*). Еще раз напомним, однако, что нищета многих знаменитых античных бедняков весьма относительна. Бедной считалась семья, ведущая на земле натуральное хозяйство. Признак бедности — отсутствие лишних денег и приобретаемых на них предметов роскоши: расшитых одежд, дорогой мебели, серебряной посуды и т. д. С бедностью отождествлялся скромный патриархальный достаток. Примечательно, что Полимнид

содержал в своем доме престарелого философа Лисиса и дал своим детям, явно не обремененным физическим трудом, блестящее образование.

³Лисис прибыл в Грецию после разгрома аристократического Пифагорейского союза в Италии. Существует рассказ о сожжении собрания пифагорейцев в Кротоне: из огня, по преданию, вырвались лишь самые молодые ученики — Филолай и Лисис, эмигрировавшие в Фивы. Невозможно установить ни дату этого события, ни достоверность сообщения об участии в нем Лисиса; по одним сведениям пожар произошел при жизни Пифагора, т. е. на рубеже VI—V вв. до н. э., по другим — после смерти Учителя. Лисис по крайней мере не мог быть современником Пифагора. Очевидно, он пережил погром Пифагорейского союза, учиненный демократами Италии в середине V в. до н. э.

Эпаминонд учился у Лисиса в 90-е гг. IV в. По косвенному свидетельству Плутарха (Правильно ли изречение: живи незаметно? 3 р. 1129 с.), в год битвы при Левктрах Эпаминонду было 40 лет (371 г. до н. э.). Следует учесть также, что он был сверстником Пелопида, имевшего в 379 г. около 30 лет от роду (см. прим. 1 к жизнеописанию Пелопида). Значит, Эпаминонд родился около 411—410 г. до н. э.

⁴Ниже Непот приводит примеры великодушия Эпаминонда. О милосердии фиванского полководца упоминают другие писатели. Павсаний сообщает, что вопреки фиванскому обычаю казнить перебежчиков, Эпаминонд отпустил беотийских беглецов, захваченных близ Сикиона (IX, 15, 4—2-й поход в Пелопоннес в 369 г.). По свидетельству Диодора, Эпаминонд воздержался от резни спартанского отряда, разбитого под Коринфом (XV, 72, 1—2 — тот же поход). Известно, что он воспрепятствовал наказанию орхоменцев, завоеванных после битвы при Левктрах (Диод. XV, 57, 1), и скорбел о расправе, учиненной над Орхоменом в 364 г. в его отсутствие (Павс. IX, 15, 3). См. об этих событиях вступительную статью. Диодор передает изречение Эпаминонда: «Кто ищет гегемонии в Греции, тот должен с помощью человеческого обращения удерживать то, что добыто отвагой» XV, 57, 1).

Характеристика Эпаминонда как молчаливого слушателя развита в диалоге Плутарха «О гении Сократа». В уста Полимида вложено замечание, что сын его сдержан в речах, но ненасытно слушает и учится (592F). По отзыву эпаминондова знакомого, нет человека более знающего и более молчаливого (593 A).

⁵Эпизод с Диомедонтом из Кизика есть также у Плутарха (*Изречения...* 70, 14) и Элиана (V, 5). Относится он, видимо, к 378 г., когда Хабрий занимал в Афинах пост стратега и сражался на стороне фиванцев против Агесилая. О подкупе персидским золотом фиванских, коринфских и аргосских вождей накануне Коринфской войны см. Ксен. Греч. ист. III, 5; I.

Есть рассказы о том, как Эпаминонд отверг дар фессалийского тирана Ясона (Плут. *Изречения...* 70, 13; Элиан XI, 9). Полибий ставил в один ряд бескорыстие Эпаминонда и Аристиды (XXXII, 8, 6).

⁶Кроме Микита известны еще два любимца Эпаминонда — Асопих и Кафисодор (Плут. *Диалог о любви* 761 D; *Афеней* XIII, 605 a). Первый изобразил на своем щите левктрийский трофей и бился под этим знаком с безудержной отвагой. Второй пал при Мантинее, сражаясь бок о бок с Эпаминондом, и был похоронен вместе со своим вождем. О платонической дружбе-любви см. Плут. *Пелоп.* XVIII — XIX. «Божественная дружба» особенно поощрялась у спартанцев и беотян, поскольку влюбленный воин считался непобедимым бойцом.

⁷Развернутую характеристику завистника Менеклида см. у Плутарха — *Пелоп.* XXV.

⁸Эпаминонд имеет здесь в виду битву при Левктре.

⁹Споры в аркадском собрании — около 365 г. См. вступительную статью.

¹⁰Речь идет о конгрессе в Спарте в 371 г. О большой речи Эпаминонда, произведшей сильное впечатление на пелопоннесских союзников Спарты, сообщает также Плутарх (*Агесил.* XXVII—XXVIII).

¹¹Непот рассказывает здесь о походе на выручку Исмению и Пелопиду. См. вступительную статью. См. Плут. *Пелоп.* XXIX; Диод. XV, 71.

Еще один случай великодушия Эпаминонда приводит Валерий Максим: «Когда рассерженные граждане, желая оскорбить Эпаминонда, поручили ему следить за поведением городских улиц (а это была самая низкая у них обязанность), тот незамедлительно взялся за дело, заявив, что приложит все усилия к тому, чтобы оно стало почетным. И благодаря его удивительному усердию эта ничтожная должность стала после него в Фивах желанной и чрезвычайно почетной (III, 7ext.5).

¹²О дружбе Эпаминонда и Пелопида см. *Плут.* Пелоп. IV. Она была скреплена кровью в 384 г., когда оба сражались в рядах фиванского отряда, посланного на помощь Спарте против Мантинеи. В этом бою Эпаминонд прикрыл тяжело раненого товарища и долго выдерживал неравный бой над его телом.

¹³По древней традиции этот процесс приурочивается к окончанию 1-го похода Эпаминонда в Пелопоннес. Осада Спарты происходила в декабре 370 г., а беотархи слагали свои полномочия как раз в день зимнего солнцестояния. Современные историки предполагают здесь ошибку древних авторов, так как Эпаминонд был благополучно избран беотархом на 369 г. и возглавил второе вторжение фиванцев за Истм. Полагают, что судебное преследование имело место после этой второй, довольно неудачной, кампании, вследствие чего в 368 г. Эпаминонд воевал в Фессалии в качестве простого гоплита. Именно в таком порядке располагаются события у Диодора, дающего иную причину обвинения: Эпаминонда объявили изменником за то, что он пощадил спартанский отряд под Коринфом — XV, 72, 1—2. Строго говоря, в традиции прослеживаются два рассказа о гневе фиванцев на Эпаминонда: первый связан с судом, второй — с назначением полководца на должность смотрителя улий.

¹⁴По свидетельству Плутарха, Эпаминонда пронзил мечом лаконец Антикрат (*Агесил.* XXXV). Павсаний рассказывает, что фиванский полководец пал в конном бою от руки афинянина Грила, сына историка Ксенофонта; в Афинах была картина, изображающая этот сюжет — IX, 15, 5. Конная битва, по его мнению, происходила на опушке дубового леса, на дороге из Тегей в Мантинею; там же находилась могила Эпаминонда — VIII, II, 5—6.

О результатах Мантинейской битвы см. вступительную статью. Предсмертные слова Эпаминонда см. также *Валер. Макс.* III, 2 ext. 5; *Диод.* XV, 87, 5—6. Статую Эпаминонда стояли в Кадмее и на акрополе Мессены (*Павс.* IV, 32, 10; IX, 12, 6; IX, 15, 6).

¹⁵Сведения Полиэна о жене Эпаминонда считаются недостоверными (II, 3, 1). Аскетические наклонности Эпаминонда, связанные с его пифагорейством, проявлялись также в воздержанном отношении к пище (См. *Афеней* X, 419 а; *Плут.* Изречения... 70, 4—5).

¹⁶В плутарховом «Эпаминонде» (биография фиванца шла в паре с жизнеописанием Сципиона Младшего) также, по-видимому, говорилось об отвращении фиванского полководца к гражданской войне. По крайней мере в диалоге «О гении Сократа» участником Пелопидова заговора изображен брат Эпаминонда, Кафисий; сам же будущий победитель при Левктре покидает собрание заговорщиков по окончании философской беседы. Плутарх замечает, что Эпаминонда страшили анархия и резня, сопутствующие внутренним переворотам; он знал, что некоторые заговорщики будут расправляться со своими личными врагами, громоздя горы трупов, и считал, что для дела демократии будет лучше, если его поддержат люди с чистыми руками (576F; 564 B—C). После переворота Эпаминонд и Горгид ввели заговорщиков в Народное Собрание (*Плут.* Пелоп. XII).

Что касается патриотизма Эпаминонда, то еще во время оккупации Кадмеи он подбивал молодежь вызывать спартанцев на бой в гимназии и стыдил молодых людей за то, что они покоряются противнику, которого одолевают в рукопашной схватке (*Плут.* Пелоп. VII).

¹⁷Греческие историки дружно превозносили Эпаминонда как добродетельного мужа и благодетеля всей Эллады. Интересен отзыв римлянина: Цицерон называл Эпаминонда «едва ли не величайшим героем всей Греции» (*Об Ораторе* III, 139).

XVI ПЕЛОПИД

1. Пелопид, фиванец, известный скорее историкам, чем широкой публике. Не знаю даже, как и приступить мне к рассказу о его доблестях, поскольку есть опасение, что, увлекшись изложением его подвигов, я окажусь не автором жизнеописания, а составителем исторического сочинения. Если же я коснусь лишь основных событий то люди, мало сведущие в греческой истории, не смогут,

пожалуй, по-настоящему оценить величие этого мужа. Итак, постараюсь по мере сил решить обе задачи, удовлетворив и взыскательного и неискушенного читателя¹.

Лакедемонянин Фебид, направляясь с войском к Олинфу и проходя через Фивы, захватил городскую крепость, именуемую Кадмеей. Подбила его на это кучка фиванцев, державших сторону Спарты из расчета облегчить себе борьбу с враждебной партией, и действовал он без ведома властей, на свой страх и риск². За этот поступок лакедемоняне отозвали его от войска и оштрафовали, но крепость тем не менее фиванцам не возвратили, полагая, что коль скоро вражда разгорелась, то лучше держать их в узде, чем освободить. И вообще они считали, что после поражения Афин в Пелопоннесской войне им, спартанцам, придется иметь дело с Фивами, и что один только этот город мог бы отважиться на сопротивление им. Руководствуясь таким соображением, они раздали верховные должности своим сторонникам, а вождей противной партии или казнили, или отправили в изгнание. Вместе с прочими изгнанниками лишился отечества и Пелопид, о котором я начал рассказ.

2. Почти все беженцы стеклись в Афины, — не в поисках мирной жизни, а для того, чтобы при первом же подходящем случае постараться освободить оттуда родину. И вот, сочтя, что пришло время действовать, они вместе со своими единомышленниками в Фивах назначили срок для избиения врагов и освобождения государства — это был день, когда высшие должностные лица устраивали, по обычаю, общее застолье. Нередко великие дела делаются малыми силами, но никогда еще столь малый толчок не опрокидывал такую великую мощь: ведь из числа изгнанников объединились всего 12 молодых людей, и вообще нашлось не больше сотни человек, ввязавшихся в столь опасное дело³. И вот эта-то горстка сокрушила могущество лакедемонян. Дело в том, что заговорщики пошли войной не столько на своих политических противников, сколько на спартанцев, которые были хозяевами всей Греции, и авторитет спартанской власти, поколебленный этим началом, вскоре после того был окончательно сокрушен в битве при Левктре. Итак, те 12 юношей во главе с Пелопидом вышли из Афин засветло, — так, чтобы добраться до Фив в сумерки. Шли они с охотничьими собаками, тащили сети и были одеты как крестьяне, чтобы не вызвать особого подозрения по дороге. Достигнув города в рассчитанное время, они зашли в дом Харона — того самого, который назначил им день и срок.

3. Здесь хочется заметить, хотя это и не относится к делу, какой бедой чревата излишняя самоуверенность. Ведь фиванским властям тотчас донесли, что в город вошли изгнанники. Они же, увлеченные вином и яствами, настолько пренебрегли этой новостью, что не потрудились даже расспросить о ней. Случилось и другое событие, еще яснее обнаружившее их безрассудство: одному из них, а именно Архину, занимавшему тогда в Фивах верховный пост, доставили письмо от Архия из Афин⁴, в котором излагались все обстоятельства

ухода изгнанников из города. Письмо было подано ему как раз, когда он возлежал на пиру, и он, сунув его нераспечатанным под подушку, сказал: важные дела я оставляю на завтра. Но едва настала ночь, как все эти пьяницы были перебиты изгнанниками, которых возглавлял Пелопид. Совершив это дело, они призвали народ к оружию и свободе и с помощью людей, сбегавшихся не только из города, но и со всех окрестных полей, выбили лакедемонский гарнизон из крепости, освободили родину от оков, а виновников захвата Кадмеи частью перебили, частью — изгнали.

4. В то время как происходили эти бурные события, Эпаминонд, пока шел бой с согражданами, сидел, как мы говорили выше, дома, сложа руки. Поэтому слава освобождения Фив принадлежит целиком Пелопиду, но почти все дальнейшие заслуги у них с Эпаминондом общие⁵. Так, в битве при Левктре Эпаминонд был командующим, а Пелопид возглавлял тот отборный отряд, который первым опрокинул лаконскую фалангу⁶. Участвовал он и в других его предприятиях — например, когда Эпаминонд осадил Спарту, он командовал одним из флангов, и еще ездил послом в Персию, ради скорейшего восстановления Мессены⁷. Коротко говоря, Пелопид играл в Фивах вторую роль, но при этом едва уступал Эпаминонду.

5. Вместе с тем его преследовала злая судьба. Ибо сначала — мы упоминали об этом — он жил изгнанником вдали от родины. Потом, мечтая привести Фессалию под власть фиванцев, он вел переговоры, считая себя вполне защищенным званием посла, которое считается священным по обычаю всех народов, но тиран Александр Ферский схватил его вместе с Исмением и бросил в темницу. Освободил его Эпаминонд, пошедший на Александра войной⁸. Впоследствии Пелопид никак не мог простить тому, кто нанес ему оскорбление, и потому уговорил фиванцев идти на помощь Фессалии и выгнать из нее тиранов. Получив главное командование в этой войне, он выступил в поход и, едва завидев врага, не замедлил начать сражение. Во время боя Пелопид узнал Александра. пылая ненавистью, погнался он за ним на коне, но, слишком оторвавшись от своих, пал, пронзенный тучей дротиков. Это случилось перед самой победой, когда войска тиранов уже подавались вспять⁹. За эту победу все города Фессалии почтили павшего Пелопида золотыми венками и медными статуями, а детям его подарили обширные земельные угодья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Непот опускает родословную своего героя, начиная повествование с рассказа о его знаменитом подвиге. По данным Плутарха (*Пелоп.* III), Пелопид, сын Гиппокла, родился в богатой аристократической семье, не уступавшей знатностью дому Эпаминонда. Год рождения Пелопида определяется приблизительно: в 384 г. он сражался под Мантинеей, а в 379 г. считался самым молодым из заговорщиков (*Плут. Пелоп.* VII), следовательно, в конце 80-х гг. ему было лет 25—30, т. е. родился он где-то между 410—405 гг. до н. э.

²Олинф — глава союза городов, расположенных на полуострове Халкидика во Фракии. В середине 80-х гг. Халкидская лига активно расширяла свои границы,

захватив южную Македонию и претендуя на поглощение ряда соседних греческих городов. Поскольку внутри этого объединения автономия отдельных членов упразднялась на основе введения единого общесоюзного гражданства, Спарта добивалась роспуска Халкидского союза в соответствии с требованиями Анталкидова мира. Предлог для прямого вмешательства дала ей жалоба нескольких городов, противящихся включению в Халкидскую лигу. Афины и Фивы были в дружбе с Олинфом еще со времен Коринфской войны. Фиванские власти издали постановление, запрещавшее гражданам Фив участвовать в войне с Халкидским союзом. В 382 г. афинские и беотийские послы вели переговоры о заключении союза с Олинфом (*Ксен. Греч. ист.* V, 2, 15); в августе того же года через Фивы проходила рать Фебида. В свете этих фактов захват Кадмеи кажется не случайным событием. Молва приписывала инициативу этого дела спартанскому царю Агесилаю.

³Заговор Пелопида осуществился в декабре 379 г. Ход событий подробно изложен у Плутарха (*Пелоп.* VII—XIII) и Ксенофонта (*Греч. ист.* V, 4, 1—12). 12 (по Плутарху) или 7 (по Ксенофонт) молодых эмигрантов проникли в Фивы. В городе их поджидали 30 местных заговорщиков. Остальные участники заговора входили в отряд двух афинских стратегов, стоявший наготове на границе Аттики и Беотии.

⁴Архин или Архий (у Плутарха) фиванский — полемарх того года. Архий афинский — жрец-нерофант, гостеприимец своего фиванского тезки.

⁵Главную роль среди заговорщиков, вошедших в Фивы, играли Пелопид и Мелон, среди городских участников заговора — Харон. Все трое стали первыми полемархами освобожденных Фив. Некоторые древние авторы называют их беотархами, но Беотийский союз в 378 г. еще не был восстановлен. Когда же он возродился, 7 его беотархов произошли, видимо, от фиванских должностных лиц — трех полемархов и четырех синдиков (функции последних неясны), называвшихся общим именем — архонты. Семь архонтов встречаются и в других беотийских городах. Примечательно совпадение этой цифры с числом заговорщиков у Ксенофонта.

По свидетельству Плутарха (*Пелоп.* VIII), вожди заговорщиков, т. е. учредители фиванской демократии, происходили из лучших фиванских домов. Этот феномен — аристократы во главе демократической партии — характерное явление античной истории.

⁶Отборный отряд — это «священный отряд», существовавший в Фивах с незапамятных времен. Составлявшие его пары знатных молодых людей носили древние названия возниц (гениохов) и колесничих (парабатов). В 479 г. фиванский «священный отряд» погиб в битве при Платеях, сражаясь на стороне персов. Был восстановлен ровно через 100 лет Горгидом, другом Эпаминонда, входившим в троицу лучших фиванских полководцев того времени (Эпаминонд — Пелопид — Горгид). В мирное время «священный отряд» нес караул в Кадмее, получая содержание от города.

⁷Итак, из деяний Пелопида Непот упоминает подвиг при Левктрах, участие в осаде Спарты в 370 г., посольство в Персию в 367 г. (см. об этих событиях во вступительной статье). Опушены бранные труды Пелопида 70-х годов, когда он отражал карательные набеги спартанцев на Беотию и восстанавливал Беотийский союз; в те годы особенно славилась его победа при Тегире (*Плут. Пелоп.* XVI). Не упоминается и первый удачный поход в Фессалию в 369 г. С первого года свободы (378 г.) до самой смерти Пелопид занимал пост беотарха или предводителя «священного отряда» (*Плут. Пелоп.* XV; *Диод.* XV, 81).

⁸События 368 — начала 367 г. (см. вступительную статью). Подробный рассказ — см. *Плут. Пелоп.* XXVII—XXIX.

⁹Пелопид погиб в 364 г. в битве при Киноскефалах на том самом месте, где в 197 г. до н. э. римляне разбили македонского царя Филиппа. Подробности битвы — см. *Плут. Пелоп.* XXXII. Непот ошибается, говоря о тиранах во множественном числе, ибо единственным противником Пелопида был в это время Александр Ферский.

XVII АГЕСИЛАЙ

1. Лакедемонянина Агесилая прославили многие писатели, в том числе — сократик Ксенофонт, доводившийся ему близким другом¹. Сначала Агесилай боролся за царскую власть с племянником

своим Леотихидом. Дело в том, что по обычаю предков лакедемонянам издревле полагалось иметь двух царей, бывших таковыми скорее по названию, чем по власти; они происходили из двух семей Прокла и Эврисфена, которые в потомстве Геракла были первыми царями Спарты. В их среде никто не мог занять место, принадлежавшее другой семье, каждая сохраняла свой порядок наследования. Прежде всего учитывали права старшего из сыновей скончавшегося правителя, а если царь не оставлял потомства мужского пола, тогда избирали ближайшего его родственника. Умер царь Агис, брат Агесилая. После него остался сын Леотихид, которого отец не признавал своим ребенком, но, умирая, объявил своим сыном. Он-то и оспаривал царский сан у дяди своего Агесилая, однако не достиг желанной цели. Благодаря поддержке Лисандра, человека, как я рассказывал, влиятельного и в то время могущественного, предпочтение отдали Агесилаю.

2. Едва получив власть, тот уговорил лакедемонян отправить войско в Азию и начать войну с царем, доказывая, что лучше сражаться в Азии, чем в Европе². Ибо прошел слух, что Артаксеркс готовит флот и сухопутную армию для нападения на Грецию. Получив разрешение, Агесилай воспользовался им столь стремительно, что привел войско в Азию прежде, чем царские сатрапы узнали о его выступлении в поход, вследствие чего застиг их всех неожиданно и врасплох. Узнав об этом, Тиссаферн, самый влиятельный тогда среди царских наместников, запросил у спартанца перемирия — якобы для того, чтобы попытаться примирить лакедемонян с царем, а на самом деле — чтобы подготовить войска³. Ему было дано 3 месяца срока. Обе стороны поклялись, что будут хранить мир без обмана, и Агесилай исполнял договор с величайшей неукоснительностью, а Тиссаферн, напротив, только и занимался тем, что готовился к войне. Хотя спартанец все понимал, однако оставался верным клятве и говорил, что ему будет большая польза от того, что Тиссаферн своим вероломством отталкивает от себя людей и гневит богов; он же, Агесилай, благочестием своим поднимает дух войска, видящего, что боги на его стороне, и приобретает благосклонность людей, которые обычно сочувствуют тому, кто проявляет верность.

3. Когда истек срок перемирия, Тиссаферн стянул все свои войска в Карию. Он не сомневался, что противник нанесет главный удар по этой области, поскольку там располагались многие усадьбы самого сатрапа и считалась она тогда богатейшим краем. Но Агесилай повернул во Фригию⁴ и разорил ее прежде, чем Тиссаферн тронулся с места. Одарив солдат богатой добычей, он отвел армию на зиму в Эфес и, заведя там оружейные мастерские, тщательнейшим образом изготовился к войне. А чтобы воины старались вооружиться как можно лучше и красивее, он установил награды для тех, кто проявлял в этом деле особое рвение. Тот же порядок учредил он и для военных упражнений — кто в них отличался, тому он вручал богатые подарки. Благодаря этому он добился того, что войско его оказалось великолепно снаряженным

и обученным. Когда же по его расчету настало время выводить армию с зимней стоянки, он сообразил, что если объявит открыто, куда держит путь, то враги ему не поверят и сосредоточат свои силы в других областях, не сомневаясь, что он сделает не так, как скажет. И в самом деле, когда он заявил, что идет на Сарды, Тиссаферн решил защищать все ту же Карию, обнаружив же свою ошибку и поняв, что побежден хитростью, с опозданием выступил на помощь своим. На место он прибыл, когда Агесилай, опустошив многие области, завладел уже большой добычей. А спартанец, видя, что неприятель превосходит его в коннице, неизменно уклонялся от боя на равнине и вступал в сражение в тех местах, где преимущество было за пехотой. Таким образом во всех битвах он обращал в бегство гораздо сильнее рати противника и вел дело в Азии так, что все считали его победителем⁵.

4. И вот когда он уже подумывал двинуться в Персию и ударить на самого царя, из дома явился к нему вестник, посланный эфорами, и сообщил, что афиняне и беотийцы объявили лакедемонянам войну; поэтому Агесилая просили возвратиться без промедления⁶. В этом случае примечательной оказалась его верность долгу, не уступавшая воинской доблести: стоя во главе победоносного войска и лелея основательную надежду завоевать персидское царство, он с таким смирением повиновался заочному приказу властей, как будто был простым гражданином в Народном Собрании Спарты. О, если бы наши полководцы следовали его примеру! — Но не о них речь. Агесилай богатейшему царству предпочел доброе имя и решил, что славнее подчиниться отеческим законам, чем завоевать Азию. Рассуждая так, он переправил войско через Геллеспонт, причем действовал так быстро, что за 30 дней прошел тот путь, на который Ксеркс потратил год. Когда он находился уже недалеко от Пелопоннеса, афиняне, беотийцы и прочие их союзники попытались преградить ему дорогу у Коронеи. Всех их он разбил в большом сражении⁷. Слава этой победы возросла оттого, что, когда многие беглецы укрылись в храме Минервы и у Агесилая спросили, что он прикажет с ними делать, он, неоднократно раненный в бою и как будто раздраженный на всех, скрестивших с ним оружие, поставил благочестие выше гнева и запретил их трогать. Так поступал он не только в Греции, уважая святость храмов, но весьма благочестиво щадил также кумиры и алтари варваров. И он говаривал, что удивляется, почему не считаются святотатцами люди, которые обижают прибегающих к защите богов, и отчего осквернители благочестия не подвергаются тяжкой каре наподобие храмовых воров.

5. После этого сражения вся война сосредоточилась около Коринфа и потому получила название Коринфской. Как-то, командуя войском, Агесилай истребил здесь в одном сражении 10 тыс. врагов. Такое поражение явно подорвало силы противника, но Агесилай, будучи глубоко равнодушен к громкой славе, скорбел об участии Греции — о том, что по вине неприятеля его победа

унесла столько жизней; ведь если бы греки были благоразумны, они могли бы использовать это множество воинов для изничтожения персов⁸. А когда Агесилай загнал неприятелей в стены города и многие убеждали его штурмовать Коринф, он отказался, ссылаясь на то, что это не соответствует его чести, поскольку его дело — усмирять провинившихся, а не разрушать знаменитейшие города Греции. Если мы, — сказал он, — захотим истребить тех, кто стоял с нами против варваров, то разобьем сами себя, не утруждая последних; после этого они легко покорят нас, когда им вздумается⁹.

6. Между тем на долю лакедемонян выпал знаменитый разгром при Левктре¹⁰. Несмотря на многие уговоры, Агесилай отказался идти в тот поход, угадав якобы исход дела по гаданию. А когда Эпаминонд осадил Спарту, город без стен, он выказал себя таким искусным полководцем, что всем тогда стало ясно: не будь Агесилая — не стало бы Спарты. В этих крайних обстоятельствах находчивость его обернулась всем во спасение. Случилось так, что некоторые юноши, убоявшись наступающего противника, задумали перебежать к фиванцам и заняли холм за городом. Агесилай, понимавший, какая огромная опасность возникнет, если узнают, что кто-то пытается перекинуться к врагу, явился туда со своей свитой и похвалил решение молодых людей занять это место, как будто они сделали это с добрыми намерениями и он понимает, что так и следовало поступить. Подкупив юношей этой притворной похвалой, он присоединил к ним своих товарищей и оставил их охранять холм. А те, приняв в свои ряды непричастных к плану людей, не осмелились тронуться с места, тем более, что считали свой замысел не раскрытым.

7. Несомненно, после битвы при Левктре лакедемоняне никогда уже не оправились и не восстановили прежней своей власти. Агесилай между тем непрестанно продолжал приносить отечеству посильную пользу. Так, поскольку лакедемоняне особенно нуждались в деньгах, он оказывал помощь всем мятежникам, отпадавшим от Царя и, получая от них большие средства, поддерживал родину¹¹. При этом самое удивительное заключалось в том, что, хотя к нему стекались богатейшие награды от царей, князей и городов, ни разу ничего не принес он в свой дом и ни в чем не изменил лаконским обычаям и лаконскому платью. Он довольствовался тем самым домом, в котором жил Эврисфен, родоначальник его предков; входящий в него не мог заметить ни единого проявления жадности или роскоши, напротив — видел много признаков скромности и воздержания; и построено это жилище было так, что ничем не отличалось от обиталища любого бедняка или простого человека.

8. Но природа, одарившая этого выдающегося человека душевными добродетелями как добрая мать, сотворила его тело как злая мачеха. Был он мал ростом, тщедушен и хром на одну ногу, что слегка его уродовало. При виде Агесилая незнакомые люди морщились, а знавшие его достоинства не могли на него надивиться. Так, по обыкновению, отнеслись к нему и тогда, когда 80 лет от

роду явился он в Египет на помощь Таху. На берегу моря Агесилай со свитой расположился на привал, и не было у него иного ложа, кроме земли, покрытой соломой с наброшенной сверху шкурой; все спутники его трапезничали в одинаковой, простой и поношенной одежде, так что не только нельзя было узнать среди них царя по облачению, но все они казались людьми не слишком богатыми. Едва молва о его прибытии достигла царских людей, тотчас доставили ему разного рода подарки, а когда стали разыскивать Агесилая, то с трудом поверили, что он — один из тех воинов, возлежавших за трапезой. От имени царя послы поднесли ему привезенные дары, но он не принял ничего, кроме телятины и тому подобных снедей, пришедшихся ко времени; благовоניה, венки и закуски он роздал слугам, а прочие подарки приказал отослать назад. За этот поступок варвары пренебрегли к нему презрением, тем более что приписали его выбор неумению пользоваться дорогими вещами. Возвращался он из Египта, получив от царя Нектанеба 220 талантов, которые он собирался подарить своему народу. Достигнув так называемой гавани Менелая, расположенной между Египтом и Киреной, он захворал и умер. Стремясь наилучшим образом доставить его в Спарту, друзья, не имея под рукой меда, обмазали тело воском и так привезли его домой.

ПРИМЕЧАНИЯ

Агесилай — младший сын царя Архидам II (468—426 гг. до н. э.) из рода Эврипontiдов. Отец Агесилая совершал походы в Аттику в первый период Пелопоннесской войны (отсюда «Архидамова война»), старший брат Агис I (426 — около 401 г.) опустошал Аттику из Декелен с 413 г. до капитуляции Афин и принимал участие в осаде города вместе с Лисандром и царем Павсанием. Агесилай родился около 444 г. до н. э.

¹Ксенофонт (около 431—353 гг. до н. э.) — афинский историк, ученик Сократа. В 401 г. был в числе греческих, в основном — спартанских наемников, принимавших участие в мятеже Кира Младшего. После этого остался на спартанской службе в Малой Азии, участвовал в азиатском походе Агесилая, оставался другом спартанского царя на протяжении многих лет. Автор проспартанской «Греческой истории» и панегирического сочинения «Агесилай».

²Хронология воцарения Агесилая и начала азиатского похода колеблется в пределах 2—3 лет. Наиболее вероятные даты: 401 г. — вступление Агесилая на престол, 396 г. — высадка его в Малой Азии.

³Тиссаферн — сатрап Лидии и Кари. См. о нем прим. 9 к жизнеописанию Алкивиада. В начале кампании обещал Агесилаю, что уговорит царя дать свободу азиатским грекам.

⁴Фригия — сатрапия Фарнабаза. В отличие от Тиссаферна этот наместник дружески относился к грекам, хотя провинция его подвергалась жестоким разорениям как со стороны врагов (Алкивиад), так и со стороны друзей (Лисандр). Во время Пелопоннесской войны был союзником Спарты, после похода Агесилая стал другом Конона и союзником афинян. Отозван в Персию накануне заключения Анталкидова мира (337 г.) в связи с женитьбой на царской дочери.

⁵В 395 г. Агесилай одержал большую победу под Сардами: разбил сильнейшую конницу врага, применив против нее смешанный строй пехотинцев и всадников (*Плут. Агесил. X; Ксен. Греч. ист. III, 4, 24-25*). После этого Тиссаферн был обвинен в измене и казнен.

⁶Начало Коринфской войны — 395 г.

⁷Август 394 г. до н. э. За несколько дней до сражения (14 августа) случилось солнечное затмение; в этот день Агесилай получил весть о победе Конона при

Книде. Битва при Коронее была крайне ожесточенной. Спартам так и не удалось опрокинуть фиванское ополчение, сражавшееся против них лоб в лоб; самого Агесилая едва вынесли из боя (*Плут. Агесил. XVIII; Ксен. Греч. ист. IV, 3, 10—20*).

⁸В других источниках нет сведений о подобной битве. Согласно Плутарху, Агесилай выразил сожаление о гибели многих противников в Немейском сражении (под Коринфом), происходившем незадолго до боя при Коронее (*Агесил. XVI*).

⁹Непот преувеличивает возможность Агесилая штурмовать Коринф.

¹⁰Битва при Левктрах — 371 г. до н. э. Непот опускает походы Агесилая в Беотию в 378—377 гг. (см. вступительную статью к беотийским жизнеописаниям). Упомянутая ниже осада Спарты происходила в 370 г.

¹¹В 364 г. Агесилай воевал против персидского царя на стороне мятежного фригийского сатрапа Ариобарзана, преемника Фарнабаза; в 361 г. он подался на службу к египетскому царю Таху, потом — к узурпатору Нектанебу. Умер на пути из Египта домой около 360 г.

XVIII ЭВМЕН

1. Эвмен из Кардии¹. Если бы участь этого человека соответствовала его доблести, он мог бы добиться бóльшей славы и бóльших почестей, но не бóльшего величия, ибо мера великого человека — добродетель, а не успех. Время его жизни пришлось на эпоху расцвета Македонии, и, живя среди македонян, он испытывал большие неудобства из-за своего иноземного происхождения — более всего недоставало ему знатного имени. И хотя у себя дома он принадлежал к почтеннейшему роду², случалось, что македоняне считали для себя зазорным подчиняться ему, хотя и терпели его власть, ибо не было человека более прилежного и трудолюбивого, более терпеливого, хитрого и находчивого, чем он. Еще в отрочестве познакомился он с Филиппом, сыном Аминты, и, блистая с юных лет природными дарованиями, вскоре стал его доверенным лицом. Тот держал его при себе в качестве секретаря, а чин этот ценится у греков гораздо выше, чем у римлян. Ведь у нас писцы не без основания считаются наемниками, у них же, напротив, на эту должность допускаются только почтенные люди испытанной честности и усердия, поскольку писец неизбежно причастен ко всем замыслам господина. Благодаря дружбе с Филиппом, Эвмен занимал это место 7 лет, а когда царя убили³, в том же чине служил Александру 13 лет. В последнее время он командовал также одним из отрядов всадников, которые назывались гетайрами. Всегда он присутствовал на советах обоих царей и участвовал во всех их делах.

2. После кончины Александра в Вавилоне⁴ друзья его делили между собой владения, а верховный надзор за державой получил Пердикка, которому Александр перед смертью передал свое кольцо⁵: по этому знаку все признавали, что Александр доверил ему править царством до совершеннолетия своих детей, ибо отсутствовали Кратер и Антипатр, которые считались влиятельнее Пердикки, и мертв был Гефестион, которого Александр, как легко можно было заметить, ценил очень высоко⁶. В это время Эвмену дали, или скорее назначили, Каппадокию, находившуюся тогда во власти неприятеля⁷ Усматривая в этом человеке величайшую

честность и усердие. Пердикка из всех сил постарался добиться его поддержки, ибо не сомневался, что, перетянув Эвмена на свою сторону, получит от него большую пользу в том деле, которое затевал. А замышлял он то, чего домогаются почти все, подвизающиеся на вершинах власти,— захватить и присвоить долю всех соперников. Так вел себя не только он один, но и все прочие бывшие друзья Александра. Первым Леоннат вбил себе в голову перехватить у них Македонию⁸. Не скупясь на щедрые обещания, он горячо уговаривал Эвмена покинуть Пердикку и заключить союз с ним самим. Не сумев же переманить, попытался его убить, что исполнил бы, если бы Эвмен тайно ночью не бежал из его стана.

3. Между тем разгорелись те самые войны, которые столь ожесточенно велись после смерти Александра, и все соединили силы для разгрома Пердикки⁹. Хотя Эвмен видел слабость того, кто вынужден был один стоять против всех, однако не покинул друга, не предпочел выгоду чести. Пердикка поручил ему управлять той частью Азии, которая расположена между горами Тавра и Геллеспонтом¹⁰, противопоставив его одного противникам, находившимся в Европе, а сам выступил против Птолемея на завоевание Египта. Эвмен располагал малочисленным и слабым войском — только что набранное, оно было еще не обучено — а приближались, перейдя, по слухам, Геллеспонт, выдающиеся и прославленные полководцы Антипатр и Кратер с большой македонской армией, причем македонские солдаты славились тогда так же, как ныне римские — ведь самыми доблестными считаются всегда воины самого могущественного государства. Эвмен понимал, что если его люди узнают, против кого их ведут, то не только откажутся выступить в поход, но разбегутся при первом известии о противнике. Тогда он счел за лучшее вести их окольными путями, где они не могли бы услышать правду, внушив им, что идет на каких-то варваров. План этот он выполнил, как задумал, так что построил войско к бою и вступил в сражение прежде, чем солдаты его узнали, с кем предстоит им биться. К тому же, имея перевес в коннице и уступая врагу в пехоте, он заранее занял позицию, позволяющую ему вести бой преимущественно силами всадников.

4. В ожесточенном конном сражении прошла значительная часть дня, пали тогда командующий Кратер и заместитель его Неоптолем, с которым сразился сам Эвмен¹¹. Обхватив друг друга руками, эти бойцы свалились с коней на землю, и можно было видеть, какой ненавистью вдохновляется их борьба и как яростно противоборствуют не только их тела, но и души; объятие разомкнулось лишь тогда, когда один из них испустил дух. Хотя противник нанес Эвмену несколько ран, тот не покинул поле боя, но еще ожесточеннее обрушился на неприятелей. И вот, когда македонская конница была разбита, когда погиб Кратер и попало в плен множество самых знатных лиц, пешее войско, заведенное в такое место, откуда оно не могло выбраться против воли Эвмена, запросило у него мира; добившись же своего, нарушило условия и при первой же возможности переметнулось к Антипатру. Кратера

вынесли из боя полумертвым, и Эвмен приложил все усилия, чтобы возвратить его к жизни; когда же это не удалось, то ради достоинства сего мужа и во имя их прежней дружбы (при жизни Александра они были приятелями) устроил ему пышные похороны и отослал его прах в Македонию жене и детям.

5. Пока это происходило у Геллеспонта, Селевк и Антиген убили близ Нила Пердикку, и верховная власть перешла к Антипатру¹². Тогда войско, проголосовав, заочно приговорило к смерти тех, кто не отказывался от борьбы. Среди них был Эвмен. Получив такой удар, он не сдался, продолжал все так же упорно вести войну, но тяжелые обстоятельства если не сломили, то поколебали его мужество. Антигон, преследовавший Эвмена, в избытке обладал всеми видами войск¹³, но тот часто нападал на него в пути и допускал завязать схватку только в тех местах, где малая рать могла противостоять большой. В конце концов его одолели если не искусством, то превосходством сил. Понеся большие потери, он ускользнул и бежал во Фригию, в крепость под названием Нора. Сидя там в осаде, стал он беспокоиться, как бы долгое пребывание на одном месте не повредило боевым коням, поскольку выезжать их было негде. И вот он изобрел хитрое приспособление, с помощью которого можно было тренировать скотину до пота, чтобы она имела хороший аппетит и не застаивалась. Он так высоко подвязывал ремнем голову лошади, что ей трудно было доставать передними ногами до земли, а затем, стегая плетью, заставлял ее скакать и брыкаться. Прodelывая такие движения, она потела не меньше, чем если бы ее гоняли на открытом пространстве. Потому-то все удивлялись, когда он, просидев в осаде много месяцев, вывел из крепости таких ухоженных коней, как будто держал их в лугах и долинах. Во время этого заключения он не раз по своей прихоти то сжигал, то разрушал осадные орудия и укрепления Антигона. На месте он оставался, пока длилась зима, поскольку не имел возможности разбить лагерь под открытым небом. Когда же повеяло весной, притворился, что сдается и, заведя переговоры об условиях, обманул антигоновых офицеров и благополучно вышел на волю сам и вывел своих людей.

6. Олимпиада, мать Александра, отправила к Эвмену в Азию письма и гонцов, советуясь, возвращаться ли ей назад в Македонию — а жила она тогда в Эпире — и восстанавливать ли свою власть в этой стране. Он посоветовал ей, во-первых, не трогаться с места и ждать, пока на престол не взойдет сын Александра, во-вторых, если у нее есть особая причина спешить в Македонию — забыть все обиды и никого не подвергать суровым преследованиям. Всеми этими соображениями она пренебрегла — и в Македонию отправилась и стала вести там себя самым жестоким образом¹⁴. При этом она заочно молила Эвмена, чтобы он помог детям Александра, не позволил врагам филиппова рода и семьи истребить его потомство; если он согласен оказать такую услугу, пусть как можно скорее готовит войска и ведет их ей на подмогу; а чтобы дело шло лучше, она де письменно повелела всем офицерам, со-

хранившим верность, чтобы они подчинялись ему и слушались его приказов¹⁵. Увлечшись этими обещаниями, Эвмен решил, что коли так велит судьба, то лучше погибнуть, воздавая добром за добро, чем жить неблагодарным.

7. Итак, он собрал войска и приготовился воевать с Антигоном. А поскольку при нем было много знатных македонян — в том числе Певкест, бывший телохранитель Александра, управлявший теперь Персидой, и Антиген, командир македонской фаланги, то он побоялся (и опасения его оправдались), будучи иноземцем, взять на себя главное командование в ущерб другим македонянам, которые толпились вокруг него. Итак, от имени Александра он поставил посреди лагеря палатку, приказал поместить в ней золотой трон, скипетр и диадему и велел всем ежедневно там собираться и держать совет о важнейших делах; ему казалось, что будет меньше зависти, если он станет вести войну будто бы от имени Александра и как бы его властью. Так он и сделал. И поскольку сходились и совещались не в палатке Эвмена, а в царском шатре, было не слишком заметно, что все дела вершатся по его воле.

8. В Паретакене он столкнулся с Антигоном — не в бою, а во время похода — и, причинив ему ущерб, заставил его отойти на зиму в Мидию. Сам же разместил свои войска на зимнюю стоянку в ближайшей области Персиды — не по собственной воле, а подчиняясь желанию солдат. Ибо та знаменитая фаланга Александра Великого, которая прошла всю Азию и победила персов, привыкнув и к славе и к своеволию, не желала подчиняться вождям, но стремилась командовать ими, как сейчас делают наши ветераны. И есть опасение, как бы наши воины не натворили того, что совершили тогда македоняне, которые со свойственной им распушенностью и своеволием сокрушали всех подряд — союзников не меньше, чем врагов. Если кто-нибудь прочтет о похождениях тех ветеранов, то поймет, как они похожи на наших, усмотрев разницу только во времени жизни. Но возвратимся к македонянам. Заняв зимние квартиры не по военному расчету, а ради роскошного времяпрепровождения, они широко распылили свои силы. Проведав об этом, Антигон, понимавший, что уступает противнику, когда тот настороже, решил прибегнуть к неожиданной хитрости. Были две дороги, по которым он мог добраться из своего зимнего лагеря в Мидии до зимних стоянок неприятеля. Более короткая проходила по пустынным местам, где никто не жил из-за нехватки воды; занимала она всего около десяти дней. Та же дорога, которой все пользовались, образовывала вдвое длиннейший крюк, но была многолюдна и изобиловала припасами. Антигон понимал, что если он двинется по второму пути, то весть о его приближении дойдет до врагов раньше, чем он пройдет треть расстояния; одолев же глухие места, надеялся уничтожить противника врасплох. Для выполнения этого плана он приказал заготовить как можно больше мехов и бурдюков, а также фуража и вареной пищи на десять дней, дабы разводить на стоянках как можно меньше огня. Цель пути была от всех скрыта. Приготовившись таким образом, Антигон выступил в поход по избранной дороге.

9. Он прошел почти половину пути, когда дым его лагеря возбудил подозрение, и Эвмену донесли о приближении врага. Собрались полководцы и встал вопрос: что делать? Все понимали, что Антигон, очевидно, окажется на месте раньше, чем удастся стянуть собственные силы. В то время, как прочие командиры колебались и во всем отчаивались, Эвмен заявил, что если они захотят проявить расторопность и согласятся исполнять приказания, которым не подчинялись раньше, то он найдет выход из положения: поскольку неприятель может одолеть путь за пять дней, он сделает так, чтобы тот задержался вдали по крайней мере еще на такой же срок; командиры же пусть разойдутся и пусть каждый соберет своих людей. Чтобы задержать нападение Антигона, Эвмен придумал следующий план: он отправил несколько человек к дальним горам, стоявшим на пути неприятеля, и приказал, чтобы в первую ночную стражу они развели как можно больше самых ярких костров, во вторую — уменьшили огонь, а в третью — притушили его; подражая лагерным порядкам, они должны были внушить врагам подозрение, что в тех местах разбит воинский стан и что противник извещен об их приближении; то же самое предстояло им проделать и на следующую ночь. Люди, получившие это поручение, исполнили его весьма старательно. Едва наступил вечер, Антигон увидел огни и поверил, что, извещенные о его приходе, враги стянули туда свои войска. Тогда он переменял намерение и, поскольку не удалось атаковать внезапно, свернул с пути и двинулся по более извилистой, длинной и оживленной дороге; там он задержался на один день, чтобы дать отдых воинам и подкрепить скот, а потом, со свежими силами, вступить в бой.

Так Эвмен перехитрил коварного полководца, запутав его стремительный ход. Впрочем, это не принесло ему удачи: выйдя из боя победителем, он был выдан Антигону из-за ревности бывших при нем полководцев и вследствие измены македонских ветеранов¹⁶, хотя раньше, в разное время, войско трижды клялось защищать и никогда не покидать его. Такую уж зависть питали некоторые люди к его доблести, что ради гибели его готовы были поступиться своей честью. Антигон же, злейший враг Эвмена, пощадил бы его, будь на то согласие друзей, так как понимал, что Эвмен мог бы стать лучшим его помощником в тех испытаниях, которые теперь явно угрожали всем. Ибо наступали уже Селевк, Лизимах и Птолемей¹⁷, обладавшие мощными ратями, с которыми Антигону предстояло бороться за верховную власть. Но не потерпели этого люди из окружения Антигона, понимавшие, что если Эвмен будет принят в их ряды, то все они окажутся по сравнению с ним ничтожествами. А сам Антигон был так зол на него, что смягчить его могла только твердая надежда на великие совместные предприятия.

11. Итак, он отдал Эвмена под стражу, а когда начальник тюрьмы спросил, как содержать пленника, ответил: «как свирепейшего льва или бешеного слона», — поскольку сам еще не решил, сохранить узнику жизнь или нет. Самые разные люди навещали

Эвмена — и ненавистники, желавшие усладить свой взор его бедой, и старые друзья, хотевшие поговорить с ним и утешить его; были еще многие люди, стремившиеся поглядеть, каков собой тот человек, которого они так долго и так сильно боялись, чье несчастье сулило им надежду на победу. А Эвмен, просидев в заключении некоторое время, сказал Ономарху, главному темничному стражу: он мол, удивляется, почему его уже третий день держат взаперти; неприлично благоразумному Антигону так издеваться над побежденным — пусть бы приказал либо казнить, либо отпустить его на волю. Ономарху речь эта показалась чересчур заносчивой, и он ответил: «Если ты такой храбрый, что же не сложиж ты голову в бою, вместо того, чтобы попасть в руки неприятеля?» А Эвмен ему в ответ: «О, если бы так! Но не могло этого случиться, потому что никогда не сталкивался я с тем, кто был бы сильнее меня. Всякий, кто скрешивал со мною оружие терпел поражение. Не доблесть противника, но измена друзей одолела меня». И он говорил правду... Обладая благородной приятной внешностью, он был весьма силен и способен к телесным трудам, хотя сложение имел не столько могучее, сколько изящное.

12. Не решаясь определить участь Эвмена самолично, Антигон вынес дело на совет. Сначала все пришли в замешательство, изумляясь, что не понес еще наказания тот, кто в течение многих лет чинил им такое зло, что часто они оказывались на краю гибели, кто погубил величайших полководцев, в ком одном таится такая опасность, что не могут они жить спокойно, пока он дышит, после же его казни освободятся от всех забот. Затем они вопрошали Антигона, кто будет его другом, если Эвмен получит помилование? — Лично они не станут ему служить вместе с Эвменом. Антигон принял к сведению мнение совета, но оставил себе еще семь дней сроку на размышление. А потом, опасаясь, как бы вдруг не взбунтовалась армия, приказал никого к нему не пускать и велел лишить его ежедневного пропитания. При этом он уверял, что не учинит насилия над тем, кто был его другом. Эвмен страдал от голода не более трех дней. Когда войско снималось с лагеря, тюремщики задушили его, не спросив Антигона.

13. Так сорока пяти лет от роду окончил свою жизнь Эвмен¹⁸, который с двадцатилетнего, как я говорил, возраста в течение семи лет был помощником Филиппа, тринадцать лет исполнял ту же службу при Александре, начальствовал в те годы над одной из всаднических ал, а после смерти Александра стал военачальником и, командуя войском, разбил или уничтожил знаменитейших полководцев; одолела его не доблесть Антигона, а измена македонян. Легко можно понять, как уважали его те вожди, которые после Александра Великого стали называться царями, если при жизни Эвмена все они именовались не царями, а наместниками, а сразу же после его гибели приняли царский убор и титул, отказались исполнить прежнее свое обещание сберечь державу для детей Александра и, устранив единственного защитника, открыто обнаружили свои намерения¹⁹. Зачинщиками этого бесчестия были Антигон,

Птолемей, Селевк, Лизимах и Кассандр. Что касается Антигона, то он отдал тело Эвмена его близкими для похорон. Те, воздав ему торжественные воинские почести, предали его погребению в присутствии целого войска, а прах позаботились отправить в Каппадокию матери, жене и детям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Кардия — греческий город на Херсонесе Фракийском.

²В античную эпоху ходили рассказы и о низком, и о высоком происхождении Эвмена. По одной версии отец его был гостеприимцем македонского царя.

³Филипп был убит в 336 г. на свадьбе дочери в Эгах. Убийца царя — телохранитель Павсаний, вдохновитель злодеяния остались неизвестными.

⁴Александр скончался в июне 323 г.

⁵Пердикка — знатный македонянин, один из телохранителей Александра, участник всех его знаменитых сражений. При разделе царства Александра был назначен опекуном царской семьи в Азии. Среди высших диахов был единственным преданным ревнителем дома македонских царей.

⁶Антипатр и Кратер — тесть и зять — регенты македонских царей (слабоумного Арридея — побочного сына Филиппа и малолетнего Александра — сына Роксаны) в Европе. Кратер, любимый полководец македонского войска, получил верховный титул попечителя Македонии, Антипатр имел звание стратега Европы. Вместе с хилиархом («визирем») Пердиккой составляли тройку главных правителей александрова царства.

Гефестион — любимейший друг Александра, первым носивший звание хиларха — второго после царя лица в государстве. Скончался незадолго до смерти Александра.

⁷Каппадокия — центральная часть Малой Азии. Находилась в тот момент в руках туземного царя Ариарата.

⁸Леоннат — наместник Малой Фригии (Фригии при Геллеспонте). Не успел вступить в борьбу за Македонский престол, погиб в 322 г. в Фессалии, сражаясь на стороне Антипатра против восставших греков.

⁹Против Пердикки выступили, с одной стороны, равные ему европейские регенты — Антипатр и Кратер (321 г.), с другой — азиатские наместники, не желавшие мириться со взятой им на себя ролью хозяина Азии.

¹⁰Эвмен получил в это время начальство над обеими Фригиями, Карией и Ликией. Леоннат, наместник Малой Фригии, к тому времени погиб; Антигон Одноглазый, правитель Великой Фригии, будучи главным противником Пердикки, бежал в Европу к Антипатру.

¹¹Неоптолем — сатрап Армении, переметнувшийся от Пердикки к Антипатру. Битва происходила в Каппадокии в июле 321 г.

¹²Пердикка выступил в поход против непокорного сатрапа Египта при сильном недовольстве войска, расположенного к Птолемию. Трудности пути, поражения и особенно неудачная переправа через рукав Нила вызвали бунт офицеров. Пердикка был убит в своем шатре вавилонским наместником Селевком — будущим царем Сирии и Антигеном — предводителем старой македонской гвардии.

¹³Осенью 321 г. Антипатр, ставший после смерти Пердикки главой всей державы, произвел новый раздел провинций. Антигон получил назад Великую Фригию и титул стратега Азии.

¹⁴Олимпиада была заклятым врагом Антипатра и большинства диахов, стремившихся к самостоятельному правлению. После смерти Антипатра (319 г.) покровителем царской семьи стал новый регент Македонии Полисперхонт, соперничавший с антипатровым сыном Кассандром. Искренне преданным царской семье человеком оставался один Эвмен.

Когда партия Полисперхонта взяла временно верх над партией Кассандра, Олимпиада возвратилась в Македонию и умертвила сначала Филиппа Арридея и его супругу — соперников своего внука, а затем — многих друзей и родственников антипатрова дома (317 г.). В следующем году царица попала в руки Кассандра и была отдана на растерзание родственникам казненных ею македонян.

¹⁵Эвмен получил от Олимпиады и Полисперхонта звание стратега Азии, уравнившее его с Антигоном. Ему подчинились многие восточные сатрапы и командиры аргироспидов — ветеранов македонской армии, носивших серебряные щиты.

¹⁶Эвмен был выдан Антигону аргироспидами после того, как последний в битве при Паретакене захватил их обоз (зимой 317—316 г.).

¹⁷Селевк — сатрап Вавилонии, Птолемей — правитель Египта, Лизимах — наместник Фракии. После победы над Эвменом Антигон стал вести себя как единственный повелитель Азии. Селевк бежал к Птолемею, и все диадохи объединились против сильнейшего узурпатора власти.

¹⁸В 316 г.

¹⁹Диадохи провозгласили себя царями через 10 лет после гибели Эвмена. Семья Александра (Роксана и ее сын) была уничтожена Кассандром в 311 г.

XIX ФОКИОН

1. Афинянин Фокион неоднократно командовал войсками и занимал высшие должности¹, однако знаменит он скорее добродетельной жизнью, чем воинскими трудами. Последние не оставили по себе памяти, тогда как добродетель его широко известна и по ней получил он прозвище Честного. В самом деле он всегда оставался человеком бедным, хотя мог изрядно разбогатеть на высоких постах и должностях, часто достававшихся ему от народа. Однажды он отверг большой денежный подарок, присланный царем Филиппом, а когда послы стали уговаривать его принять деньги, ссылаясь при этом на то, что если сам он может легко обойтись без них, то стоит подумать о детях, которым трудно будет в крайней бедности поддержать громкую отцовскую славу, тогда Фокион сказал: «Если они будут похожи на меня, то их вскормит та же земля, которая вывела меня в большие люди, а если не похожи — не стану в ущерб себе питать и раздувать в них страсть к роскоши»².

2. Дожив в полном благополучии почти до 80-ти лет, на закате дней он навлек на себя горячую ненависть сограждан. Сначала это случилось из-за того, что он поддерживал Демада, намеревавшегося сдать город Антипатру, и по его совету народ проголосовал за изгнание Демосфена и других граждан, известных своими заслугами перед государством³. Возмущались не только тем, что Фокион действовал во вред отечеству, но и тем, что он не сохранил верности в дружбе. Ведь своим высоким положением он был обязан поддержке и помощи Демосфена, которого он натравил на Харета; и благодаря защите того же Демосфена не раз выходил он оправданным из уголовного суда; сам же не только не защитил Демосфена в беде, но и предал его. Однако главная вина Фокиона, повлекшая за собой его падение, заключалась в следующем: когда он стоял во главе правления, Деркил убеждал его, что Никанор, военачальник Кассандра, покушается на афинский Пирей, и просил позаботиться, чтобы город не лишился снабжения. Перед лицом народа Фокион ответил ему, что никакой опасности нет и обещал быть в том поручителем. Вскоре после этого Никанор овладел Пиреем. Когда же вооруженные граждане бросились отвоевывать потерю, Фокион не только не призвал никого к

оружию, но отказался даже возглавить тех, кто за него взялся⁴. А между тем без Пирея Афины существовать не могли.

3. В то время в Афинах были две партии, одна отстаивала дело народа, другая — интересы лучших граждан. К последней принадлежали Фокион и Деметрий Фалерский⁵. Обе партии пользовались покровительством Македонии, поскольку сторонники народа благоволили Полиперхонту, а «лучшие» — сочувствовали Кассандру. Тем временем Полиперхонт вытеснил Кассандра из Македонии⁶. Одержав при таком обороте дел победу, народ тотчас осудил и выдворил из отечества вождей противной партии, среди которых были Фокион и Деметрий Фалерский, и направил по этому поводу послов к Полиперхонту с просьбой утвердить принятые постановления. Туда отправился и Фокион. По приезде ему приказали защищаться, с виду — перед царем Филиппом⁷, на деле — перед Полиперхонтом, который верховодил тогда царскими делами. После того, как Гагنون предъявил ему обвинение в сдаче Пирея Никанору, решением царского совета он был отдан под стражу и доставлен в Афины для предания там законному суду.

4. Когда Фокиона, не владеющего по дряхлости ногами, привезли в город на повозке, сбежалось много народу. Некоторые сострадали его старости, помяная прошлую его славу, большинство же исходило злобой, подозревая, что он сдал Пирей, но прежде всего из-за того, что на склоне лет он выступил против народных интересов. Так что в суде его лишили даже последнего слова, не дав ему возможности защищаться. После соблюдения некоторых формальностей он был осужден и передан коллегии 11-ти — той самой, которой, по афинским обычаям, осужденные вручались для исполнения приговора. Когда Фокиона вели на казнь, навстречу ему попался бывший приятель его Эвфилит. «Фокион, как несправедливо ты страдаешь!» — воскликнул он со слезами. А тот ответил: «Несправедливо, да не странно, ведь такой конец имели многие славные афиняне». И так велика была ненависть толпы к этому человеку, что никто из свободных граждан не осмелился его похоронить, и он был погребен рабами⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹За свою долгую жизнь Фокион избирался стратегом 45 раз.

²По свидетельству Плутарха, Фокион происходил из рода не знатного, но почтенного. Воспитание он получил самое благородное: учился в Академии сначала у Платона, потом — у Ксенократа. Бедность Фокиона — тот скромный достаток, о котором мы говорили в связи с жизнеописаниями Аристиды и Эпаминонда. Вообще по многим чертам своего облика Фокион — это Аристид IV в. Из детей Фокиона известен сын его Фок — честный, но легкомысленный юноша, не увлекавшийся ни науками, ни государственными делами.

³Демад — знаменитый оратор, приверженец македонских царей, льстец и честолюбец низкого происхождения. Алчность Демада была так же широко известна, как бескорыстие Фокиона.

В 323—322 гг. Афины возглавили общегреческое восстание против Македонии, вспыхнувшее в связи со смертью Александра Великого. Потерпев поражение от Антипатра, блюстителя Македонского царства, афиняне были вынуждены

принять все условия победителя, в том числе — требование о выдаче вождей военной партии. Впоследствии Фокион заступничеством своим перед Антипатром облегчил участь многих жертв македонской мести. Примечательно, что у Непота преобладают негативные характеристики Фокиона, тогда как Плутарх представляет его действия в положительном свете.

⁴В 322 г. в Мунихии разместился гарнизон Антипатра, возглавляемый Мениллом, в 319 г., после смерти Антипатра, стражем города стал кассандров комендант Никанор. Фокион был близким другом обоих македонских офицеров, но, если верить Плутарху, не собирался сдавать Пирей македонянам, он лишь не пресек вовремя готовящееся нападение Никанора на Нижний город. Впрочем, даже в благожелательном рассказе Плутарха небрежность Фокиона кажется нарочитой.

⁵Деметрий Фалерский, известный ученый своей эпохи, правил Афинами как ставленник Кассандра в 317—307 гг., после гибели Фокиона. В описываемое время, когда демократическая конституция Афин была отменена по приказу Антипатра (322—319 гг.), входил в число гуманных и образованных людей, привлеченных Фокионом к управлению государством.

⁶Полиперхонт или Полисперхонт — знатный македонский военачальник, которому Антипатр передал свои регентские полномочия в обход сына. Полисперхонт получил в 319 г. титул стратега, Кассандр, сын Антипатра — хилиарха, т. е. второго лица в государстве. Около 20 лет эти наследники Антипатра воевали друг с другом за обладание Грецией и Македонией. Фактическим царем Македонии стал в конечном счете Кассандр, устранивший всех ближайших родственников Александра Великого. Поддержка олигархических или демократических режимов имела для этих полководцев чисто тактическое значение.

⁷Царь Филипп — Филипп-Арридей, сводный брат Александра, провозглашенный царем вместе с малолетним сыном Роксаны.

⁸Весной 318 г. Фокион был казнен, а тело его предали огню за пределами отечества. Через некоторое время прах его, сохраненный женой, был торжественно возвращен в Афины.

XX ТИМОЛЕОНТ

1. Тимолеонт, коринфянин. По общему признанию это был человек, несомненно, выдающийся. Не знаю, кому еще удавалось сделать то, что выпало на долю ему одному, ибо он сначала освободил поработенное тираном отечество, в котором родился, а затем, посланный на помощь сиракузянам, сокрушил их продолжительное рабство и приходом своим возвратил в первоначальное состояние всю Сицилию, истерзанную многолетней войной и угнетенную варварами. При этом он претерпел разные повороты судьбы, проявив в счастье, которое считается испытанием труднейшим, больше благоразумия, чем в несчастье. Так, когда брат его Тимофан, избранный коринфянами полководцем, с помощью наемников установил тиранию¹, Тимолеонт, имея возможность разделить с ним власть, уклонился от соучастия в преступлении, предпочтя интересам брата свободу граждан, и счел за благо подчиняться законам родины, а не повелевать ею. Рассуждая таким образом, он подготовил убийство брата-тирана с помощью жреца-гадателя и одного своего и братнина родственника, за которым была замужем их родная по отцу и матери сестра. Сам же он не только не поднял на брата руку, но не пожелал даже видеть его крови, ибо когда происходило убийство, он стоял в стороне и караулил, чтобы какой-нибудь телохранитель не подоспел на помощь. По-разному отнеслись люди к этому славнейшему деянию Тимолеонта. Некоторые

считали, что он осквернил родственные узы, завистливо умаляя его доблестную заслугу. А мать его после этого дела не впустила сына в дом и не захотела его видеть, с презрением понося его как братоубийцу и нечестивца. Все это довело его до такого состояния, что иногда у него возникало желание покончить с собой, дабы смерть избавила его от лицемерия неблагодарных людей².

2. Между тем в Сиракузах был убит Дион, и городом снова овладел Дионисий³. Противники его попросили у коринфян помощи и затребовали полководца для ведения войны. Посланный туда Тимолеонт с удивительным успехом изгнал Дионисия из всех областей Сицилии. Он мог бы лишить тирана жизни, но не пожелал этого, предоставив ему возможность благополучно удалиться в Коринф, поскольку коринфяне часто пользовались помощью обоих Дионисиев⁴. Он хотел, чтобы сохранилась память об этом благодеянии, считая, что особенно славна та победа, в которой проявилось больше милосердия, чем жестокости; к тому же ему хотелось, чтобы граждане не только слышали, но и видели собственными глазами, как низвел он могущественного мужа с великого престола к жалкой доле. После отъезда Дионисия он сражался с Гикетом, бывшим противником тирана, который отложился не из ненависти к тирану, но потому, что желал ее сам; это видно из того, что по изгнании Дионисия он не захотел отказаться от верховной власти. Одолев его, Тимолеонт разбил у р. Кримиса большое карфагенское войско, и карфагенянам, которые обладали Сицилией в течение многих лет, пришлось довольствоваться возможностью сохранить за собой Африку. И еще он захватил в плен италийского полководца Мамерка, могущественного и воинственного мужа, прибывшего в Сицилию на помощь тиранам⁵.

3. Покончив со всем этим, он заметил, что длительная война привела к запустению не только сельские области, но и города. И вот сначала он собрал, сколько мог, сицилийцев, а затем пригласил поселенцев из Коринфа, поскольку вначале Сиракузы были основаны коринфянами. Старым гражданам он возвратил их имущество, новым роздал опустошенные войной владения, восстановил разрушенные стены городов и заброшенные святилища, вернул городам свободу и законы⁶. После ожесточенной войны он установил на всем острове столь глубокий мир, что на него смотрели как на основателя сицилийских городов, забывая о тех людях, которые вывели их в самом начале. Сиракузскую же крепость, возведенную Дионисием ради господства над городом, он снес до основания. Разрушил он также и прочие укрепления тиранов, постаравшись, чтобы как можно меньше сохранилось следов рабства. И так велико было могущество Тимолеонта, что он мог бы повелевать сицилийцами даже против их воли, они же все питали к нему такое пристрастие, что никто не возразил бы, если бы он присвоил себе царский сан. А он хотел, чтобы его любили, а не боялись, и поэтому сложил свои полномочия при первой же возможности и до самой смерти прожил в Сиракузах как простой гражданин. Поступил он так не без расчета, ибо то, чего другие цари добивались

с помощью власти, он получил благодаря своей популярности. Все должности были ему доступны, и все общественные дела в Сиракузах вершились только по тем постановлениям, которые одобрялись Тимолеонтом. Ничей совет никогда не мог одолеть его мнения или даже сравниться с ним, и объясняется это не только благоволением граждан, но и мудростью Тимолеонта.

4. Достигнув солидного возраста, он, ничем не болея, утратил зрение и весьма терпеливо переносил это несчастье, так что никто не слышал от него жалобы, а он участвовал в частной и общественной жизни не меньше прежнего. Когда в театре шло Народное Собрание, он приезжал туда по болезни на парной упряжке и говорил прямо из повозки то, что считал нужным. Никто не почитал такое поведение за гордость. Когда же он слышал, как его превозносят, то повторял только одно: он-де всячески благодарит и хвалит богов за то, что именно ему пожелали они вручить верховное командование, когда соизволили возродить Сицилию. Полагая, что все человеческие дела вершатся по воле богов, он соорудил у себя дома часовенку богине Случайности и благоговейно воздавал ей почести.

5. Выдающемуся душевному благородству этого человека соответствовали удивительные случаи из его жизни. Например, все крупные сражения он вел в свой день рождения, так что вся Сицилия праздновала этот день. А когда некий Лафистий, человек дерзкий и неблагодарный, хотел вызвать его в суд, заявляя, что тягается с ним на законном основании, и сбежалось множество людей, собиравшихся остановить наглеца кулаками, Тимолеонт попросил всех не делать этого, заметив, что сам он перенес великие труды и опасности для того, чтобы и Лафистий, и любой другой гражданин могли поступать подобным образом: ведь суть свободы состоит в том, чтобы каждый пользовался законом по своему усмотрению. Потом один человек, похожий на Лафистия, по имени Деменет, стал поносить дела Тимолеонта в Народном Собрании, возводя на него клевету, а тот сказал, что лишь теперь исполнились его моления, ибо он всегда просил бессмертных богов, чтобы ему удалось восстановить в Сиракузах такую свободу, при которой любой гражданин мог бы безнаказанно говорить, что ему вздумается. Когда Тимолеонт скончался⁷, сиракузяне похоронили его на общественный счет в гимназии, который называется Тимолеонтовым, и вся Сицилия участвовала в этом торжестве.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Во время походов Эпаминонда в Пелопоннес коринфяне опасались, что пелопоннесские союзники поставят у них свои гарнизоны, как это произошло во время Коринфской войны, когда они попали под власть аргосцев. Поэтому в 366 г. они наняли 400 наемников и отдали их под начало Тимофана. Тот, воспользовавшись случаем, казнил видных граждан и провозгласил себя тираном.

²После убийства брата Тимофей на 20 лет отошел от общественной жизни.

³По смерти Диона Калипп (у Непота — Калликрат) недолго продержался в Сиракузах — его вытеснили племянники Диона, а затем в 346 г. власть снова

захватил возвратившийся из Италии Дионисий Младший. Республиканская партия во главе с Гикетом эмигрировала в Леонтины, вступив в сношения с карфагенянами. Вся Сицилия погрузилась в анархию, во многих городах утвердились тираны.

⁴К моменту высадки Тимолеонта в Сицилии (345 г.) Гикет с помощью карфагенян ворвался в Сиракузы и осадил тирана в его крепости. После первой победы Тимолеонта над Гикетом Дионисий, терпевший большую нужду, но не осмелившийся сдаться ненавидящим его сиракузянам, сдал крепость коринфскому полководцу (через 50 дней после высадки Тимолеонта на Сицилию). Тимолеонт отпустил Дионисия в Коринф, где тот провел остаток жизни, праздно шатаясь по кабакам и рынкам города.

⁵Гикет в конце концов уступил Сиракузы Тимолеонту, удалившись в Леонтины; во время войны коринфского полководца с карфагенянами вел двойную игру, вступая в соглашения с пунами. Был схвачен своими войсками, выдан Тимолеонту и казнен. Воспользовавшись анархией в греческих городах, Карфаген в очередной раз попытался захватить весь остров. У р. Кримиса Тимолеонт разбил многократно сильнее него противника, нанеся карфагенянам удар во время переправы их через реку (341 или 340 г.). Коринфский полководец уничтожил тиранию во многих городах Сицилии. Итальянский уроженец Мамерк, тиран Катаны, сопротивлялся ему в союзе с карфагенянами. Разбит и публично казнен в Сиракузах.

⁶Тимолеонт вновь заселил не только Сиракузы, но весь обезлюдивший остров, призвав переселенцев как из Коринфа, так и из других городов Греции, вернув на родные пепелища сицилийцев, эмигрировавших в Италию.

⁷В 336 г.

XXI О ЦАРЯХ

1. Вот, пожалуй, и все вожди греческого народа, которые кажутся достойными увековечения — кроме царей. Этих я не хочу касаться, поскольку деяния каждого из них описаны отдельно. К тому же их насчитывается не слишком много. Лакедемонянин Агесилай, например, был царем по имени, а не по характеру власти — и так же другие спартанцы. Из тех же, чья власть была истинным господством, самыми знаменитыми были, по моему мнению, персидские цари Кир и Дарий, сын Гистаспа. Оба они, будучи частными лицами, получили царское достоинство благодаря доблести. Первый пал в битве с массагетами, а Дарий умер от старости¹. Были еще трое в том же роде: Ксеркс и два Артаксеркса по прозвищу Долгорукий и Памятливый². Ксеркс прославился главным образом тем, что вторгся в Грецию по суше и по морю с самым большим на памяти человеческой войском. Долгорукого особенно восхваляют за мощную и прекрасную внешность, изумительно украшенную воинской доблестью: никто из персов не превосходил его в храбрости. Памятливый же приобрел добрую славу за благомыслие: потеряв жену вследствие злодеяния матери, он так терпеливо перенес свое горе, что сыновний долг взял над ним верх³. Двое из этих царей, носившие одно имя, умерли естественной смертью от болезни, а третий погиб от меча сатрапа Артабана.

2. У македонян два царя далеко превосходили всех остальных славой воинских подвигов: Филипп, сын Аминты, и Александр Великий. Последний скончался в Вавилоне от недуга, а Филипп был убит Павсанием в Эгах по дороге на игры, возле театра⁴. Еще славился эпирский царь Пирр, воевавший с римским народом. Он погиб в Пелопоннесе от удара камнем во время штурма Аргоса⁵.

Был также один знаменитый сицилиец — Дионисий Старший. Он отличался храбростью и опытностью в военном деле и к тому же, что редко встречается среди тиранов, совершенно чуждался разврата, роскоши и алчности; единственной его страстью была единоличная пожизненная власть, ради которой он проявлял жестокость. Стремясь укрепить ее, он никогда не щадил жизни тех, кого подозревал в покушении на свое господство. Завоевав власть тирана доблестью, он сохранял ее, пользуясь великим везением. В самом деле умер он в возрасте за шестьдесят при цветущем состоянии царства; и за столько лет ни разу не видел похорон кого-либо из членов своей семьи, хотя имел детей от трех жен и те родили ему множество внуков⁶.

3. Кроме того, знаменитыми царями стали друзья Александра Великого, захватившие власть после его смерти: в их числе были Антигон и сын его Деметрий, Лизимах, Селевк и Птолемей⁷. Из них Антигон погиб в бою, сражаясь против Селевка и Лизимаха⁸. Такую же смерть принял Лизимах от Селевка, когда они воевали друг с другом, разорвав союз⁹. Что до Деметрия, то хотя он выдал свою дочь замуж за Селевка, они не смогли все-таки сохранить верности в дружбе, и взятый в плен тесть умер от хвори в тюрьме у зятя¹⁰. Вскоре после этого Селевк был коварно убит Птолемеем Керавном, которого он принял у себя, когда тот, изгнанный отцом из Александрии, явился к нему в качестве просителя о помощи¹¹. О самом же Птолемеи рассказывают, что белого света его лишил тот самый сын, которому он уступил царство при жизни¹². Впрочем, я полагаю, что о царях сказано достаточно и уместно теперь не обойти молчанием Гамилькара и Ганнибала, превосходивших, как известно, величием духа и остротой ума всех уроженцев Африки.

ПРИМЕЧАНИЯ

Возможно, что данный текст с беглым перечнем персидских и эллинистических царей является сокращением отдельной книги Непота, которая посвящалась иноземным царям. Условно мы именуем его фрагментом.

¹Кир II Великий (550—530 гг. до н. э.) — основатель великой Персидской державы. Более подробно о нем и о других персидских царях см. во вступительной статье к жезнеописанию Датама.

Дарий I, сын Гистаспа (422—486 гг.) — князь из рода Ахеменидов, избранный на царство по жребию после гибели Кира. При нем начались Мидийские войны, т. е. походы персов на Элладу.

²Ксеркс (486—465 гг.) — сын Дария I от дочери Кира Атоссы. После его вторжения в Грецию, завершившегося разгромом персов при Саламине и Платеях, началась эпоха наступления греков на владения персидского царя. Жизнь Ксеркса оборвалась под кинжалами заговорщиков — начальника его гвардии Артабана и евнуха Аспамитры.

Артаксеркс I Макрохир, или Долгорукий (465—424 гг.) — младший сын Ксеркса, занявший престол после убийства отца. По отзыву Плутарха, он превосходил милосердием и величием всех персидских царей.

Артаксеркс II Мнемон, или Памятливый (404—359 гг.) — старший сын Дария II, герой плутархова жизнеописания «Артаксеркс», современник 2-го Афинского морского Союза.

В непотовом перечне персидских царей пропущены Дарий II (424—404 гг.) —

современник Пелопоннесской войны, и Артаксеркс III Ох (358—338 гг.) — последний «сильный» правитель Персидской державы.

³Мать Артаксеркса II Парисатида, властная и жестокая женщина, ревнуя к влиянию любимой жены царя, Статиры, отравила невестку. Артаксеркс сначала выслал мать в Вавилон, но затем примирился с нею, и она заняла первое место при его дворе. Царь терпеливо снес и пристрастную любовь Парисатиды к младшему сыну — Киру.

⁴Филипп II (382—336 гг., царствовал с 359 г.) — отец Александра Великого. При нем Македония стала сильнейшим государством Балканского полуострова. Успешно сражался с северными балканскими племенами, завоевал побережье Фракии, в битве при Херонее сокрушил свободу Эллады. Убит на свадьбе дочери в Эгах телохранителем Павсанием, за спиной которого стояли то ли македонские князья, то ли покинутая жена царя — Олимпиада, мать Александра, то ли агенты персидского царя.

Александр — сын Филиппа (356—323 гг.), великий завоеватель Азии, умер в июне 323 г. в Вавилоне от злокачественной лихорадки.

⁵Пирр (319—272 гг.) — царь эпирского племени молоссов. Вел жизнь искателя приключений: участвовал в войнах диадохов, претендовал на македонский престол, в 380—375 гг. пытался завоевать Италию и Сицилию. После возвращения из неудачного западного похода старался овладеть Пелопоннесом, осаждал Спарту и, наконец, погиб в уличном бою в Аргосе от черепицы, сброшенной с крыши старухой. См. его биографию у Плутарха.

⁶Дионисий Старший (430—367 гг.) — знаменитый тиран Сиракуз, захватил верховную власть в 405 г. О его характере и деятельности см. во вступительной статье к жизнеописаниям Диона и Тимолеонта. Семейная жизнь Дионисия была не так уж безоблачна: первая жена его была истерзана до смерти его врагами во время восстания «всадников»; ходила молва, что сам тиран отравил свою мать и намеренно дал погибнуть в морском бою своему брату Лептину, не оказав ему своевременной помощи.

⁷Здесь перечислены диадохи — полководцы-наследники Александра, поделившие между собой его державу: Антигон Одноглазый — наместник Великой Фригии, с 321 г. — стратег всей Азии; Лисимах — правитель Фракии, владевший в начале III в. Малой Азией до Тавра и Македонией; Селевк — сатрап Вавилонии, с 301 г. — владыка Сирии, основатель великого Сирийского царства; Птолемей — правитель Египта, родоначальник Династии Лагидов. После гибели законных наследников Александра, начиная с 306 г., диадохи стали именовать себя царями.

⁸Антигон Одноглазый (около 380—301 г.) — самый агрессивный борец за первенство среди диадохов, соперники выступали против него единой коалицией. В 301 г. разбит и погиб в битве при Ипсе во Фригии. Победителям достались Малая Азия (Лисимаху) и Сирия (Селевку).

⁹Через 20 лет после победы над Антигоном Селевк (около 358—281 гг.) и Лисимах (около 360—281 гг.) вступили в спор из-за обладания Малой Азией. Кроме того, в 283—282 г. Селевк приютил у себя некоторых домохозяев Лисимаха, рассорившихся с главой семейства после казни старшего сына его Агафокла. Решительная битва произошла в 281 г. при Курупедионе во Фригии. Разбитый Лисимах скончался от раны.

¹⁰Деметрий Полиоркет (337—283 гг.) — сын Антигона Одноглазого, верный соратник отца. Всю жизнь провел в сражениях, приобретая и теряя города Греции и Азии, владел одно время Македонией (294—287 гг.), но в конечном счете так и не выкроил себе царства. Вынужденный сдаться тестю своему Селевку, провел последние годы свои в Апамее — не в тюрьме, но скорее в почетном плену. Спился и умер на третьем году плена. См. его биографию у Плутарха.

¹¹Птолемей Керавн — сын Птолемея I от отвергнутой жены Эвридики, по матери — внук македонского наместника Антипатра. Покинув Египет, нашел приют сначала у Лисимаха, а после ссоры того с домохозяевами — у Селевка. Принял участие в походе Селевка на Македонию, когда тот шел занять освободившийся после гибели Лисимаха престол, убил своего благодетеля, привлек войско на свою сторону и воцарился в Македонии на краткое время. Погиб через год после этих событий во время вторжения в Македонию галатов.

¹²Птолемей I (около 360/282 гг.) — сатрап, а с 305 г. — царь Египта. За

два года до смерти назначил своим соправителем сына от третьей жены — Береники. Непот ошибается: Птолемей I умер своей смертью, жертвой собственного сына стал впоследствии Птолемей III Эвергет.

XXII ГАМИЛЬКАР

1. Гамилькар, сын Ганнибала, по прозвищу Барка, карфагенин, начал командовать войском еще в молодые годы; было это в Сицилии, во время 1-ой Пунической войны, но ближе к ее концу. До его прибытия дела карфагян на суше и на море шли плохо; он же, где бы ни появлялся, никогда не уступал врагу, не давал ему возможности чинить вред и, напротив, часто, когда представлялся случай, нападал сам и всегда выходил победителем. Так и получилось, что когда пуны потеряли почти все свои владения в Сицилии, он так удачно оборонял Эрикс, что военные действия в этом месте как будто застыли на мертвой точке. Между тем карфагяне, потерпев поражение от римского консула Г. Лутация в морском бою при Эгатских островах¹, постановили окончить войну и предоставили это дело на усмотрение Гамилькара. А он, горя желанием сразаться, решил все же хлопотать о мире, поскольку понимал, что отечество, истощившее свои средства, не в состоянии более выносить превратности войны; но при этом он уже тогда лелеял мысль возобновить борьбу при первых же благоприятных обстоятельствах и биться с римлянами до тех пор, пока они не победят в честном бою или не поднимут руки вверх в знак поражения. С таким намерением он и заключил мир, проявив при этом особое упорство: когда Катул настаивал на том, что война может быть прекращена только при условии, если Гамилькар и его люди, занимавшие Эрикс, удалятся из Сицилии, сдав оружие, тот заявил, что отечество его согласно подчиниться, но сам он скорее умрет, чем возвратится домой с таким позором, ибо недостойно его чести выдать противнику то оружие, которое родина вручила ему на битву с врагом. И Катул уступил его непреклонности².

2. По прибытии в Карфаген Гамилькар нашел положение государства далеко не таким, как надеялся. Так случилось, что вследствие долгих внешних невзгод здесь разгорелась междоусобная война такой силы, что Карфаген оказался в большей опасности, чем когда-либо, не считая того времени, когда он был разрушен. Прежде всего отложились наемники, набранные для войны с Римом; число их достигало 20 тыс. Взбунтовав всю Африку, они осадили самый Карфаген. Пуны до того устрешили этими бедами, что даже запросили подмоги у римлян — и получили ее³. Но в конце концов, дойдя почти до полного отчаяния, они назначили главнокомандующим Гамилькара. Он не только отбросил от стен Карфагена неприятеля, в рядах которого собралось больше 100 тыс. бойцов, но и загнал врагов в такое место, где, запертые в узком пространстве, они гибли больше от голода, чем от меча. Все отпавшие города, в том числе Утику и Гиппон,

мощнейшие твердыни Африки, он возвратил отечеству. Не остановившись на этом, он расширил границы державы и настолько умиротворил Африку, что казалось, будто она не знала войны в течение многих лет.

3. Удачно завершив эти дела, питая в душе отвагу и ненависть к римлянам, Гамилькар в поисках удобного предлога для войны добился, чтобы его послали во главе войска в Испанию⁴; туда же он взял с собой сына своего Ганнибала девяти лет. Кроме того, при нем был Гасдрубал — знатный и красивый юноша, о котором некоторые говорили, будто Гамилькар любил его более грешно, чем подобает. Конечно, разве может великий человек избегать хулы сплетников! Из-за этих разговоров блюститель нравов запретил Гасдрубалу находиться при Гамилькаре, но тот выдал за юношу свою дочь, и тогда по карфагенскому обычаю нельзя уже было запретить тестю общаться с зятем. Я упомянул об этом случае потому, что после гибели Гамилькара этот зять его возглавил войско, совершил великие дела и стал первым полководцем, чья щедрость развратила старинные нравы карфагенян. После его смерти армия вручила командование Ганнибалу.

4. Итак, Гамилькар переплыл море, достиг Испании и, пользуясь благоприятной судьбою, стяжал здесь большие успехи: покорив самые большие и воинственные племена, он обеспечил лошадьми, оружием, людьми и деньгами всю Африку. Погиб он в сражении с веттонами в то время, когда замышлял перенести войну в Италию, на 9-м году пребывания в Испании. Неизменная ненависть его к римлянам, как представляется, во многом способствовала началу 2-ой Пунической войны, ибо сын его Ганнибал вследствие настоячивых заклятий отца получил такие убеждения, что скорее бы умер, чем отказался потягаться с римлянами силой.

ПРИМЕЧАНИЯ

О 2-ой Пунической войне (264—241 гг. до н. э.) и обороне Гамилькаром Эрикса (247 г.) см. вступительную статью к пуническим войнам.

¹Группа Эгатских островов близ Сицилии состоит из Гиеры, Форбантии и Эгузы. Сражение при Эгузе описывает Полибий — лучший источник по истории 2-ой Пунической войны (I, 60—61). В этом бою консул Гай Луций Катул потопил 50 и взял в плен 70 кораблей неприятеля.

²Катул и Гамилькар заключили мир на следующих условиях: карфагеняне обязались покинуть Сицилию и не ходить войной на Сиракузское царство; пленные возвращались Риму без выкупа; в течение 20 лет Карфаген должен был выплатить контрибуцию в 2 200 талантов.

Условия эти казались настолько благоприятными для Карфагена, что римское Народное Собрание отказалось их ратифицировать. Посланная в Сицилию комиссия 10-ти сенатских легатов изменила договор, но незначительно: сумма контрибуции была повышена на тысячу талантов, а срок ее выплаты сокращен наполовину. Гамилькар сумел отвергнуть требование римлян о выдаче перебежчиков и оружия: он вывел своих людей с острова, уплатив по 18 динариев за человека. Главным приобретением Рима стали отвоеванные у карфагенян сицилийские города, не входившие в состав Сиракузского царства. На их территории образовалась вскоре римская провинция Сицилия.

³В начале Ливийского мятежа Рим проявил великодушие, позволив карфагенянам вербовать наемников в Италии; римляне доставили также в Африку продовольствие из

Сицилии и отклонили обращение Утики, пожелавшей отдаться под их протекторат. В конце же Ливийской войны, приняв от мятежных наемников Сардинию и отстояв это приобретение (см. вступительную статью), римское правительство не постыдилось объявить беспомощному Карфагену войну; конфликт был улажен только после того, как карфагеняне выплатили 1200 талантов в дополнение к основной сумме контрибуции.

⁴Гамилькар переправился в Испанию без разрешения властей (236.).

XXIII ГАННИБАЛ

1. Ганнибал, сын Гамилькара, карфагенянин. Если никто не сомневается, и вполне справедливо, что римляне превзошли доблестью все народы, то нельзя отрицать и того, что Ганнибал настолько затмевал прозорливостью прочих полководцев, насколько римский народ опережал в храбрости другие племена. В самом деле, сколько он ни сражался с римлянами в Италии, всякий раз выходил из боя победителем¹. И если бы не ущемляла его на родине зависть сограждан, он, очевидно, мог бы одержать над ними верх. Но враждебность многих одолела мужество одиночки. Сам же Ганнибал был настолько верен отцовской ненависти к римлянам, оставленной ему как бы в наследство, что раньше расстался с жизнью, чем с нею; ведь даже будучи изгнанным из отечества и нуждаясь в чужой помощи, он никогда не переставал мечтать о войне с Римом.

2. Если не считать Филиппа, которого он заочно втянул во вражду с Римом², самым могущественным царем в те времена был Антиох; и вот Ганнибал так разжег его воинственность, что тот готов был идти походом на Италию от самых берегов Красного моря. Когда же к царю прибыли римские послы, чтобы разведать его намерения, и с помощью тайных интриг постарались вызвать у него подозрение, что Ганнибал, подкупленный ими, переменял образ мыслей, то усилия их не пропали даром³. Ганнибал узнал об этом, а также заметил, что его не допускают на секретные совещания. И вот однажды пришел он к царю и, обстоятельно напомнив ему о своей верности и ненависти к римлянам, прибавил следующее: «Когда я еще был ребенком не старше девяти лет, отец мой Гамилькар, отправляясь из Карфагена в Испанию командовать войском, принес жертвы Юпитеру Всеблагому Величайшему. Во время исполнения этой священной церемонии он спросил меня, хочу ли я поехать с ним на войну. Я с радостью согласился и стал упрашивать, чтобы он непременно взял меня с собою. И тогда отец сказал: «Возьму, если ты дашь мне то обещание, которое я хочу услышать». Тотчас подвел он меня к алтарю, перед которым готовился совершить священнодействие, и, удалив всех людей, приказал мне коснуться жертвенника и поклясться, что я никогда не вступлю в дружбу с римлянами. Эту клятву, данную отцу, я хранил до сегодняшнего дня столь ревностно, что никто не вправе усомниться в постоянстве моих мыслей на склоне дней. Так что, если ты задумаешь оказать римлянам какую-

нибудь дружескую услугу, то правильно сделаешь, если скроешь это от меня; если же соберешься воевать с ними, то обманешь самого себя, не поставив меня во главе этого дела».

3. Итак, в указанном мною возрасте Ганнибал отправился с отцом в Испанию, а после смерти родителя, в то время как Гасдрубал занял место вождя, стал командовать всей конницей. Когда же погиб и Гасдрубал, войско вручило верховную власть Ганнибалу. По извещении об этом Карфагена назначение было утверждено официально⁴. Так он стал главнокомандующим, не достигнув еще 25 лет, и в ближайшие 3 года покорил оружием все испанские племена, взял штурмом союзный нам город Сагунт⁵ и снарядил 3 большие армии. Одну из них он отослал в Африку, другую оставил под началом брата Гасдрубала в Испании, а третью повел за собой в Италию. Перевалив через ущелья Пиренеев, везде по пути следования сражался он с туземцами, неизменно уходя от них победителем. Наконец, он добрался до Альп, отделяющих Италию от Галлии — до тех самых гор, которые никто до него не переходил с войском, кроме грека Геркулеса; по этой причине они и сегодня называются Греческим ущельем⁶. Альпийских жителей, пытавшихся помешать переходу, он перебил, окрестности обезопасил, дороги расчистил и добился того, что слон в боевом снаряжении мог пройти там, где прежде едва карабкался один безоружный человек. Этим путем он провел войско через горы и вторгся в Италию.

4. Еще у Родана он сражался с консулом П. Корнелием Сципионом, нанеся ему поражение. С ним же столкнулся он под Кластидием на Паде, и тот вышел из боя раненым и разбитым. В третий раз все тот же Сципион вместе с товарищем Тиберием Лонгом выступил против него при Требии. Ганнибал дал им сражение и разбил обоих⁷. Затем перевалил через Апеннины в области лигуров, направляясь в Этрурию. Во время этого пути он перенес такую тяжелую глазную болезнь, что впоследствии всегда плохо видел правым глазом⁸. Еще страдая этим недугом и передвигаясь на носилках, он истребил при Тразименском озере окруженного и пойманного в засаду консула Г. Фламиния, а немного времени спустя — претора Г. Центения, стоявшего на горах с отборным войском. После этого он перешел в Апулию, и там навстречу ему выступили два консула — Г. Теренций и Л. Эмилий. В одном сражении Ганнибал разбил обе армии, погубив консула Павла и еще несколько консуляров, в числе которых был Гн. Сервилий Гемин, консул прошлого года⁹.

5. После этого сражения он двинулся на Рим, не встречая сопротивления, и остановился на ближайших от города холмах. Простояв здесь лагерем несколько дней, он двинулся назад в Капую, а римский диктатор Кв. Фабий Максим преградил ему путь в Фалернской области¹⁰. Запертый в узком месте, Ганнибал обманул хитроумнейшего полководца Фабия, выбравшись ночью из западни с целым и невредимым войском: в ночном мраке он зажег хворост, привязанный к рогам телят, и погнал такое необычное

беспорядочное полчище на врага. Когда это зрелище внезапно открылось перед римлянами, войско их охватило такой страх, что никто не осмелился выступить за пределы лагерного вала. Спустя несколько дней после этого подвига, он хитростью вызвал на бой М. Минуция Руфа, начальника конницы с полномочиями диктатора и, сразившись, обратил его в бегство. В Лукании он погубил, хотя и не присутствуя при этом лично, двукратного консула Тиб. Семпрония Гракха, заманенного в засаду. Таким же образом уничтожил он под Венузией пятикратного консула М. Клавдия Марцелла¹². Долго пришлось бы перечислять все его битвы. Поэтому достаточно указать на одно обстоятельство, дающее представление о том, каким полководцем был Ганнибал: за все время пребывания его в Италии никто не мог противостоять ему в битве, а после сражения при Каннах никто не разбивал против него лагеря в открытом поле¹³.

6. Непобедимый в Италии, он был отозван домой на защиту родины и стал воевать с П. Сципионом, сыном того Сципиона, которого он разбил сначала у Родана, потом у Пада, а в третий раз — при Требии¹⁴. С этим противником он очень хотел замирился на то время, пока средства отечества истощены, чтобы с новыми силами продолжить борьбу в дальнейшем. Полководцы вступили в переговоры, но не сошлись в условиях. Через несколько дней после этой встречи Ганнибал сразился со Сципионом при Заме, был — во что трудно поверить — разбит и через двое суток добрался до Гадрумета, расположенного примерно в 300 милях от Замы. Во время этого бегства нумидийцы, покинувшие поле боя вместе с ним, устроили на него покушение, но он не только избежал их козней, но и уничтожил их самих. В Гадрумете Ганнибал собрал остальных беглецов и, проведя новые наборы, за несколько дней стянул большие силы.

7. Пока он усиленно готовился к войне, карфагеняне замирились с римлянами. Тем не менее он и после этого командовал армией и вел военные действия в Африке так же, как и брат его Магон — вплоть до консульства П. Сульпиция и Г. Аврелия. При этих консулах прибыли в Рим карфагенские послы, чтобы поблагодарить сенат и римский народ за дарованный мир, поднести им по этому случаю золотой венок и заодно попросить, чтобы заложников их разместили во Фрегеллах, а пленников — возвратили назад. По сенатскому постановлению им был дан такой ответ: дар их с удовлетворением принимается; заложники будут поселены там, где они просят; пленников назад не отпустят, поскольку величайший враг римского народа Ганнибал, по чьему почину началась война, до сих пор облечен у них высшей властью и командует армией — так же, как и брат его Магон. Когда этот ответ стал известен в Карфагене, Ганнибала и Магона отозвали домой¹⁵. По возвращении Ганнибал был избран царем — после того, как 22 года имел чин главнокомандующего. Дело в том, что как в Риме избирают консулов, так и в Карфагене ежегодно избираются два

годовых царя¹⁶. Должность эту Ганнибал исполнял так же добросовестно, как раньше командовал на войне. Введя новые налоги, он добился того, что денег хватало не только на выплаты римлянам по договору, но оставался излишек, вносимый в казну. Затем в консульство Марка Клавдия и Луция Фурия прибыли послы из Рима в Карфаген. Ганнибал, решивший, что они направлены требовать его выдачи, не дожидаясь их приема в сенате, тайно сел на корабль и бежал к Антиоху в Сирию. Когда это дело открылось, пуны послали два корабля, чтобы по возможности догнать его и схватить; имущество его конфисковали, дом разрушили до основания, а самого объявили изгнанником¹⁷.

8. Ганнибал же на 4-м году бегства из дома пристал с пятью кораблями к Африке в области киренейцев, дабы разведать, нельзя ли подбить карфагенян на войну с Римом, обольстив их надеждами и дерзостью Антиоха, которого он уже склонил на вторжение в Италию. Сюда же он вызвал брата Магона¹⁸. Когда пуны узнали об этом, то заочно приговорили Магона к такому же наказанию, что и брата. Обнаружив, что дело плохо, оба подняли якоря и паруса и ушли в море. Ганнибал возвратился к Антиоху, о конце же Магона существует двойкий рассказ: одни писатели сообщают, что он погиб в кораблекрушении, другие — что его убили собственные рабы. Что до Антиоха, то если бы он предпочел вести войну по советам Ганнибала, как это он делал вначале, то ему довелось бы сразиться за мировое господство при Тибре, а не при Фермопилах. Ганнибал же, часто наблюдая неразумные предприятия царя, ни разу от него не отступился. Командуя небольшой эскадрой, которую ему приказали перевести из Сирии в Азию, он повел ее в бой у берегов Памфилии против родосского флота. И хотя в этом сражении превосходящие силы противника одолевали его корабли, сам он одержал победу на том фланге, которым командовал¹⁹.

9. После того как Антиох обратился вспять²⁰, Ганнибал, страшась быть выданным врагу, что и случилось бы, если бы он не остерегся, удалился в Гортиний на Крите, дабы поразмыслить там, куда деваться дальше. Тут этот самый хитрый человек на свете заметил, что угодит в большую беду из-за алчности критян, если не придумает какой-нибудь выход. Дело в том, что он привез с собой большие богатства и знал, что слух о них уже распространился. Тогда он придумал такой способ: взял множество амфор и наполнил их свинцом, присыпав сверху золотом и серебром. Эти сосуды в присутствии знатнейших граждан он поместил в храме Дианы, притворясь, будто вверяет свое состояние честности критян. Введя их в заблуждение, все свои деньги засыпал он в медные статуи, что привез с собою, и бросил эти фигуры во дворе дома. И вот критяне с великим рвением охраняют храм не столько от чужаков, сколько от Ганнибала, опасаясь, чтобы он без их ведома не извлек сокровища и не увез их с собой.

10. Сохранив таким образом свое достоинство и обманув всех критян, пуниец явился в Понт, к Прузию²¹. У него он вынашивал все те же планы против Италии и добился даже того, что настроил и вооружил царя против римлян. Когда же убедился, что тот недостаточно силен сам по себе, то склонил на его сторону других царей и привлек воинственные племена. Но царь пергамский Эвмен, преданнейший друг римлян, выступил против Прузия, так что между ними шла война на суше и на море, и в то время, как Ганнибал горячо желал разгромить Эвмена, тот, благодаря поддержке римлян, имел успех на обоих фронтах. Полагая, что устранение Эвмена облегчит исполнение всех прочих его замыслов, Ганнибал надумал погубить его следующим способом: через несколько дней им предстояло сразиться на море. Противник имел численное превосходство, и потому, уступая в силе, Ганнибал должен был бороться с помощью хитрости. И вот он приказал раздобыть как можно больше живых ядовитых змей и велел поместить их в глиняные горшки. Собрав великое множество этих гадов, созвал он в самый день предстоящей битвы матросов и дал им наказ общими силами напасть на одно единственное судно — корабль царя Эвмена, ограничившись в отношении прочих лишь обороной; это, мол, им легко удастся сделать с помощью скопища гадов, сам же он позаботится известить их, на каком корабле находится царь. И он обещал им щедрую награду на случай, если они убьют царя или захватят его в плен.

11. После этого обращения к воинам тот и другой флот вышли на боевую позицию. Когда обе эскадры построились, но не был дан еще сигнал к бою, Ганнибал выслал вперед гонца с жезлом, дабы открыть своим людям местонахождение Эвмена. Подплыв к судам противника, посол предъявил письмо и заявил, что должен вручить его царю. Поскольку никто не усомнился, что в послании содержатся какие-то мирные предложения, его тотчас доставили к царю, а он, обнаружив для своих корабль командующего, возвратился туда, откуда прибыл. Эвмен же, вскрыв письмо, не нашел в нем ничего, кроме оскорблений. Изумляясь и недоумевая о цели такого посольства, он все же не замедлил тотчас начать бой. При столкновении противников вифинцы, следуя наказу Ганнибала, дружно атаковали судно Эвмена. Оказавшись не в состоянии выдержать их натиск, тот стал искать спасения в бегстве, и не нашел бы его, если бы не укрылся в одной из своих укрепленных гаваней, которые были расположены на ближайшем берегу. Остальные пергамские корабли все ожесточеннее теснили противника, как вдруг на них посыпались глиняные горшки, о которых я упомянул выше. Эти метательные снаряды сначала вызвали у бойцов смех, поскольку невозможно было понять, что все это означает. Когда же они увидели, что суда их кишат змеями, то пришли в ужас от нового оружия и, не зная от чего спастись — в первую очередь, пустились в бегство и возвратились на свои стоянки. Так Ганнибал хитроумно одолел пергамскую рать. И не только в этом бою, но и во многих

других уже сухопутных сражениях побеждал, он неприятеля с помощью таких же уловок.

12. Пока эти события происходили в Азии, случилось так, что в Риме послы Прузия обедали у консуляра Т. Квинкция Фламиния, и когда за столом был упомянут Ганнибал, один из них сказал, что тот находится во владениях Прузия. На следующий день Фламиний доложил об этом сенату. Отцы-сенаторы, считавшие, что не будет им покоя, пока жив Ганнибал, отправили в Вифинию легатов, среди которых был и Фламиний, с наказом требовать от царя, чтобы он не держал при себе злейшего врага Рима, но выдал его послам²². Прузий не посмел отказать гостям и уперся лишь на том, что послы не должны требовать, чтобы он выдал Ганнибала лично, поскольку это нарушило бы долг гостеприимства. Пусть, мол, они сами ловят его, как могут, а местонахождение его будет найти легко. В самом деле Ганнибал всегда пребывал в одном месте — в крепости, данной ему царем в подарок. Замок этот он отстроил таким образом, чтобы со всех сторон здания имелись выходы, которые, как он опасался, ему пригодятся. Так оно и случилось. Когда римские послы явились туда и окружили дом большим отрядом, мальчик-слуга, заметив их от порога, сообщил Ганнибалу, что появилось необычно много вооруженных людей. Тот приказал ему обойти кругом все двери и спешно доложить, со всех ли сторон одинаково обложено здание. Мальчик быстро донес ему, как обстоит дело, удостоверив, что все выходы заняты, и тогда Ганнибал понял, что это сделано не случайно, что охотятся за ним и что жить ему дольше нельзя. Не желая, чтобы чужие люди решали его судьбу, верный прежней своей доблести, он принял яд, который привык всегда держать при себе.

13. Так, на 70-м году жизни, после долгих и многих трудов, упокоился этот доблестнейший человек. При каких консулах он скончался — неясно. Например, Атик в своих *Анналах* сообщает, что он умер в консульство М. Клавдия Марцелла и Кв. Фабия Лабеола, Полибий говорит о Л. Эмилии Павле и Гн. Бебии Тамфиле, а Сульпиций Блтон называет П. Корнелия Цетега и М. Бебия Тамфила²³. Добавим, что этот великий муж, обремененный великими военными предприятиями, не жалел времени на ученые занятия, ибо после него осталось несколько сочинений на греческом языке, в том числе книга к родосцам о деяниях Гн. Манлия Вольсона в Азии²⁴.

Многие историки описывали его войны, но среди них есть два автора, Силен и Сосил Лакедемонянин, которые сопровождали его в походах и жили вместе с ним, пока это угодно было судьбе. Тот же Сосил служил Ганнибалу и как учитель греческой словесности.

Но пора уже мне кончить эту книгу и поведать о подвигах римских полководцев, чтобы читатель, сравнив деяния иноземных и своих вождей, легче решил, кому отдать предпочтение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Непот риторически преувеличивает непобедимость Ганнибала. М. Клавдий Марцелл, пятикратный консул, «меч» Рима, несколько раз одолевал великого полководца в открытом бою: в конце 216 и в 215 г. — под Нолой, в 210 г. — под Нумистроном.

²Филипп V Македонский в 215 г. заключил с Ганнибалом союзный договор, коим обязывался оказывать карфагенянам помощь. Причиной тому послужила встречающаяся агрессия Рима и Македонии в иллирийские области Адриатического моря. Во время 1-ой Македонской войны (215—205 гг.) римляне не допустили появления македонских войск в Италии: военные действия шли сначала на западных берегах Балканского полуострова, а в 211 г. римляне вступили в союз с противниками Филиппа в Греции (Этолия, Спарта, Элида, Мессения, к которым присоединился пергамский царь Аттал), навязав своему противнику «домашнюю» войну. Мир с Македонией был заключен накануне похода Сципиона в Африку, но сразу же по окончании Ганнибаловой войны римляне высадили свои легионы на Балканском полуострове, развязав 2-ю Македонскую войну (200—197 г.). Она велась под лозунгом освобождения Эллады от Македонской гегемонии. Сирийский царь Антиох, союзник Филиппа, воздержался от помощи своему партнеру.

³Одержав победу над Филиппом, Рим распространил требование свободы на малоазийские греческие города, подчинявшиеся Антиоху. Во второй половине 90-х годов происходил интенсивный обмен посольствами между Римом и Сирией, назревал конфликт. В 192 г. на переговоры с Антиохом отправились П. Сульпиций Гальба и П. Виллий Таппул, воевавшие в 200—199 г. с Филиппом; к их миссии присоединился Сципион Африканский. В эфесе Виллий и Сципион дружески встречались с Ганнибалом, по слухам — намеренно компрометируя его перед царем.

⁴О Гасдрубале, зяте Гамилкара, и порядке назначения командующих в Испании — см. вступительную статью к пуническим войнам. Сыновья Барки (Ганнибал, Гасдрубал и Магон) после смерти отца были отправлены из военного лагеря в Карфаген. Через 5 лет Ганнибал вернулся в Испанию и 3 года служил под началом своего родича (до гибели Гасдрубала в 221 г.).

⁵Сагунт — греческая колония, состоявшая в союзе с Римом; к концу III в. до н. э. большинство населения ее уже составляли иберы. О местонахождении Сагунта на северном или южном берегу Эбро (см. во вступительной статье о значении этой реки как границы между римской и карфагенской сферами влияния) до сих пор идут споры. Скорее всего город стоял на правом берегу, в зоне карфагенских владений. Сагунт был разрушен Ганнибалом в 219 г., римское посольство, явившееся по этому поводу в Карфаген, объявило пунам войну весной 218 г.

⁶Геркулес — греческий герой Геракл. Один из мифических подвигов Геракла — похищение коров Гериона с острова Эрифей, лежащего в Западных водах мирового Океана. По преданию, на обратном пути Геракл переправился через Пиренеи и Альпы и пересек Италию.

Определение альпийского пути Ганнибала — вопрос спорный. Большинство исследователей высказываются в пользу Малого Сен-Бернара или Мон-Сени.

⁷О боях на Роне и в долине Пада см. вступительную статью к пуническим войнам.

⁸Две консульские армии преграждали Ганнибалу обе главные дороги от северных Апеннин в Среднюю Италию: Фламиниеву, шедшую на Арминн, прикрывал консул Гн. Сервилий; Кассиеву, проложенную к этрусскому городу Арецию, контролировал Гай Фламиний. Карфагенский полководец обошел все заслоны, проведя свое войско через почти непроходимые болота Лигурии.

⁹Пропретор Гай Центенний был послан на помощь Фламинию консулом Сервилием; весь его отряд в 4 тыс. всадников погиб или попал в плен.

Непот очень кратко говорит о двух катастрофических поражениях римской армии: при Тразименском озере в 217 г. и при Каннах в 216 г. (см. вступительную статью к пуническим войнам). Легионы, сражавшиеся при Каннах, возглавляли консулы Г. Теренций Варрон и Л. Эмилиус Павел. Варрон — инициатор сражения — покинул поле боя в критический момент и спасся; Павел — противник битвы — разделил участь своей армии.

¹⁰В этом месте у Непота наблюдается полное смещение фактов: события

Фалернской области происходили в 217 г. (см. о диктатуре Фабия во вступительной статье к пуническим войнам), осада римлянами Капуи, отправшей к Ганнибалу, и поход карфагенского полководца на Рим — в 212 г. (см. вступительную статью).

¹¹В случае чрезвычайной опасности римляне вручали верховную власть диктатору — полководцу с чрезвычайными полномочиями, избираемому на 6 месяцев. Помощник диктатора носил звание начальника конницы. М. Минуций Руф, начальник конницы диктатора Фабия, недовольный медлительной тактикой своего командира, порицал его в лагере и в Риме. Демократические вожди, друзья Минуция, добились того, что Народное Собрание уравнило в правах диктатора и его помощника. Неудачная вылазка Минуция была последним провалом агрессивной тактики командиров-демократов (ей предшествовал печальный опыт Фламиния и Варрона).

¹²Тиберий Семпроний Гракх, один из ведущих римских военачальников 2-ой Пунической войны, был консулом в 215 и 213 г., проконсулом в 214 и 212 г. — в год своей гибели. Пятикратный консул Марцелл погиб в засаде в 208 г.

¹³См. прим. 1.

¹⁴П. Корнелий Сципион, сын консула 218 г., завоеватель Испании, консул 205 г., добился сенатского постановления об отправке римской армии в Африку. Ганнибал покинул Италию осенью 203 г., когда войско Сципиона осадило Карфаген. В следующем году произошло решающее сражение при Заме (см. вступительную статью к пуническим войнам).

¹⁵В начале 7 гл. у Непота — целая вереница ложных сведений. Во-первых, после поражения при Заме Ганнибал был самым горячим сторонником мира; во время одного «митинга» он даже стащил с трибуны оратора военной партии. Во-вторых, в 200 г. при консулах Сульпиция и Аврелия римляне отправили в Карфаген посольство с жалобами на карфагенского офицера Гамилькара, оставшегося в Италии и возглавившего враждебных Риму северных галлов. В-третьих, Магон, младший брат Ганнибала, сражавшийся в 205—203 гг. на севере Италии, умер в 203 г. на пути в Африку. Наконец, сразу после подписания мирного договора сенат безвозмездно отпустил домой 200 знатных пунийских пленников.

¹⁶Имеется в виду верховная магистратура Карфагена — должность двух годовых «судей»-суфетов, напоминавших римских консулов. Ганнибал исполнял ее в 196 г. и прославился блестящей реформой карфагенских финансов.

¹⁷Непот датирует бегство Ганнибала 196 г. (по консулам М. Клавдию Марцеллу и Л. Фурию Пурпуриону). На самом деле римское посольство появилось в Африке в 195 г., когда консулом в Риме был Катон, прославившийся впоследствии своими упорными призывами разрушить Карфаген. Примечательно, что два римских легата из трех — Марк Марцелл (сын знаменитого полководца) и Теренций Куллеон могут быть причислены к катонской группировке.

¹⁸Сведения о визите Ганнибала в Африку крайне сомнительны, тем более что в них опять мелькает имя давно умершего Магона. Существует более достоверный рассказ (у Ливия, Аппиана и Юстина) об агенте Ганнибала, тирийце Аристоне, засланном в Карфаген от двора Антиоха для организации партии Баркидов. Миссия Аристона провалилась, после чего сирийский царь охладел к великим проектам своего гостя.

¹⁹Потерпев поражение в Греции при Фермопилах (191 г.), Антиох готовился предостеречь переправу римской армии на азиатский берег. С этой целью он вызвал на запад финикийскую эскадру, вверенную Ганнибалу (190 г.).

²⁰О поражении Антиоха при Магнезии осенью 190 г. см. вступительную статью.

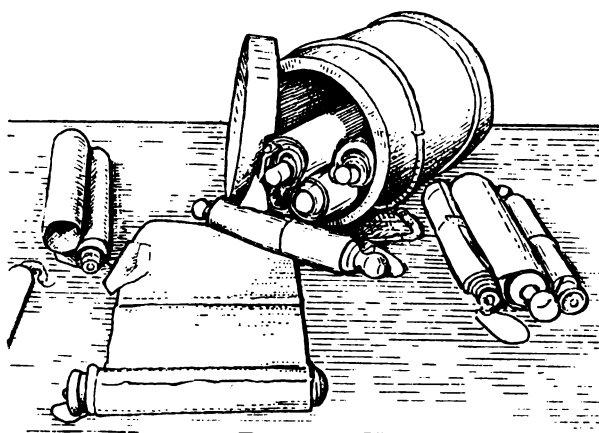
²¹Ошибка Непота: Прузий был царем Вифинии (царство на севере Малой Азии). В 80-х гг. II в. он воевал с пергамским царем Эвменом II (197—159 г.), верным союзником Рима, получившим после Сирийской войны многие внутренние области Малой Азии и протекторат над греческими городами побережья. Сообщение Непота о том, что Прузий готовился к войне с Римом, неправдоподобно.

²²Легаты, требовавшие выдачи Ганнибала: сам Т. Квинций Фламиний — победитель Филиппа V, эксперт римской политики на востоке в течение многих лет; Л. Сципион — победитель Антиоха, брат Сципиона Африканского; П. Сципион Назика — двоюродный брат Сципиона Африканского. Несмотря на это скопление родственных имен, в римской традиции существовала версия о Сципионе Африканском — противнике травли Ганнибала. Также Плутарх резко противопоставлял мелочную мстительность Фламиния великодушию Сципиона, мягко обходившегося

со своим побежденным врагом (*Тит. XXI*). Было ли предъявлено Антиоху требование о выдаче Ганнибала после битвы при Магнезии — вопрос спорный.

²³Непот называет 183, 182 и 181 гг. Скорее всего Сципион и Ганнибал умерли в один год — в 183 г. до н. э.

²⁴Гн. Манлий Вольсон — консул 189 г., подписавший мирный договор с Антиохом. По собственному почину предпринял поход против малоазиатских галатов, грабивших греческие города. Армия Вольсона в свою очередь прославилась мародерством и количеством вывезенной из Азии добычи.

**ИЗ КНИГИ
О РИМСКИХ
ИСТОРИКАХ**

XXIV М. ПОРЦИЙ КАТОН

1. М. Катон родился в муниципии Тускуле¹ Юношей, не начавшим еще добиваться должностей, он подвизался в Сабинской области, где у него было именище, доставшееся ему от отца. Позже, по совету Л. Валерия Флакка, будущего своего товарища по консульству и цензуре, о чем любит упоминать цензорий М. Перпенна, он перебрался в Рим и начал посещать Форум. Первое солдатское жалованье он получил в 17 лет² В консульство Кв. Фабия и М. Клавдия он служил военным трибуном в Сицилии, а по возвращении оттуда присоединился к войску Г. Клавдия Нерона и весьма отличился в сражении при Сене, где погиб Гасдрубал, брат Ганнибала³ Будучи квестором, он попал под начало консула П. Африканского, но не ужился с ним вопреки служебному долгу: так он ссорился с ним потом всю жизнь⁴ Плебейским эдилом он был избран вместе с Г. Гельвием, а когда стал претором, то получил в управление провинцию Сардинию, откуда еще раньше, во время своей квестуры, вывез на обратном пути из Африки поэта Энния⁵ Заслугу эту я ценю не менее любого самого пышного сардинского триумфа.

2. Исполняя консулат в паре с Л. Валерием Флакком, он получил по жребию провинцию Ближнюю Испанию и вывез оттуда триумф⁶ Когда он задержался там дольше срока, П. Сципион Африканский, консул во второй раз, чьим квестором Катон был во время первого консульства, пожелал удалить его из провинции и самому занять его место. Но хотя Сципион и первенствовал в государстве, провести свое решение в сенате он не смог, ибо тогда Республика управлялась законом, а не влиянием. Обидевшись по этому случаю на сенат, Сципион после окончания консульства остался в городе как частное лицо, а Катон, избранный цензором все с тем же Флакком, сурово использовал свои полномочия. Так, он наложил взыскания на многих знатных лиц и внес в свой эдикт многие новые постановления, обуздывавшие роскошь, которая начала уже проникать в общество. Прожив около 80 лет, с юности до последних дней он непрестанно наживал себе врагов, защищая интересы государства⁷ Многие нападали на него, но доброе имя его от этого нисколько не пострадало, напротив — на всем протяжении его жизни слава его добродетели возрастала.

3. Во всяком деле он проявлял исключительное рвение, так что был и умелым земледельцем, и опытным правоведом, и великим полководцем, и отменным оратором, и усерднейшим писателем. Страсть к чтению проявилась у него в позднем возрасте, однако он настолько преуспел в занятиях, что трудно было бы сыскать какие-нибудь события из греческой или итальянской истории, которые бы он не знал. С молодых лет он сочинял речи, в старости начал писать исторический труд, насчитывающий семь книг. Первая содержит деяния римских царей. Вторая и третья рассказывают о происхождении всех итальянских городов, и от этого, по-видимому, все книги называются «Началами». В четвертой говорится о 1-ой Пунической войне, в пятой — о 2-ой, но все их события изложены в общих чертах. Таким же образом пересказал он и остальные войны до претуры Сервия Гальбы, который ограбил лузитан⁸, — не называя участвовавших в них полководцев и, отмечая сражения без имен. В тех же книгах представил он все примечательные или казавшиеся таковыми события, имевшие место в Италии и обеих Испаниях⁹. Произведение это обнаруживает много усердия и добросовестности, но мало искусства. О жизни и нравах Катона я подробно рассказал в отдельной, посвященной ему книге, написанной по просьбе Т. Помпония Аттика. К этому сочинению и отсылаю поклонников Катона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Тускул — древний крупный город Лация, располагавшийся на Альбанской горе. Муниципиями назывались городские общины, имевшие право римского гражданства.

²Катон родился в 234 г., солдатскую службу начал в 217 г., на второй год после вторжения Ганнибала в Италию.

³Военным трибуном Катон стал в 214 г. и осенью того же года отбыл на Сицилию вместе с консулом Марцеллом, назначенным сражаться с отпавшими после Каннской битвы сиракузянами; надо заметить, что офицерский пост военного трибуна могли занимать только лица всаднического сословия. Под началом Г. Клавдия Нерона Катон служил в 207 г., когда две консульские армии разгромили в битве при Сене Галльской на р. Метавре второе после Ганнибала карфагенское войско, перевалившее через Альпы и шедшее на соединение с Ганнибалом; эта победа определила исход 2-ой Пунической войны.

Просопографические данные указывают на дружескую связь между обоими командирами молодого муниципала — Марцеллом и Нероном. Возможно, именно эти лица вместе с семейством Валериев Флакков являлись немногими знатыми покровителями «нового человека» из Тускула.

⁴Квестура Катона приходится на год высадки римской армии в Африке (204 г.). Сципион отослал неживчивого помощника еще до битвы при Заме, заменив его своим другом Лелнем, получившим чин проквестора. Причиной ссоры консула и квестора послужил, видимо, новый стиль сципионовского командования, способствовавший развитию мародерства.

⁵Плебейским эдилом Катон стал сразу по окончании войны — в 199 г., претором — в 198 г. Прославился в Сардинии как справедливый судья и деятельный наместник, пешком обошедший все сардинские города, избавивший остров от гнета ростовщиков. Энний — первый великий национальный поэт римлян; даже в эпоху расцвета римской литературы его «Анналы» конкурировали с эпосом

Вергилия. Покровительство Катона талантливому латинскому поэту как нельзя более отвечает духу его культурнического патриотизма.

⁶Консулат Катон и Флакк получили в 195 г., избирательным собранием руководил Марцелл — сын великого полководца. В течение одного года Катон снарядил военную экспедицию, разбил крупное восстание иберов в Северной Испании, срыл стены испанских городов и организовал разработку серебряных рудников Испании.

⁷Цензорами Катон и Флакк были избраны в 184 г., 10 лет спустя после их консульства. Тон знаменитой цензуры задавал Катон. Он провел строгую ревизию нравов, наложив взыскания на многих сенаторов и всадников; удалил из сената нескольких знатных лиц; обложил высокими налогами предметы роскоши; вел борьбу с расхитителями государственного имущества; в интересах казны заключил подряды с откупщиками по самым низким ценам, вступив в острый конфликт с могущественной корпорацией толстосумов. Цензура Катона завоевала ему славу в народе, но навлекла на него длительную ненависть отдельных лиц. Зримым памятником ее стала Порциева базилика — первое общественное деловое здание в Риме, построенное на штрафные деньги.

Умер Катон в 149 г. в возрасте 85 лет.

⁸Сервий Сульпиций Гальба — претор 151 г., командовавший в Испании в 151—150 гг. Частью перебил, частью незаконно продал в рабство сдавшихся лузитан. В 149 г. народный трибун Луций Либон, действовавший по почину Катона, возбудил по этому поводу уголовное дело. За несколько месяцев до своей смерти Катон произнес длинную речь против Гальбы, вошедшую в его «Начала». В том же году в связи с делом Гальбы были учреждены постоянные судебные комиссии для разбора дел о вымогательствах в провинциях.

⁹Под двумя Испаниями подразумеваются две испанские провинции: Ближняя Испания (восточное побережье Пиренейского полуострова) и Дальняя (юг полуострова).

XXV

Т. ПОМПОНИЙ АТТИК

1. Т. Помпоний Атик происходил из древнейшего римского рода и навсегда сохранил за собой всадническое звание, унаследованное от предков¹. Отец у него был любящий, по тем временам богатый и чрезвычайно приверженный к науке. Увлекаясь книгами, он сам обучил сына тем предметам, которые полагается знать ребенку. А мальчик, помимо природной сообразительности, обладал необыкновенно красивым голосом и приятною речью, так что не только быстро воспринимал то, чему его учили, но и великолепно говорил сам. Поэтому еще в детстве он был знаменит среди сверстников и так блистал среди них, что благородные однокашники не могли снести этого равнодушно. Так, прилежанием своим подхлестывал он других товарищей, в числе которых были Л. Торкват, Г. Марий-сын и М. Цицерон². Общаясь с ним, они настолько подпали под его обаяние, что впоследствии никто и никогда не был им дороже его.

2. Отец его умер рано, а сам юноша, будучи родственником П. Сульпиция, убитого в должности народного трибуна, подвергся опасности из-за этого родства; дело в том, что Аниция, двоюродная сестра Помпония, была замужем за Сервием, братом Сульпиция. И вот после убийства Сульпиция, глядя на государство, потрясенное мятежом Цинны, и понимая, что при гражданском раздоре, когда одни сочувствовали сулланцам, а другие — циннанцам, невозможно ему в его звании жить, не ссорясь с той или

другой партией, он решил, что настало подходящее время предаться любимым занятиям, и уехал в Афины³. Несмотря на это, он помог по мере сил молодому Марию, объявленному вне закона, снабдив его деньгами при бегстве⁴. А чтобы отъезд за рубеж не нанес вреда семейному имуществу, переправил туда же значительную часть своего состояния. Здесь он вел такой образ жизни, что заслужил горячую любовь всех афинян. Дело заключалось не только в обаянии, присущем ему с юных лет, но и в том, что он с помощью своего достатка облегчал недостатки их казны. Когда у государства возникала необходимость сделать заем с ростом, но невозможно было найти приемлемых условий, он всегда предлагал свои услуги, причем так, что, с одной стороны, не требовал с них чрезмерных процентов, с другой — не терпел, чтобы выплату задерживали дольше оговоренного срока. Оба эти условия оборачивались для афинян во благо, ибо отказ от поблажек не давал их долгу застареть, а постоянный процент — увеличиться. К этой услуге присовокупил он еще одно благодеяние, оделив всех граждан хлебом, так что на каждого человека пришлось по 6 модиев пшеницы (такая мера сыпучих тел называется в Афинах медимном)⁵.

3. Держался он, по общему мнению, с низшими — по-товарищески, с высшими — на равных. Поэтому афиняне воздавали ему всевозможные почести и горячо желали предоставить ему гражданские права, но он не захотел воспользоваться этой милостью. Некоторые объясняют его отказ тем, что принятие чужих прав влечет за собой потерю римского гражданства. Проживая в Афинах, он запретил воздвигать статуи в свою честь, а когда покинул их — не мог воспрепятствовать этому. Тогда афиняне поставили несколько статуй ему в Мидии⁶ в самых священных местах города, почитая его как исполнителя и вдохновителя всех своих государственных мероприятий. Итак, даром судьбы было то обстоятельство, что родился он в могущественнейшем городе, средоточии мировой власти, что там были и отечество его, и дом; мудрость же его проявилась в том, что, переселившись в самое древнее, человеколюбивое и просвещенное государство на свете, он стал там всеобщим любимцем.

4. Сулла, возвращаясь из Азии, заехал в Афины⁷ и в течение всего пребывания там держал при себе Помпония, очаровавшись изящными манерами и ученостью молодого человека. По-гречески он говорил как прирожденный афинянин, а латинская речь его звучала столь приятно, словно он пользовался природным, а не выработанным благозвучием. Так же безукоризненно читал он латинские и греческие стихи. Из-за этих достоинств Сулла не расставался с ним и хотел увезти его с собою. В ответ на настойчивые уговоры Помпоний ответил: «Не зови меня в поход против тех, из-за кого я покинул Италию, дабы не поднять на тебя оружие». И Сулла, похвалив юношу за чувство долга, отъезжая, приказал отнести к нему все свои подарки, полученные в Афинах. Много лет провел он в этом городе, заботясь о своем имуществе

так, как это пристало рачительному главе дома, и посвящая свободное время или ученым занятиям, или государственным делам афинян. При этом он не ленился оказывать услуги друзьям в Риме, приезжал на их выборы и не оставлял их при более серьезных обстоятельствах. Например, он оказал несравненную поддержку Цицерону во всех его испытаниях, а когда тот бежал из отечества, подарил ему 250 тыс. сестерциев⁸. По водворении на родине покоя он возвратился в Рим — думаю, что было это в консульство Л. Котты и Л. Торквата⁹. Все Афины вышли на его проводы, и горькие слезы граждан свидетельствовали о том, как они будут тосковать по нему.

5. Был у него дядюшка Кв. Цецилий, римский всадник, приятель Л. Лукулла¹⁰ — богат с тяжелым характером. Грубость его он переносил столь уважительно, что человек этот, невыносимый для всех, до глубокой старости сохранил к нему нерушимое благоволение. Почтительность принесла свои плоды, ибо Цецилий перед смертью усыновил племянника и оставил ему $\frac{3}{4}$ своего наследства, с которого тот получил около 100 тыс. сестерциев. Сестра Аттика была замужем за Кв. Туллием Цицероном¹¹, а устроил этот брак М. Цицерон, закадычный друг Аттика со школьных лет, более близкий ему, чем Квинт; отношения их позволяют прийти к выводу, что в дружбе сходство характеров важнее родства. Близок он был также и с Кв. Гортензией¹², занимавшим первое место среди ораторов того времени, и нельзя было понять, кто любит его больше — Цицерон или Гортензий. Ему удалось добиться самого трудного — того, что эти двое соперничая между собой в славе, не завидовали друг другу, а он служил связующим звеном между этими великими мужами.

6. Подвизаясь на гражданском поприще, он всегда и был и считался приверженцем партии оптиматов¹³, но не погружался в общественные течения, полагая, что люди, окунувшиеся в эти дела, располагают собой не более, чем пловцы, носимые морскими волнами. Должностей он не искал, хотя легко мог получить их благодаря своему влиянию или положению; ведь было уже невозможно ни добиваться магистратуры по обычаю предков, ни получить ее без нарушения законов при распространявшихся злоупотреблениях и подкупе, ни исполнять ее, не подвергаясь опасности при царящем в государстве падении нравов. Публичные торги он никогда не посещал и ни разу не выступал в качестве поручителя или откупщика. Никого не привлекал он к ответу от своего имени или вместе с другими обвинителями, никогда не искал защиты в суде и ни с кем не судился. Принимая поручения многих консулов и преторов, никого из них не сопровождал он в провинцию, удовлетворяясь оказанной честью и не заботясь о прибылях. Так, например, он не пожелал отправиться в Азию с Кв. Цицероном, хотя мог получить у него место легата, ибо считал, что стыдно ему, пренебрегшему претурой, быть нахлебником претора. Поступая таким образом, он сохранял не только

достоинство свое, но и покой, избегая поводов к обвинениям. Такая шепетильность его была всем весьма по душе, ибо видели, что соблюдается она ради долга, а не из страха или расчета¹⁴

7. Ему было около 60-ти лет, когда началась Цезарева гражданская война¹⁵. Пользуясь преимуществом своего возраста, он никуда не уехал из города, друзей же своих, отправившихся к Помпею, снабдил всем, в чем они нуждались. Не обидел он и самого Помпея, дружески к нему расположенного, ибо не имел от него никакой корысти, в отличие от прочих приятелей, получавших из его рук почести или богатства; некоторые из этих людей неохотно присоединились к войску Помпея, а иные остались дома, нанеся ему тем самым тягчайшую обиду. Цезарю же миролюбие Аттика было настолько по душе, что после победы, письменно требуя у частных лиц денег, он не только не беспокоил этого человека, но даже помиловал из уважения к нему сына его сестры и Кв. Цицерона, подвизавшегося в лагере Помпея. Так, старинные жизненные правила Аттика избавили его от бедствий нового времени.

8. Такой же тактики придерживался он и после убийства Цезаря, когда казалось, что государство находится во власти Брутов и Кассия, и было похоже, что все граждане приняли их сторону¹⁶. С Марком Брутом у него были такие хорошие отношения, что этот молодой человек предпочитал старого Аттика всем своим сверстникам, так что тот занимал у него первое место и на пиру и в совете. И вот пришла кому-то в голову мысль, чтобы римские всадники учредили особую казну для убийц Цезаря. Полагали, что план этот легко осуществится, если столпы всаднического сословия внесут свои средства. Тогда Г. Флавий, приятель Брута, попросил Аттика возглавить это дело. Но тот, считавший, что следует оказывать друзьям только беспартийные услуги и всегда уклонявшийся от подобных замыслов, ответил: если Брут захочет воспользоваться его имуществом, то возьмет столько, сколько будет возможно из него взять; что до предложения, то он не станет ни обсуждать его, ни вступать с кем бы то ни было в соглашение. Так и распалась эта кампания единомышленников из-за того, что ее осудил один Атик. Вскоре после этого победа начала клониться на сторону Антония, а Брут и Кассий, покинув свои провинции, данные им для вида консулом... при отчаянных обстоятельствах удалились в изгнание¹⁷. И тут Атик, отказавшийся примкнуть к тем, кто хотел предоставить деньги их партии в период ее процветания, теперь, когда сломленный духом Брут покидал Италию, послал ему в дар 100 тыс. сестерциев, заочно приказав выдать ему же в Эпире еще 300 тыс. Так, не заискивая перед усилившимся Антонием, не покинул он и тех, кто был на краю гибели.

9. Вслед за тем произошла Мутинская война¹⁸. Если я скажу, что в это время он вел себя благоразумно, то похвала моя окажется слишком слабой, ибо он явил поистине божественную прозорливость, если можно назвать таковой постоянное врожденное

благомыслие, не изменяющее себе ни при каких обстоятельствах. Антоний был объявлен врагом отечества и покинул Италию, не имея никакой надежды на возвращение. Не только многочисленные и могущественные враги его, но и примкнувшие к ним гонители, надеявшиеся извлечь из травли Антония ту или иную пользу, преследовали его домохозяев, стремились дочиста ограбить жену его Фульвию, а детей были готовы даже убить. Аттик же, ближайший друг Цицерона и Брута, не только не присоединился к обидчикам Антония, но поступил противоположным образом, укрыв, по мере сил, его близких, бежавших из города, и оказав им помощь в их нуждах. Например, П. Волумний¹⁹ он оделил столь щедро, что родной отец не мог бы дать ему большего. Самой же Фульвии, которая была завалена тяжбами и пребывала в великих тревогах, он столь доброжелательно предложил свои услуги, что в суд она ходила только с ним, и он был поручителем во всех ее делах. А еще случилось так, что в благополучные времена она купила в рассрочку поместье, а после того, как разразилась беда, не могла занять денег, и тогда подоспел Аттик, давший ей заем без процентов и без расписки. Величайшим своим прибытком считал он возможность выказать себя человеком благодарным и заботливым, доказывая одновременно, что всегда дружит с людьми, а не с их удачей. И когда он совершал все эти поступки, никто не мог заподозрить, что он приноравливается к обстоятельствам, ибо никому не приходило в голову, что Антоний станет хозяином положения. Впрочем, некоторые оптиматы исподволь осуждали его за недостаточную, как им казалось, враждебность к дурным гражданам, он же предпочитал делать то, что считал нужным, а не то, за что его похвалят другие.

10. Вдруг судьба перевернулась. Когда Антоний возвратился в Италию, не было человека, который не считал бы, что Аттику грозит большая беда из-за дружбы его с Цицероном и Брутом. Поэтому незадолго до прибытия полководцев он покинул Форум, страшась проскрипции, и укрылся у П. Волумния, которому, как сказано выше, незадолго до того оказал помощь — так переменчивы были в то время обстоятельства, что сегодня одни, а завтра другие люди оказывались или на вершине счастья, или в пучине бедствий. При Аттике находился Кв. Геллий Кан, сверстник его, во всем на него похожий. В отношениях их тоже проявилась сердечность Аттика, ибо, познакомившись еще в школе, они неразлучно прожили всю жизнь, причем дружба их крепла до глубокой старости. Что до Антония, то он, люто ненавидя Цицерона, пылал враждою не только к нему, но и ко всем его друзьям, которых намеревался подвергнуть проскрипции; поддавшись, однако, уговорам многих защитников, принял во внимание услуги Аттика и, разведав его убежище, написал ему своею рукой, чтобы он, не страшась, тотчас явился к нему, так как он, Антоний, вычеркнул из проскрипционного списка как его, так и помилованного ради него Кана. А поскольку дело происходило ночью, он послал ему охрану, дабы не приключилось какой

беды. Так, в случае величайшей опасности Аттик защитил не только себя, но и того, кто был ему всех дороже. Ни у кого не просил он помощи и для спасения себя одного, доказав, что не хочет иметь участи, отличной от судьбы друга. Итак, если всячески превозносят кормчего, спасшего корабль от шторма среди морских скал, то можно ли не оценить несравненное благоразумие того, кто сумел уцелеть в столь частых и тяжких гражданских бурях?

11. Избавившись от этих бед, он только и делал, что помогал многим по мере сил. Когда чернь, соблазненная наградами триумфиров, охотилась за проскрибированными, не было среди тех человека, который, добравшись до Эпира, испытал бы в чем-нибудь нужду или не получил бы разрешения задержаться там сколь угодно долго²⁰. А после битвы при Филиппах, когда погибли Г. Кассий и М. Брут, он начал опекать претория Л. Юлия Моцилла, сына его Авла Торквата и прочих их товарищей по несчастью, приказав доставлять им из Эпира на Самофракию все необходимое²¹. Трудно, да и не столь уж необходимо перечислять все его благодеяния. Мне хотелось бы только, чтобы все поняли, что щедрость его была постоянной и бескорыстной. Сами дела и обстоятельства свидетельствуют об этом, ибо не благополучным людям оказывал он услуги, но приходил на помощь несчастным. Например, о Сервилии, матери Брута²², он заботился после смерти сына нисколько не меньше, чем в счастливые ее времена. При таком великодушии он не нажил себе ни единого врага, поскольку сам никого не задевал, а если терпел от кого-нибудь обиду, то предпочитал забывать, а не мстить. Оказанные ему услуги он запоминал навсегда, а те, что оказывал сам, помнил до тех пор, пока сохранял благодарность тот, ~~кто их принял~~. На нем как бы оправдывалась поговорка: нрав человека образует его судьбу. Впрочем, он образовывал скорее самого себя, чем свою судьбу, опасаясь заслужить какой-нибудь справедливый упрек.

12. Этими достоинствами своими он заслужил то, что М. Випсаний Агриппа, ближайший друг молодого Цезаря, имевший возможность заключить любой брак благодаря своему влиянию и цезареву могуществу, загорелся желанием породниться с Атиком и предпочел дочь римского всадника более знатным невестам. Устроил эту свадьбу триумвир М. Антоний, глава государства²³. Используя влияние этого человека, Аттик мог бы увеличить свое состояние, но страсть к деньгам была ему совершенно чужда, и он обращался к Антонию лишь для того, чтобы просить за своих друзей, которым угрожали беды или убытки. Особенно все это проявилось во времена проскрипций. Например, однажды триумвиры, по заведенному тогда порядку, конфисковали имущество римского всадника Л. Сауфея, сверстника Атика, который из любви к философии жил в Афинах, но обладал богатыми поместьями в Италии. Благодаря настойчивым хлопотам Атика вышло так, что Сауфей одновременно получил известия и о потере и о возвращении своего имущества. Подобным же образом во

время избиения всадников спас он Л. Юлия Калида, которого заочно внес в проскрипционный список П. Волумний, командир антониева саперного отряда, прельстившийся его огромными африканскими поместьями; о Калиде я осмеливаюсь с уверенностью утверждать, что после смерти Лукреция и Катутлла это был первый поэт нашего времени и к тому же — благородный и прекрасно образованный человек. Трудно теперь судить, чего больше — славы или труда — приносили Аттику эти хлопоты, ибо известно, когда дорогие ему люди попадали в беду, то о далеких друзьях он заботился не меньше, чем о тех, кто был рядом.

13. Домохозяином этот человек был не менее хорошим, чем гражданином. Несмотря на богатство, покупал и строил он весьма умеренно, а жил при этом великолепно, имея все лучшее. Так, на Квиринале был у него Тамфилов дом²⁴, доставшийся ему по наследству от дядюшки. Привлекательность его заключалась не в строении, а в парке. Само же здание, возведенное в древние времена, было скорее своеобразно, чем роскошно, и он ничего в нем не переменял, кроме того, что пришлось обновить по ветхости. Челядь у него была с точки зрения прока от нее — превосходная, а если судить по внешнему виду — едва посредственная. В нее входили высокообразованные рабы — чтецы и переписчики и даже слуги, сопровождавшие его на улице, все прекрасно умели читать и писать²⁵. Равным образом замечательными умельцами были и другие мастера, обслуживавшие домашние нужды, причем среди них не было ни одного купленного раба, но только рожденные и воспитанные в доме, что свидетельствует не только о бережливости, но и о рачительности хозяина. Ведь бережливым почитается тот, кто не проявляет чрезмерной алчности к вещам, свойственной столь многим людям, а умение наживать добро скорее усердием, чем деньгами, присуще лишь весьма рачительным людям. Был он изящен без пышности, блистателен без расточительности, стремился к опрятности, а не к роскоши. Домашняя утварь его была немногочисленна и скромна, так что не казалась ни бедной, ни богатой. Не премину упомянуть также об одном обстоятельстве, хотя некоторым читателям оно покажется, наверно, незначительным: несмотря на то что он был видным римским всадником и довольно щедро приглашал к себе в гости представителей разных сословий, по расчетной книге его я знаю, что на месячные расходы он определял обычно не более 3 тыс. сестерциев. И утверждаю я это не по слухам, но по личному опыту, ибо, как друг, часто бывал причастен к его домашним заботам.

14. За трапезой его никто не слыхивал иного увеселения, кроме голоса чтеца, который кажется мне самым приятным развлечением. Ни одно застолье его не обходилось без какого-нибудь чтения, так что сотрапезники наслаждались и душой, и телом; а приглашал он тех гостей, чьи вкусы совпадали с его собственными.

Ничего не изменил он в своих ежедневных привычках и образе жизни и тогда, когда состояние его значительно увеличилось.

Не слишком блистая при 2 млн сестерциев, полученных от отца, не стал он роскошествовать сверх обыкновения и при 10 млн, придерживаясь в обоих случаях одного потолка. Не заводил он ни садов, ни пригородных дач, ни дорогих приморских вилл, имея в Италии всего две сельские усадьбы — Арретинскую и Номентанскую. Весь его денежный доход поступал от владений в Эпире и Риме. Отсюда видно, что деньги он тратил, как правило, не столько широко, сколько разумно.

15. Он никогда не лгал и не переносил лжи. Вообще любезность его не лишена была строгости, а суровость — снисходительности, так что трудно было понять, любят ли его друзья или, скорее, уважают. На просьбы отвечал он осторожно, полагая, что не щедрый, а легкомысленный обещает то, что не может исполнить. Дав же согласие, так старательно его соблюдал, словно занимался не чужим делом, а своим собственным. Взятými на себя поручениями он не тяготился, связывая с ними свою добрую славу, которая была ему всего дороже. Вот почему занимался он делами и обоих Цицеронов, и Катона, и Кв. Гортензия, и Авла Торквата, а также многих римских всадников. Отсюда понятно, что государственных дел он избегал не по лени, но по убеждению.

16. Я не могу привести лучшего доказательства его высоких человеческих качеств, чем сославшись на то, что в юности он был милее всех старому Сулле, в старости — молодому М. Бруту, а со сверстниками своими Кв. Гортенziem и М. Цицероном прожил так, что трудно было бы рассудить, с каким возрастом ладил он лучше всего. Впрочем, особенно любил его Цицерон, которому даже брат Квинт не был дороже и ближе Аттика. Об этом свидетельствуют не только изданные книги Цицерона, где он сам признается в этом, но и 16 томов писем к Аттику, написанных в период от консульства Цицерона до его последних лет. Кто их прочтет, тому не понадобится историческое повествование о тех временах²⁶. В них так подробно описаны политические страсти вождей, развращенность военачальников и перемены, происходившие в государстве, что все становится ясным. По ним легко можно понять, что мудрость есть некое божественное откровение, ибо Цицерон предсказал не только то, что случилось при его жизни, но пророчески предугадал и то, что происходит сейчас.

17. Нужно ли много говорить о семейных добродетелях Аттика, если я сам слышал на похоронах его матери, умершей в 90-летнем возрасте, когда ему самому было 67 лет, как он с гордостью говорил, что ни разу не был с нею в размолвке и никогда не ссорился с сестрою, приходившейся ему почти ровесницей. Это значит, что либо между ними не было никаких обид, либо он очень снисходительно относился к своим близким, почитая за грех сердиться на тех, кого положено любить. Такое поведение его основывалось не только на характере, от которого все мы зависим, но и на убеждении. Ибо, знакомясь с учениями великих философов, он усваивал их не тщеславия ради, но для того, чтобы следовать им в жизни²⁷.

18. Кроме того, он рьяно подражал нравам предков и был любителем старины, которую он тщательно изучил и описал в книге, посвященной порядку магистратур. Нет такого закона, или мирного договора, или войны, или славного подвига римского народа, которые бы не отмечались здесь в свой срок. В конце книги он поместил семейные родословия, требующие большого труда и позволяющие нам познакомиться с происхождением знаменитых мужей. Та же тема разработана им отдельно в других книгах, где по просьбе М. Брута перечислены все члены семейства Юниев от его начала до последних лет и отмечено по порядку, кто от кого родился, когда и какие магистратуры занимал. Точно так же по желанию Клавдия Марцелла представлена в них родословная Марцеллов, а по просьбе Корнелия Сципиона и Фабия Максима — генеалогия Фабиев и Эмилиев. Нет чтения более приятного для тех, кто увлекается изучением великих людей. Занимался он немного и поэзией — пожалуй, лишь для того, чтобы вкусить прелести стихотворства. Так, например, он воспевал в стихах граждан, превзошедших всех прочих римлян величием своих подвигов или высокими званиями, излагая под изображением каждого все их деяния и должности в 4—5 строках²⁸. И еще у него есть одна книга о консульстве Цицерона, написанная по-гречески.

19. Рассказ мой, доведенный до этого места, был обнародован при жизни Аттика. А теперь, пережив его по воле рока, продолжу повествование дальше²⁹ и наглядными примерами постараюсь, по мере сил, убедить читателей, что именно нрав человека, как было замечено выше, определяет его судьбу. Так, например, мой герой, удовлетворявшийся званием всадника, в котором он родился, сделался родственником императора, сына Божественного, дружбу которого он приобрел еще до этого ничем иным, как своим утонченным образом жизни, завоевавшим ему ранее симпатии других столпов государства — не менее достойных, но менее удачливых, чем Цезарь. Ведь последнему выпало на долю такое счастье, словно судьба вручила ему все, отнятое сначала у других, одарив его тем, чего до сих пор не мог добиться ни один римский гражданин. Итак, у Аттика родилась внучка от Агриппы, за которого он выдал свою дочь-девицу. Этого едва годовалого ребенка Цезарь обручил с Тиб. Клавдием Нероном, сыном Друзиллы, своим пасынком. Такого рода союз упрочил их дружбу и сделал ее более тесной³⁰.

20. Впрочем, и до этой помолвки Цезарь, находясь вне Рима и отправляя письма кому-нибудь из близких, никогда не оставлял без весточки Аттика, сообщая ему о своих занятиях, о прочитанных интересных книгах, о том, где и сколько времени он пробудет; мало того, даже когда он был в городе, но из-за нескончаемых дел не мог наслаждаться обществом Аттика столько, сколько ему хотелось, ни один день не проходил впустую без того, чтобы он не написал ему, то задавая какой-либо вопрос из истории, то ставя перед ним какую-нибудь поэтическую задачу и тут же шутливо

выманивая его обстоятельные ответы. Благодаря этой переписке Цезарь по совету Аттика распорядился восстановить храм Юпитера Феретрийского на Капитолии, основанный Ромулом, который вследствие ветхости и запустения медленно разрушался под дырявой крышей. Не менее усердно снабжал Аттика письмами при разлуке и М. Антоний, постоянно славший ему вести о своих делах и заботах из самых отдаленных стран. Оценить это обстоятельство по заслугам может лишь тот, кто способен понять, сколько ума требуется для того, чтобы поддерживать хорошие отношения с людьми, разделенными на самом высоком поприще не просто соперничеством, но той ожесточенной распрей, которая неизбежно должна была возникнуть между Цезарем и Антонием, поскольку, каждый из них стремился первенствовать не только в Риме, но и во всем мире³¹

21. Так прожил он 77 лет до глубокой старости, увеличивая не только достоинство свое, но также дружеские связи и благосостояние, ибо многие оставляли ему наследство по одной единственной причине — ради его благородства. А здоровье его было настолько превосходно, что в течение 30 лет ему вовсе не приходилось лечиться. Вдруг обнаружилась болезнь, на которую сначала ни он сам, ни врачи не обратили внимания. Последние сочли, что у него запор, против которого имелись простые и действенные средства. Три месяца Аттик прожил без особых неприятностей, не считая тех, что происходили от лечения. Но внезапно болезнь со всей силой устремилась в низ живота, так что под конец в паху выступили гнойные язвы. Еще прежде, чем это случилось, Аттик, чувствуя, что боль с каждым днем усиливается и жар возрастает, приказал вызвать к себе зятя Агриппу и вместе с ним — Л. Корнелия Бальба и Секста Педуция³². Когда они пришли, он, приподнявшись на локте, сказал: «Нечего много говорить о том, сколь усердно и основательно заботился я ныне о моем здоровье — вы сами тому свидетели. Усилия эти, надеюсь, доказали, что я перепробовал все возможные способы излечения и теперь мне остается придумать собственное средство. Не хочу скрыть от вас, что не намерен более кормить свою болезнь. Ведь пищею, принятой в эти дни, я продлевал жизнь, усиливая страдания без надежды на спасение. Итак, прошу вас, во-первых, одобрить мое решение, во-вторых — не пытаться понапрасну отговорить меня от него».

22. Все это он произнес таким спокойным голосом и с таким безмятежным видом, словно не из жизни уходил, а переезжал из дома в дом. Когда же Агриппа, плача и целуя его, стал просить и умолять чтобы он не торопил добровольно того, на что обрекает нас природа, но поберегся ради себя самого и своих близких в надежде переждать беду и на сей раз, то Аттик превозмог мольбы зятя упорным молчанием. И вот после двухдневного воздержания от пищи лихорадка вдруг спала и больному стало легче. Тем не менее от решения своего он не отступился и на пятый день после того, как принял его, скончался. Произошло это накануне апрельских календ, в консульство Гн. Домиция и

Г. Сосия³³ Погребальные носилки вынесли из дома, как он велел, — без всякой похоронной пышности; сопровождали их все почтенные люди при большом стечении простого народа. Похоронен он при Аппиевой дороге, у пятого милевого столба, в гробнице дяди его Кв. Цецилия³⁴

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Всадники — второе, после сенатского, сословие в Римском государстве. Обладатели ценза в 400 тыс. сестерциев или 400 югеров (100 га) земли. Имели отличительные знаки достоинства, сходные с сенатскими: тунику с красными продольными полосами, золотое кольцо. Из всех граждан только всадники имели право занимать офицерские посты и претендовать на комициальные (вручаемые Народным Собранием, комициями) должности. Низшая из комициальных магистратур — квестура открывала им доступ в сенат, поэтому всадническое сословие именовалось «рассадником сената». В массе своей оно состояло из богатых помещиков-рабовладельцев, составлявших цвет муниципального общества; многие всадники имели дополнительные доходы от торговых и денежных операций, наименее почтенная и наиболее богатая часть сословия входила в касту государственных откупщиков — публиканов.

²М. Тулий Цицерон — знаменитый оратор, «либерал», консул 63 г. Гай Марий — сын великого полководца, вождь демократической партии, консул 82 г.; Л. Манлий Торкват — отпрыск знатного рода, консерватор, консул 65 г. Нужно подчеркнуть, что в частной жизни сыновья всадников и нобилей вращались в одном кругу. В середине I в. до н. э., в отличие от катоновских времен, образовательный ценз всадников не уступал нормам аристократических семей.

³О мятеже Сулпиция, Мариа и Цинны (88—86 гг.) см. вступительную статью к жизнеописаниям римских историков. Именно Афины дали Титу Помпонию устойчивое прозвище — Аттик.

⁴Марий Младший погиб в год своего консульства, обороняясь в осажденном Суллой Пренесте. Печально прославился жестоким избиением знати, учиненным в компании с претором Дамасиппом под занавес «демократического» правления. Имел репутацию «любимца Венеры». Марий Младший вошел в кружок Аттика и Цицерона, видимо, вследствие родства земляков-арпинцев — Туллев Цицеронов и Мариев; бабка Цицерона Гратидия принадлежала к семье, породнившейся с Мариями.

⁵Модий — 8, 7 л; медимн — около 52,5 л; т. е. 6 модиев соответствуют примерно одному медимну.

⁶Имя Мидии не поддается удовлетворительному объяснению.

⁷Сулла заехал в Афины, возвращаясь с Митридатовой войны, во 2-ой половине 84 г.

⁸О несчастьях Цицерона см. вступительную статью к жизнеописаниям римских историков. Они начались в 60 г., после воцарения в Риме «трехголового чудовища» (триумвират Цезаря, Помпея, Красса), когда оратор задел в своих речах Цезаря. Тот направил на него вожак столичного плебса Клодия. В марте 58 г. был принят закон Клодия об изгнании магистратов, казнивших без суда и следствия римских граждан, направленный против действий Цицерона в 63 г. во время подавления заговора Катилины; второй закон запрещал предоставлять изгнаннику убежище на расстоянии ближе 500 миль от Италии. Полтора года провел Цицерон в Фессалонике и Дирахии. 4 августа 57 г., после длительной дипломатической кампании Аттика в сенате, центуриатные комиции проголосовали за возвращение Цицерона.

⁹Консульство Л. Аврелия Котты и Л. Манлия Торквата приходится на 65 г. до н. э.

¹⁰Л. Лициний Лукулл — консул 74 г. Знаменитый богач, один из столпов аристократической партии. Блестяще воевал против Митридата во время 3-й Митридатовой войны (74—66 г.), соперник Помпея в славе.

¹¹Кв. Туллий Цицерон — младший брат оратора, эдил 66 г., претор 62 г., наместник провинции Азии в 61—59 гг.; в 50-х гг. служил легатом Цезаря в Галлии. Любовь и дружба связывали братьев Цицеронов на протяжении всей их жизни,

исключение составляет временный разлад периода Цезаревых гражданских войн. Семейная жизнь Квинта с Помпонией, сестрой Аттика, не ладилась вследствие тяжелого характера обоих супругов; дело кончилось разводом на старости лет (44 г.). В 43 г. Кв. Цицерон погиб вместе с сыном в Риме во время проросций второго триумвирата.

¹²Кв. Гортензий Гортал (114—50 гг. до н. э.)— второй после Цицерона оратор Рима, популярнейший адвокат своего времени, консул 69 г., богач и консерватор, уклонявшийся, впрочем, от активной политической деятельности. Политические разногласия и «дуэли» в судах не мешали личной дружбе Цицерона и Гортензия.

¹³Партия оптиматов здесь — партия нобилитета, превратившаяся в 40-е гг. в сенатско-республиканскую партию.

¹⁴В 6-ой гл. Непот перечисляет ряд неprestижных в среде почтенных граждан действий и занятий; покупка с торгов имущества осужденных, откуп, обвинения в суде, считавшиеся делом демагогов. Служба в провинции при штабе наместника, приносящая большие правые и неправые доходы, считалась вполне приличной для римского всадника; в этом случае Атик проявлял особую аристократическую щепетильность.

¹⁵О Цезаревой гражданской войне (49—45 гг. до н. э.) см. вступительную статью.

¹⁶Во главе тираноубийц стояли: М. Юний Брут (около 85—42 гг. до н. э.)— сын Сервилия, бывшей возлюбленной Цезаря, племянник (по матери) Катона Младшего; Деций Юний Брут Альбин — соратник Цезаря на протяжении многих лет, наместник Цизальпийской Галлии в 44 г.; Г. Кассий Лонгин — талантливый офицер, успешно оборонявший Сирию от парфян после поражения римлян при Каррах, в 48 г.— начальник эскадры Помпея, после победы Цезаря — прощенный помпеец и легат диктатора.

Торжество Брута и Кассия было весьма условным. Через несколько дней после убийства Цезаря чернь Рима встала на сторону цезарианцев, в середине апреля тираноубийцы покинули столицу и странствовали по городам Италии, вербуя сторонников. Летом 44 г. к ним стекались их клиенты из италийских муниципиев, к Антонию в Рим — ветераны Цезаря. Соотношение сил складывалось так, что в конце августа Брут и Кассий покинули Италию, возложив надежду на силы провинций.

¹⁷Текст Непота здесь испорчен. Еще при жизни Цезаря Брут был назначен наместником Македонии, а Кассий — Сирии. В апреле 44 г. Антоний добился, чтобы сенат передал эти провинции консулам, т. е. ему самому и Долабелле; Бруту и Кассию назначили Крит и Киренаику. 3 июня был проведен новый закон о перемене провинций, по которому Антоний получил Цизальпийскую Галлию; в ноябре Македония была назначена брату его Гаю. Невзирая на все эти постановления, осенью 44 г. Брут и Кассий заняли Македонию и Сирию в явочном порядке. Власть Брута распространялась также на Иллирию и Эпир.

¹⁸О Мутинской войне см. вступительную статью.

¹⁹П. Волумний Эвтрапел — командир армейского «рабочего» отряда (род инженерно-саперных войск), приятель и собутыльник Антония.

²⁰В Эпире находились имения Аттика.

²¹Самофракия — остров в северных водах Эгейского моря, древний центр почитания Великих Богов — кабиров. Имел статус убежища.

²²Сервилия — единоутробная сестра Катона Младшего, жена марианца Марка Брута, убитого в 77 г. в Цизальпийской Галлии по приказу Помпея, в молодости — возлюбленная Цезаря.

²³Молодой Цезарь (63 г. до н. э.— 14 г. н. э.)— Гай Октавий, внучатый племянник Цезаря (внук его сестры Юлии), усыновленный диктатором под именем Гая Юлия Цезаря Октавиана. С 30 г.— единоличный властитель Римской державы, с 27 г.— официально признанный «первый гражданин» (принцепс), получивший торжественное прозвище Августа («Священного»).

Марк Випсаний Агриппа (63—12 гг. до н. э.)— ровесник и однокашник Октавиана, командовавший обычно войсками друга. Первым браком был женат на дочери Аттика Помпонии, вторым — на племяннице Августа Марцелле, третьим — на дочери принцепса Юлии.

М. Антоний (около 83—30 гг. до н. э.)— родственник диктатора Цезаря по матери своей Юлии, ближайший его сподвижник, консул 44 г. После гибели

диктатора — главный противник республиканской партии, с 43 г. — триумвир и наместник восточных провинций, любовник, а затем супруг египетской царицы Клеопатры. В 31—30 гг. Антоний и Клеопатра вели войну с Октавианом и покончили с собой при вторжении победоносного врага в Египет.

Триумвират — союз трех генералов-цезарианцев — М. Антония, Г. Юлия Цезаря Октавиана и М. Эмилия Лепида, заключенный в ноябре 43 г. Был оформлен в виде чрезвычайной магистратуры для устроения Республики сроком на 5 лет. При разделе державы Октавиан получил Италию и западные провинции, Антоний — Восток, Лепид — Африку. Полномочия триумвиров были продлены в 37 г. после встречи их в Таренте. В 36 г. Октавиан лишил власти Лепида, игравшего в «союзе трех» второстепенную роль. Равновесие между Октавианом и Антонием продержалось до 32 г.

²⁴Квиринал — один из семи холмов Рима. Название дома Аттика происходит, видимо, от имени первых его владельцев — Бебиев Тамфилов, чья семья процветала в 80-х гг. II в. до н. э. Особняк стоял недалеко от храмов Квирина и Благополучия.

²⁵Используя домашних рабов-переписчиков, Аттик занимался издательской деятельностью, в том числе публиковал Цицерона. Рабы-чтецы были обычной принадлежностью римского культурного дома. Чтение вслух, особенно за столом — характерная черта античного мира; пережиток этого обычая — чтения за монастырской трапезой.

²⁶Переписка Цицерона с Аттиком дошла до наших дней.

²⁷Цицерон в своих сочинениях характеризовал Аттика как эпикурейца, из жизни герой Непота ушел добровольно как стоик (см. гл. 21).

²⁸Непот говорит здесь, во-первых, об *Анналах* Аттика — историческом сочинении, в котором кратко излагалась вся история Рима от начала города; во-вторых — об отдельных сочинениях по генеалогии знатных римских родов (названия их неизвестны); в-третьих — об изданных портретах знаменитых римлян со стихотворными подписями. Такие же «Портреты» выпустил затем Варрон Реатинский — крупнейший знаток римской старины.

Судя по письмам Цицерона, Аттик специально изучал списки римских магистратов.

²⁹Аттик умер в 32 г. до н. э. Непот переделывал свое сочинение около 29 г. до н. э.

³⁰Друзилла — жена Октавиана Августа Ливия, внучка народного трибуна 91 г. М. Ливия Друза.

Внучка Аттика Агриппина была первой любимой женой будущего императора Тиберия, родила от него сына Друза Младшего. По династическим соображениям Август приказал расторгнуть этот брак, женив пасынка на своей дочери Юлии. Развод с Агриппиной нанес Тиберию неизлечимую душевную рану.

³¹Переписка Аттика с Цезарем Октавианом и Антонием приходится на 30-е гг. I в. до н. э. — на период равновесия их сил, когда первый укреплял свою власть в западных провинциях и Италии, а второй, опираясь на союз с Клеопатрой, укоренялся в восточных провинциях. Разрыв между триумвирами произошел в год смерти Аттика.

³²Корнелии Бальбы и Педуцен — незнатные сенатские семьи, друзья Цицерона и Аттика в двух поколениях.

³³32 г. до н. э.

³⁴Гробницы в Италии располагались вдоль дорог.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ
ОЧЕРКИ
К ГРУППАМ
БИОГРАФИЙ**

АФИНЫ В V В. ДО Н. Э.

**К ЖИЗНЕОПИСАНИЯМ МИЛЬТИАДА, ФЕМИСТОКЛА, АРИСТИДА, КИМОНА,
АЛКВИАДА И ФРАСИБУЛА**

Книга Непота открывается жизнеописаниями знаменитых афинян, живших в самое славное столетие греческой истории. На их веку сильнейшими государствами Эллады считались Афины и Спарта, в устройстве которых воплощались две противоположные политические системы греческого мира: демократия — власть народа, и олигархия — господство немногих. Как видные граждане Афин герои Непота были активными участниками истории становления афинской демократии, современниками ее расцвета. Как полководцы они возглавляли сражения двух великих войн V столетия: старшее поколение (Мильтиад, Фемистокл, Аристид, Кимон) участвовало в пятидесятилетней борьбе с персами (500—449 гг.), младшее (Алкивиад, Фрасибул) — в отчаянной схватке со Спартой, продолжавшейся, в соответствии древними пророчества, трижды девять лет (431—404 гг.). Почти все афинские военачальники V в. были не только военными командирами, но и государственными мужами, лидерами политических группировок; военная или гражданская специализация вождей народа была в те времена не в моде. Поэтому, ставя перед собой цель ввести неподготовленного читателя в курс дела, представляя ему фигуры непотовых героев на фоне их исторического времени и места, мы должны, во-первых, познакомить его с общим ходом военных событий той эпохи, во-вторых, обрисовать Афинское государство V в. до н. э. в двух его главных ипостасях: как блистательную, неповторимую афинскую демократию, руководимую вождями-аристократами, и как великую Афинскую морскую Державу, претендовавшую на роль гегемона (владыки) Эллады. Начнем наш очерк, как говорили древние, «от яйца».

Аттика — гористая область Средней Греции, треугольником врезающаяся в Эгейское море. Словно предчувствуя, что страна эта достанется знаменитым на весь свет мастерам-демиургам, природа снабдила ее недра немалыми сокровищами: хребет Пентеликон славился великолепным мрамором, Колиадский мыс — замечательной гончарной глиной, Лаврийская гора — богатыми залежами серебра. Аттический крестьянин, также не обделенный дарами родной земли, собирал мед со склонов Гиметта и сеял ячмень в священной Элевсинской долине, где сама богиня Деметра научила людей хоронить в земле плодоносное зерно;

главное же богатство земледельца заключалось в оливе — древе богини Афины, щедро плодоносившем на каменистой почве Аттики.

Население Аттической земли сложилось в эпоху ранней бронзы. Некогда греки из племени ионийцев смешались здесь с пеласгами — древнейшими обитателями Эллады, родоначальниками земледелия, градостроительства и мореходства. Переселение ионийцев, первого потока греческих племен, происходило в столь незапамятные времена (на рубеже III—II тыс. до н. э.), что впоследствии они считали себя исконными обитателями Аттики, производя свой корень от рожденного землей змееного царя Кекропа, основателя двенадцати аттических городов. Согласно преданию, при этом царе происходил спор между Афиной и Посейдоном за обладание страной; богиня, признанная покровительницей кекропова града, подарила своему народу священную оливу, родоначальницу оливковых садов Аттики.

Имя главного города области и начало его государственного устройства возводятся к царю Тесею, правившему за поколение до Троянской войны. По свидетельству полусторической легенды, этот великий герой объединил Аттику, подчинив ее 12 городов Афинам, и разделил беспорядочно смешанный народ на разряды земледельцев (геоморов); ремесленников (демиургов) и «благородных» (эвпатридов), поручив последним дела религии, должности, суд и совет. Примечательно, что помимо рассказа о предоставлении власти «благородным» сохранились смутные воспоминания об уступках Тесею простому люду, вследствие которых афиняне первыми из греков превратились из народа-толпы (лаос) в народ-граждан (демос).

После Троянской войны, т. е., по нашему, на заре железного века, греческие аристократы повсеместно перестали выбирать царей, сосредоточив власть в своих руках. Последний афинский царь Кодр пал в битве с дорийцами (1068 г. до н. э.), после этого на протяжении около 400 лет Афинами правил совет Ареопаг (совет Аресова холма), сочетавший полномочия верховного государственного совета и верховного суда. Высшая исполнительная власть разделялась между девятью правителями-архонтами: архонт-жрец, архонт-военачальник, архонт-глава гражданских дел, шесть архонтов — хранителей судебных правил. На должности и в Ареопаг избирались только эвпатриды, редкие народные сходки пассивно одобряли волю знати. Общественный строй Афин этих темных веков (XI—VIII вв. до н. э.) представлял собой разновидность олигархии — «власти немногих»; круг правящих и судящих состоял приблизительно из 300 знатных родов.

В VIII—VII вв. до н. э. в приморских районах Греции настала эра чеканной монеты, ростовщического процента и торгового мореплавания. Естественно развившиеся социальные противоречия взорвали мирное сосуществование архаических сословий. В разных точках греческого мира появились первые писанные законы, учреждавшие «справедливые» государственные устройства. Во многих

городах происходила ожесточенная борьба демоса и аристократии, завершавшаяся новыми формами гражданского единения. В Спарте смуты прекратились после передела земли и установления формального равенства всех членов спартанской общины. Афиняне пошли по иному пути.

В конце VII — начале VI в. до н. э. в сотрясаемых внутренними распрями Афинах появились писанные «конституции», известные под именем законов Драконта и законов Солона. Драконтовы постановления были поглощены более поздним законодательством, и в конечном счете надолго утвердились солоновы порядки, ставшие основой классического Афинского государства.

Сам Солон происходил из царского рода Кодридов, но состояние имел среднее и по роду своих занятий (а был он купцом-мореходом) — принадлежал к демосу. Избранный в 594 г. архонтом-примирителем с чрезвычайными правами, он не позволил, чтобы одна часть граждан подавила другую, и не стал уравнивать сословия, но переделил вместо земли власть, отведя в ней отдельные поприща для аристократии и народа.

Кажется, еще Драконт выделил в среде демоса добрых хозяев, признав их право на участие в управлении общественными делами. При Солоне этот порядок окончательно утвердился: зажиточные афиняне, имевшие коня или тяжелые доспехи (всадники или крестьяне-гоплиты), стали избираться на должности и в новый Совет, подготовлявший дела для Народного Собрания. Если честь руководить государством была увязана с достатком, то источником власти и тех законов, которым власть повиновалась, был признан весь народ в целом, т. е. Народное Собрание (экклесия), в котором голосовал и первый богач, и последний бедняк. Со времени Солона экклесия стала избирать всех должностных лиц, включая архонтов. Тогда же граждане, недовольные судебным приговором властей, получили право жаловаться народу как высшей инстанции: появились многолюдные комиссии присяжных заседателей (гелиастов), творивших суд как бы от имени Народного Собрания. Как часть экклесии народный суд (гелиэя) включал в свои ряды не только всадников и гоплитов, но и бедняков, и поденщиков, именуемых фетами.

При солоновом порядке знать сохранила за собой высшие должности и Ареопаг, обладавший огромным авторитетом и важными полномочиями: этот совет самых благородных и безупречных граждан, состоявший из бывших архонтов, творил уголовный суд и обладал правом надзора за нравственностью, религией, законами и должностными лицами афинского народа. Солон называл аристократический Ареопаг и новый народный Совет двумя якорями, обеспечивающими устойчивость государства. В целом же законы Солона свели воедино три принципа власти: народный суверенитет, правление средних классов и руководство аристократии.

Солон рассчитывал, что установленный им строй продержится не менее века — и не ошибся. Когда через 30 лет после его ре-

формы власть в Афинах захватил тиран Писистрат (560—527 гг. с перерывами), солоновы законы и учреждения остались в силе, а тирания Писистрата вылилась в порядок, напоминающий скорее правление «народного» царя Тесея, чем кровавые режимы других греческих узурпаторов. Повелитель города оказывал уважение властям и гражданам, над которыми царила его единоличная воля, покровительствовал материальным интересам простого народа и как обычный гражданин судился в аристократическом Ареопаге. С такой «разделенной» властью, установившейся после двух изгнаний Писистрата из города, мирилось, по свидетельству Аристотеля, большинство знати и народа. Но едва сыновья тирана попытались установить более жесткое единовластие, демос и аристократия общими усилиями уничтожили тиранию (510 г. до н. э.).

После освобождения Афин законодатель Клисфен восстановил солоновы порядки с некоторыми изменениями в пользу народа (508—507 г.). Было введено новое административное деление Атики на 10 территориальных областей, названных по традиции филами, т. е. племенами, хотя главное назначение их состояло в перекройке исконных родоплеменных кланов (роды, филы и фратрии), в которых процветало влияние знати. От 10-ти новых демократических фил стали избираться члены Совета и должностные лица, в том числе — коллегия 10-ти стратегов, возглавившая афинское войско. При Клисфене был принят и закон против тирании, сыгравший большую роль в жизни непотовых героев. Народному Собранию предоставилось право удалять в изгнание без суда и следствия любого гражданина, подозреваемого в покушении на единоличную власть. Постепенно голосования такого рода превратились в ежегодный пристрастный «суд черепков» (остракизм, от остракон — черепок), сокрушавший самые высокие головы: по предложению председателя Народного Собрания, граждане писали на черепках имена ненавистных им политиков, и злосчастный вождь, набравший 6 тыс. голосов, должен был покинуть родину на 10 лет. Остракизм, действовавший до начала Пелопоннесской войны (отменен в 417 г. после изгнания низкородного демагога Гипербола), не столько оберегал Афины от тирании, сколько давал выход чувствам зависти и подозрения, окружавшим выдающихся людей любой партии. Трое из четырех непотовых полководцев, живших при солоново-клизфеновых порядках, побывали в изгнании по «суду черепков»: аристократ Кимон, консерватор Аристид и демократ Фемистокл. Четвертый герой той же эпохи, Мильтиад, стал жертвой солоновой гелиэи, являвшейся плотью от плоти Народного Собрания. Как простодушно замечает римский историк, слишком влиятельный победитель при Маратоне кончил жизнь в тюрьме потому, что «народ решил, что лучше Мильтиаду понести незаслуженную кару, чем афинянам жить в страхе».

С начала до середины V в. до н. э. солоновско-клизфеновый строй понемногу демократизировался, сохраняя свою основную

суть — принцип разделения власти между «благородными» и народом. Доля участия гражданина во власти все менее зависела от его имущественного ценза, но простой афинянин не домогался, как правило, высших должностей и на выборных собраниях голосовал по традиции за людей известных, богатых и образованных — потомственных полководцев и правителей государства. «Таких должностей, которые приносят спасение, если заняты благородными людьми, и подвергают опасности весь вообще народ, если заняты неблагородными — этих должностей народ вовсе не добивается» — констатировал древний публицист (*Псевдо-афин. пол.* 1, 3). Поэтому многократными стратегами и вождями партий демократических Афин были люди, по преимуществу, весьма знатные. Так, в VI в. покровителями народа считались эвпатриды Солон и Писистрат, а также Мегакл и Клизфен (законодатель), представлявшие знатнейший род Алкмеонидов. В первой половине V в. сторону демоса держали Ксантипп и Перикл — отец и сын из благородного рода Бусигов, сторону аристократии — Мильтиад и сын его Кимон из прославленного дома Филаидов; в эпоху Пелопоннесской войны непревзойденным влиянием пользовался беспринципный аристократ Алкивиад, соединявший в себе «голубую» кровь Скамбонидов и Алкмеонидов. К знатым политикам первой величины примыкали помощники из почтенных, но более скромных семей, не входивших в круг правящей высшей знати, но зачастую связанных с нею родством. Таким союзником «либеральной» аристократии был хрестоматийный бедняк Аристид, родственник благородных Кериков, сторонник Клизфена, Ксантиппа и Кимона; прославленную нищету этого знаменитого поборника чести не стоит преувеличивать: в 489 г. он занимал должность архонта, доступную в то время только крупным землевладельцам, называемым пятисотмерниками; в греческой и римской истории нередко встречаются такие своеобразные бедняки — благородные владельцы усадеб с малым денежным доходом, ютящиеся в сельских дедовских гнездах в окружении оборванных рабов. Самостоятельную политическую роль играл незнатный, но весьма богатый Фемистокл, известный своей приверженностью к народо-власти; он происходил из побочной ветви эвпатридского рода Ликомидов. Ниже этой среды стояли «безродные» зажиточные «кожевники», «суконщики», «колбасники», вышедшие на политическое поприще только в годы Пелопоннесской войны (20-е гг. V в.).

Четыре из шести непотовых биографий V в. относятся к первой половине столетия, ко времени «отеческого строя» — как называли эту эпоху консерваторы поздних Афин. Незнатные Фемистокл и Аристид составляли пару известнейших политических соперников той поры; обычно они характеризуются как вожди демократической и консервативной партий. Выскородные Мильтиад и Кимон, полководцы по преимуществу, считались лидерами аристократии. Как бы то ни было, политические разногласия этого поколения имели довольно расплывчатый и личный характер.

Противоречия между аристократией и народом были тогда, по выражению Плутарха, незаметны, как трещина в металле (*Плут. Перикл.* XI). Поэтому Аристотель мог смешивать позиции Фемистокла и Аристида, называя их обоих «простатами народа» (*Арист. Афин. Пол.* 23, 3). Примечателен рассказ Плутарха о соперничестве Перикла и Кимона: оба знатнейших политика добивались первенства в государстве; видя, что Кимон пользуется поддержкой «благородных», Перикл, чуждавшийся по своему характеру толпы, стал искать успеха, потакая народу; богач Кимон привлекал простой люд щедрой благотворительностью, менее состоятельный Перикл купил народную благосклонность казенными деньгами, введя плату за исполнение должностей (*Плут. Перикл.* IX; *Арист. Афин. Пол.* 27, 4). Хотя Плутарх, тяготеющий к жанру анекдота, несколько упрощает политические страсти, суть отношений намечена правдиво: нет никакой аристократической партии, есть знатные искатели власти, борющиеся за сферы влияния ради личной карьеры; «демократ» и «олигарх» равно ищут благосклонности народа — признанного распорядителя всякой власти. Недаром в аттической комедии V в. народ был представлен в виде капризного старика Демоса, а стратеги — в виде его рабов, наперебой угождающих хозяину (*Аристофан. Всадники*).

На время ранней солоновско-клизфеновой демократии приходится развитие внешнего могущества Афин: закладываются основы морской политики Афинского государства, отражается нашествие персов на Элладу, начинается объединение приморских греческих государств Эгеиды под властью афинян. Именно эти события составляют основное содержание непотовых жизнеописаний знаменитых афинских полководцев, стоявших во главе тех битв и походов.

В середине VI в., при «народном» тиране Писистрате, покровительствовавшем ремеслу и торговле, афиняне решительно вышли на морской простор, устремившись на север — к золотоносным берегам дикой Фракии и к проливам, разделяющим Европу и Азию; через Геллеспонт (Дарданеллы) и Боспор Фракийский (Босфор) открывалась дорога к богатым черноморским источникам сырья, в том числе — к скифской пшенице, в которой остро нуждалась бедноватая злаками Аттика. В середине VI в. Писистратиды утвердились на золотоносных копях фракийской горы Пангея и на азиатской стороне Геллеспонта — в колонии Сигей, расположенной у самого входа в пролив. В это же время противоположный, европейский берег Геллеспонта, образующий Фракийский полуостров (Херсонес Фракийский), осваивал знатный афинский род Филаидов, давший трех херсонесских правителей Мильтиадов, слитых в биографии Непота в одно лицо. Чрезвычайно интересны, хотя и спорны, сведения римского историка о том, что Мильтиад Младший, «царствовавший» на Херсонесе незадолго до изгнания Писистратидов из Афин, первым из афинских полководцев увлек сограждан к завоеванию островов Эгейского моря.

Колонизационные успехи афинян на севере пошли прахом при появлении в Европе персов. В 512 г. до н. э. Дарий, движущийся походом на западных скифов через Геллеспонт и Фракию, наложил руку на все афинские владения, включая Херсонес Фракийский; морем завладела финикийская эскадра Великого Царя, подчинившая крупные острова Эгеиды,— Лесбос, Хиос, Самос. После скифского похода Дария столкновение греческого и варварского мира стало неизбежным. Сигналом к войне Европы и Азии послужило антиперсидское восстание ионийских колонн (500 г. до н. э.)— самых богатых и культурных греческих городов малоазийского побережья, попавших под власть персов еще при Кире Великом. Европейские греки воздержались от помощи заморским собратьям, только с острова Эвбеи из города Эретрии пришли в Ионию 5 кораблей, да афиняне прислали скромную эскадру в 20 судов. Впрочем, участие этого экипажа во взятии и сожжении Сард — резиденции персидского сатрапа — так задело Великого царя, что слуга Дария в течение нескольких лет должен был напоминать ему за трапезой о провинности афинян.

После подавления ионийского восстания (493 г.) мощная варварская держава занесла пядь над маленькими, разрозненными городами-государствами европейской Греции. В 490 г. до н. э. полководцы Дария Артаферн и Датис повели огромный царский флот от Самоса напрямик через море на Эретрию и Афины. Эвбейский городок пал после мужественного сопротивления. Афиняне, выйдя за стены своего города, вступили в сражение с превосходящими силами противника у прибрежного аттического селения Марафон и одержали победу, увенчавшую их бессмертной славой (12 сентября 490 г. до н. э.). Эти события довольно подробно изложены у Непота в жизнеописании бывшего херсонесского правителя Мильтиада — командира марафонских бойцов. Слава Марафона окрылила патриотов греческой свободы во всей Элладе. Моральный настрой войны переломился в пользу греков, даровав им десятилетнюю передышку.

В 480 г. до н. э. новый персидский царь Ксеркс собрал против Эллады несметные полчища, выпивавшие, если верить Геродоту, на своем пути целые реки. Есть сведения, что владыка Востока, замышляя тотальное сокрушение независимого греческого народа, вступил в союз с Карфагеном — грозным противником западного эллинизма Италии и Сицилии. Греки также основательно подготовились к бою — главным образом благодаря активной пропаганде афинянина Фемистокла, который стал как бы душой общегреческого дела. Уступая его упорным советам, афиняне начали укреплять лучшую гавань Аттики — Пирей (до сего времени они пользовались более скромной Фалерской бухтой) и пустили серебро Лаврийской горы на строительство триер — военных кораблей нового типа; к началу войны Афины стали обладателями сильнейшего в Греции флота из 180 боевых судов. Греческие государства Пелопоннеса, возглавляемые Спартой,

и некоторые отважные города к северу от Истмийского перешейка (остров Эгина, города Эвбеи), вняв страстным призывам Фемистокла, прекратили межгреческие распри и заключили военный антиперсидский союз, вверив командование спартанским полководцам.

Воинство Ксеркса лавиной катилось от Геллеспонта, затопляя северные области Балканского полуострова — Фракию, Македонию, Фессалию. Пролог смертельной схватки разыгрался при вратах Средней Греции — в узком Фермопильском ущелье, соединяющем Фессалию и Беотию. Несколько дней небольшая союзная греческая армия во главе со спартанским царем Леонидом, используя преимущества боя в теснинах, успешно преграждала здесь дорогу персам. Когда же предатель Эпиальт провел врага потайным путем в обход горы, Леонид, отпустив союзников по домам, остался со своими тремястами спартанцами на месте, чтобы выполнить закон отечества, повелевавший предпочесть смерть отступлению. Следует заметить, что участь спартанцев, сложивших головы при Фермопилах, добровольно разделило ополчение из беотийского городка Феспий; мы увидим, как столетие спустя доблестные беотийцы будут оспаривать военное и политическое первенство непобедимых спартанских воинов.

Вскоре после того, как персы прорвали единственный заслон на сухом пути, судьба Эллады решилась на море, во владениях того бога, что судился когда-то с владычицей Афинского акрополя за обладание Аттикой: когда земля и город афинян оказались открытыми вражескому мечу и огню, афинский народ переселился на корабли. 28 сентября 480 г. до н. э. греческий флот, в котором преобладали афинские триеры, разгромил великую армаду персов у острова Саламина, лежащего против берега Аттики. Персидский царь, собственными глазами лицезревший гибель своей эскадры, сразу же обратился вспять с большей частью приведенных из Азии сил. В следующем году союзное греческое войско уничтожило на беотийской равнине у городка Платеи оставшуюся в Элладе армию царского зятя Мардония, а победоносный греческий флот, устремившийся к берегам Малой Азии, сжег флотилию противника в стоянке на мысе Микале.

Так, после двух сухопутных и двух морских сражений (*Фукид.* I, 23) закончилась Мидийская война — так называли греки походы персов (они же — мидяне) в Европу. Натиск варваров захлебнулся и на Западе: по преданию, в самый день Саламинской битвы сицилийские эллины разбили карфагенян при Гимере. Греко-персидские баталии в Эгейском море продолжались еще 30 лет (до 449 г.), но уже как наступление победителей на приморские владения персидского царя.

И в древней, и в новой истории нередко бывало так, что победоносная освободительная война вдыхала силу в народ, вынесший ее тяготы, способствуя росту его самосознания и достоинства. Победы афинян в мидийской войне имели именно такое следствие: энергия и требовательность демоса возрастали от успеха к успеху; после марафонского сражения афинский народ стал

смело пользоваться «судом черепков» (*Арист. Афин. Пол.* 22, 5), после платейской победы было внесено предложение об отмене политических привилегий богачей (*Плут. Арист.* XXII). Кроме того, развитию народовластия способствовало осуществление морской программы Фемистокла, благодаря которой беднейшие граждане, феты, служившие по обычаю во флоте, превратились в главную вооруженную силу Афинского государства. «В Афинах,— писал неизвестный автор политического памфлета,— справедливо бедным и простому народу пользоваться преимуществом перед благородными и богатыми по той причине, что народ-то как раз и приводит в движение корабли...» (*Псевдо-Ксен.* I, 2). «Сила,— вторит ему Плутарх,— перешла в руки гребцов, келестов (боцманов) и рулевых». Даже ораторская трибуна на Пниксе, холме народных собраний, была повернута при Фемистокле в сторону моря (*Плут. Фем.* XIX).

Развитие событий после Саламинской битвы еще больше увеличило значение корабельного люда. Морские походы афинян, прерванные персидским нашествием, возобновились с новым размахом. Отбросив персов назад в их пределы, эллинский союзный флот, ядро которого составляла мощная афинская эскадра, курсировал по Эгейскому морю, сражаясь за свободу греческих городов, рассыпанных по его берегам и островам. Через три года после Саламина (477 г. до н. э.) представители приморских греческих государств, среди которых преобладали освобожденные островные ионийцы, собравшись на острове Делосе — священном центре ионийского племени, заключили новый союзный договор, партнерами которого выступали, с одной стороны — Афины, с другой — все прочие союзники. Афинянам было предоставлено командование кораблями общегреческого флота, заведение союзной казны и раскладка денежных взносов (фороса) по отдельным городам. Таким образом, Делосский союз с самого начала сложился как Афинский морской Союз. Распоряжаясь флотом половины эллинского мира, Афины из государства Аттики стремительно превратились в великую корабельную державу Восточного Средиземноморья.

Три полководца, представленные в книге Непота, имели отношение к этому превращению: горячий демократ Фемистокл — создатель афинского флота, герой Саламинского сражения; умеренный консерватор Аристид — основатель Афинского морского Союза (см. об этом подробнее в жизнеописании Аристида) и знатный потомственный полководец Кимон — «адмирал» союзного флота на протяжении многих лет (70—60 гг. V в. до н. э.) В результате морских походов и побед Кимона афиняне вернули свои владения во Фракии и на Геллеспонте; греческие города Эгейды скинули иго варваров; персы вывели свои суда из Греческого (Эгейского) моря и отступили от его азиатского берега на расстояние дневного конского пробега.

Основатели афинского морского могущества принадлежали к поколению, прозванному «марафонскими бойцами». Их эпоха была в

глазах потомков тем «добрым старым временем», которое имеется у всякого народа, наделенного способностью идеализировать старину. Дух равновесия пронизывал афинскую демократию тех лет. Страсти суверенного демоса сдерживал полновластный Ареопаг, страж отеческих порядков, авторитет которого называли уздой строптивого народа. Общество сохраняло патриархальные вкусы и обычаи, его искусство, моды и нравы тяготели к VI столетию. Герои Марафона и Саламина носили пышные ионийские прически с большими заколками; юноши избегали общественных и значных мест и не смели возражать старшим; на пирах распевались народные исторические песни-сколии, на сцене царила трагедия высоких страстей.

Эпоха «марафонских бойцов» кончилась в тот год, когда Эфиальт, союзник Перикла, уничтожил важнейшие контрольные и судебные полномочия Ареопага, подлив, как выразился Платон, гражданам неразбавленного вина свободы (462—461 г. до н. э.). Накануне или вскоре после этого события ушли из жизни главные герои марафонского поколения — Аристид (около 466 г.) и Фемистокл (около 459 г.); лишь младший их современник Кимон, знаменитейший военачальник своего времени, захватил первое десятилетие новой, перикловой эпохи.

Блистательный «век Перикла» (50—30 гг. V в. до н. э.) выпадает из повествования Непота, поскольку самый великий вождь афинского демоса, многократный стратег по званию (с 444 по 430 г. непрерывно), был более государственным мужем, чем воином. В 50-е гг. роли разделялись так, что Перикл правил в городе, а Кимон командовал в заморских походах.

На эпоху Перикла приходится пик афинской демократии и государственности. Примечательной чертой этого времени является исчезновение среднего звена солоновой конституции — зажиточных граждан как особой политической прослойки демоса, имеющей преимущественное право на участие во власти. Ценовые привилегии всадников и гоплитов были, за немногими исключениями, отменены. Практика оплаты должностей, введенная Периклом, вовлекла в общественную жизнь массу граждан самого скромного достатка. В 457 г. появился первый архонт-крестьянин; феты стали занимать низшие должности и вошли в Совет, который изображается в аристофановой комедии в виде собрания бедных простаков, продающихся демагогам за даровое угощение и дешевую селедку (*Всадники*. 642—682). От былых ограничений остался лишь формальный обычай не называть себя фетом при докимасии — проверке гражданского состояния кандидата на должность.

При Перикле Афинское государство достигло апогея своего внешнего могущества. Говорили, что после сокрушения Ареопага народ, как норовистый конь, стал кусать Эвбею и кидаться на острова (*Плут. Перикл*, VII). Афинский морской Союз развился в мощную централизованную Афинскую Державу (Афинскую Архе), поправшую былую автономию союзников. Соратники превратились в

подданных, удерживаемых в союзе силой афинского флота. На землях строптивых нарезались клеры (участки) для афинских военных поселенцев — стражей афинского господства за рубежом.

Попытки отпадения жестоко подавлялись. В городах Архе насильно насаждались демократические режимы, зачастую совершенно чуждые местным традициям. Важнейшие судебные процессы союзников велись в афинской гелизе, так что чужеземцам приходилось заискивать не только перед властями господствующего города, но и непосредственно перед афинским народом в лице его присяжных заседателей. В середине 50-х гг. союзная казна была перенесена с Делоса в Афины, из нее щедро черпались средства на украшение города, на оплату должностей и другие нужды афинян. В целом отношение демоса к его заморским владениям прекрасно выражено в некоем утопическом проекте, согласно которому афинским гражданам надлежало забросить свои поля, переселиться в город и припеваючи существовать за счет дани заморских союзников. Символом демократической Афинской Державы того времени могла бы стать чайка — прекрасная, но хищная птица, высматривающая со скалы добычу на глади моря (*Аристофан, Всадники*, 313). Морской характер Афинского государства выразила архитектура периклова города: в 456-444 гг. были сооружены Длинные Стены — укрепленный коридор, прочно спаявший старый верхний город с его оживленными гаванями.

В середине V столетия Афинская морская Держава включала в свои границы едва ли не половину греческого мира — около 250 приморских городов Эгеиды. Целостность ее владений укрепил так называемый Каллиев мир, завершивший полувековые битвы с персами (449 г. до н. э). Персия отказалась от притязаний на островные и азиатские греческие города, присоединившиеся при Аристиде и Кимоне к Афинскому морскому Союзу. Только одно греческое государство могло поспорить в те годы с владыками моря — Спарта, обладательница лучшей сухопутной армии, глава военного союза, объединявшего большинство городов обширного Пелопоннесского полуострова. Вся Греция — отдельные государства и партии внутри каждого города — разделилась на сторонников Афин и сторонников Спарты: Афинская Держава выступала как представительница демократических сил, Пелопоннесский союз — как оплот олигархии. Вооруженная борьба за гегемонию (господство) между двумя сильнейшими государствами Эллады началась еще в 50-е гг., до окончания греко-персидских войн; через 18 лет после замирения афинян с Персией разразилась великая Пелопоннесская война (431-404 гг.) открывшая новую эпоху греческой истории. К этому времени относятся непотовы жизнеописания Алкивиада и Фрасибула.

«Век Перикла» кончился в самом начале Пелопоннесской войны — с отставкой, а затем смертью благородного лидера афинской демократии (430-429 гг.). Военное поколение 20-х гг. вступило в жизнь со своими проблемами и страстями. На

политическом поприще выдвинулись фигуры низкородных и крайне «левых» руководителей демоса, давших афинской сцене образ демагога. Аттическая комедия, живо реагирующая на пришествие новых вождей, представляла зрителям пророчество о смене отцов отечества:

Демосфен. В начале всех начал пенькой торгующий

Придет и встанет у кормила города.

Никий. Один уж есть торговец. Кто ж потом придет?

Демосфен. Другой, и будет торговать он овцами.

Никий. Еще торговец! С этим что же станется?

Демосфен. Пока другого не найдут, мерзейшего,

Он править будет, а потом провалится.

Кожевник-пафлагонец вслед за ним придет —

Буйн, горлан, как мельница грохочущий...

Никий. Ужель другого не найти торговца нам?

Демосфен. Есть и четвертый с ремеслом изысканным...

Придет колбасник и сразит кожевника.

(Аристофан. *Всадники*, 128—142)

На противоположном полюсе объединялись силы «благородных и прекрасных». Аристократы, ревниво боровшиеся между собой за расположение Народного Собрания, под давлением левых сил все более осознавали свой общий, сословный интерес. Первые признаки аристократической партии появились в 40-е гг., когда Фукидид, сын Мелесия, собрал вокруг себя обладателей «голубой крови» для противодействия Периклу (время от смерти Кимона в 449 г. до ostracism Фукидида в 443 г.). В годы Пелопоннесской войны повсюду расплодилось гетерии (товарищества) знатной молодежи и тайные олигархические организации, лелеявшие планы государственного переворота.

Народ, подогреваемый справа и слева демагогами и олигархами, оберегал свою власть, установив своего рода террор гелии. В конце 20-х гг. моральный суд ostracism вышел из употребления. Подлинным хозяином Афин стал «трехгрошевый» судья-гелиаст (3 обола составляли дневной заработок присяжного заседателя), выносивший смертные приговоры по малейшему подозрению в измене. В мутной обстановке враждебности и недоверия процветали доноски-сикофанты.

Все эти явления дают ключ к непотопным биографиям периода Пелопоннесской войны, прежде всего — к сложным поворотам судьбы Алкивиада. Сама противоречивая личность этого яркого исторического персонажа также несет на себе характерный отпечаток своей эпохи.

В 20-х гг. из Афин выветривались патриархальные нравы «марафонских бойцов». Молодежь кутила и забывала дедовских богов, увлекаясь интеллектуальными построениями философских учений. Любовные песенки модных авторов вытесняли застольные народные песни старины; нервная еврипидова драма страстей соперничала с величавой эсхиловой трагедией рока. На афинской сцене, заменявшей газету, бурно обсуждались проблемы, близкие,

невзирая на разделяющую толщу столетий, нашим дням: порча нравов, отношения отцов и детей, значение традиций, воспитательные качества старого и нового театра... Героические характеры смягчились, гражданские добродетели приняли менее суровый характер, но энергия и доблесть не покинули рафинированных потомков крепких марафонских бойцов: 27 лет, треть жизни молодого поколения, родившегося в середине V в., прошла под военной звездой.

Пелопоннесская война, назревшая как неизбежное столкновение двух основных политических систем классической Греции, олигархии и демократии, вспыхнула после ряда локальных конфликтов, обнаживших противоречия между Пелопоннесским союзом и Афинской морской Державой. Спарта открыла военные действия под лозунгом освобождения эллинов от афинского господства. Первое военное десятилетие (431—421 гг. до н. э.), наполненное встречными походами афинского флота — в Пелопоннес, спартанского войска — в Аттику, кончилось непрочным Никиевым миром (назван по имени афинского стратега Никия), заключенным на условиях сохранения старых границ. Уже в этот период произошли первые восстания подданных Афинской Державы (Потидея, Лесбос, Керкира), жестоко подавленные афинской эскадрой.

На третьем году «пятидесятилетнего» Никиева мира возобновились столкновения в Пелопоннесе, а в 415 г. афиняне, отвлекшись от выяснения отношений со Спартой, снарядили большую экспедицию в Сицилию, грезя о завоевании богатого острова и последующем включении в свою Державу всех западных греков. Идея грандиозного предприятия исходила от любимца города — молодого талантливого аристократа Алкивиада, обернулась эта затея для зачинщика дела — изгнанием (см. жизнеописание Алкивиада), а для прочих его участников — гибелью и пленом на втором году похода (413 г.).

Сицилийская авантюра, унесшая множество средств и жизней, послужила сигналом к возобновлению смертельной схватки со Спартой. Пелопоннесское войско, совершавшее ранее кратковременные набеги на афинские владения, засело теперь в аттической крепости Декелее, держа в постоянном страхе поля и города области, так что запертые в своих стенах афиняне были вынуждены нести круглосуточные караулы и подвозить продовольствие по морю. Одновременно начался развал Афинской морской Державы: сначала взбунтовались крупные острова, потом — вся азиатская Иония (413—412 гг.). Персидские сатрапы Тиссаферн (наместник Лидии) и Фарнабаз (правитель Фригии при Геллеспонте) заключили союз со Спартой (три последовательных договора в конце 412 — начале 411 г.), и вскоре на помощь мятежным членам афинской Архе выступил Пелопоннесский флот, созданный на персидские деньги. Всем этим событиям содействовал изгнанник Алкивиад, ставший злым гением своего отечества.

В начале 411 г. внешнее положение Афин стало критическим. В самом городе начался террор тайных олигархических союзов, вылившийся в государственный переворот: демократические власти и порядки были отменены, правление перешло к Совету 400-т, укомплектованному из убежденных олигархов. Противовесом городскому правительству выступила афинская военная эскадра, базировавшаяся на острове Самосе. После бурных митингов моряки-феты свергли офицеров, стоявших на стороне олигархии, вручили командование капитану Фрасибулу и гоплиту Фрасиллу — сторонникам демократии и призвали на помощь Алкивиада, который давно уже искал возможности примириться с родиной, заводя переговоры то с той, то с другой партией.

По возвращении Алкивиада самосский флот, не заходя домой, в течение 4-х лет вел бои со спартамцами и персами на Геллеспонте и в Пропонтиде (Мраморное море), держа себя за счет грабежа Фригийской сатрапии Фарнабаза. Благодаря победам Алкивиада и Фрасибула под власть афинян вернулись города этого района, отпавшие во время правления Совета 400-т, Абидос, Кизик, Халкедон, Перинф, Византий, Селимбрия. Восстановились снабжение Афин черноморским хлебом и сбор таможенной пошлины на Геллеспонте, заменившей прямые поборы с союзников. Фарнабаз предпочел заплатить за безопасность своих владений деньгами.

Успехи демократической эскадры придавали силы противникам олигархии в Афинах. Правительство 400-т отказалось от своих полномочий, не продержавшись у власти и полугода. Пришедшее ему на смену правление 5 тыс. всадников и гоплитов (т. е. Народное Собрание зажиточных граждан) пало само собой летом 410 г. после блестящей победы Алкивиада под Кизиком. Восстановив перикловы порядки, упоенные внутренними и внешними успехами афиняне отвергли мирные предложения Спарты, готовясь вести войну до победного конца.

В 407 г. Афины и Спарта мобилизовали все свои силы для решительного боя. Афиняне вверили верховное командование победоносному Алкивиаду, спартамцы противопоставили ему наварха («адмирала») Лисандра, не уступавшего противнику по крайней мере в честолюбии и ловкости. Спрятав свой флот в Эфесской гавани, спартавец уклонялся от встречи, рассчитывая нанести удар в самый благоприятный момент.

Счастливым случай подвернулся во время отлучки Алкивиада. Позабыв строгие наказания командующего, афинский кормчий Антиох дерзко продефилировал мимо эфесской эскадры, увлекши за собою погоню. У мыса Нотия близ Эфеса произошла стычка афинских и спартанских триер, в результате которой афиняне потеряли 15 кораблей (весна 406 г.). Это небольшое поражение вызвало взрыв старой ненависти к Алкивиаду, повлекший за собой его отставку и новое добровольное изгнание.

Вскоре после этого афиняне одержали последнюю большую победу в Пелопоннесской войне. В августе 406 г. близ Аргинусских

островов (между островом Лесбосом и азиатским берегом) произошла жаркая битва между спартанским флотом в 120 судов и афинской эскадрой в 150 триер. Спартанцами командовал доблестный наварх Калликратид, только что заместивший Лисандра; афинскую армаду, оснащенную всего за несколько месяцев с великим напряжением людских и материальных ресурсов, возглавляли 8 стратегов. Морская дуэль закончилась разгромом пелопоннесского флота, потерявшего 70 кораблей и своего адмирала. Афиняне вновь стали хозяевами Эгейского моря, но тут же их славная победа обернулась чернейшим трауром Пелопоннесской войны: в Афинах подстрекаемая демагогами толпа приговорила к смерти стратегов-победителей, не сумевших из-за шторма оказать помощь тонущим и подобрать тела погибших моряков. Среди казненных оказались Перикл, сын Перикла, и Фрасилл — бывший командир демократической самосской эскадры, сподвижник Алкивиада.

Ровно через год новые командиры, искусные более в политических интригах, чем в военном деле, разом погубили все достижения последних лет. Из-за беспечности стратегов афинский флот, стоявший на Геллеспонте в устье Козьей Речки (Эгос Потамос), стал легкой добычей Лисандра, внезапно атаковавшего полупустой лагерь противника. Около 200 триер, все наличные морские силы афинян, без боя перешли в руки спартанцев (август — сентябрь 405 г.). Через полгода после этой катастрофы кончилась Пелопоннесская война: в апреле 404 г. Афины, осажденные с суши и с моря, сдались на милость победителя.

На совещании государств, участников и союзников Пелопоннесской лиги, Спарта согласилась пощадить великий город Эллады, но вынесла смертный приговор Афинской морской державе. Афинянам пришлось срыть Длинные стены, сломать укрепления и верфи Пирея, выдать военные корабли. Сами Афины и бывшие члены Афинской Архе превратились в союзников Спарты, ставшей отныне гегемоном Греции. Афинское государство вернулось в свои старые аттические границы, внутренний его строй изменился в соответствии с пожеланиями победителей.

Под наблюдением Лисандра, афинское Народное Собрание назначило комиссию 30 полномочных законодателей, составленную из отъявленных олигархов (в июле 404 г.). Это временное правительство, прозванное «30 тиранами», поставило в городе спартанский гарнизон и начало править бесконтрольно, проливая кровь демократов и умеренных граждан. Во время олигархического террора погиб в Малой Азии Алкивиад. История свержения 30 тиранов запечатлена в непотовой биографии Фрасибула.

Через считанные месяцы после капитуляции Афин самые влиятельные союзники Спарты, коринфяне и беотийцы, встали в оппозицию к установившейся спартанской гегемонии. Многие афинские эмигранты, ускользнувшие от преследования олигархов, нашли теплый прием в беотийских Фивах. Зимой 404/403 г. из-за беотийской границы вторгся в Аттику небольшой отряд

изгнанников, возглавляемый бывшим капитаном самосской эскадры Фрасибулом. Сначала демократы укрепились в пограничной крепости Филе, потом, совершив ночную вылазку, захватили Пирей. Началась война двух партий, засевших в Нижнем (порт) и Верхнем (Афины) городе. На девятом месяце олигархии (*Ксен. Греч. Ист.* II, 4, 21) пала власть 30 тиранов: растеряв своих приверженцев, преступные правители покинули Афины, удалившись в священный город Аттики — Элевсин. Верхним городом стало распоряжаться собрание 3 тыс. богатых афинян — единственных обладателей гражданских прав при тиранах. Многие из этих всадников и гоплитов были готовы идти на соглашение с демократической ратью Фрасибула. Наконец, в гражданскую войну вмешались спартанцы. Лисандр двинул войско на помощь элевсинским олигархам, но соперничавший с ним царь Павсаний, перехватив командование, примирил пирейскую и городскую партии, способствуя падению лисандрова правительства (осень 403 г.). В год архонтства Эвклида воссоединившиеся афиняне обновили записи всех своих древних и поздних законов, восстановив нормы полной демократии (403—402 г.). Вскоре после этого сложили оружие элевсинские олигархи (401 г.).

Приблизительно через 20 лет после описанных событий Афины вновь попытались стать великой морской державой — об этом мы поведем речь в статье, посвященной афинским полководцам IV в. Здесь же, забегая вперед, заметим, что к середине IV в. до н. э. имперская политика афинян потерпела крах, зато афинская демократия, пережив все внешнеполитические перипетии, сохранилась в силе вплоть до завоевания греческих государств Римом (146 г.). Для свободных Афин народовластие было поистине отеческим строем, восходящим к легендарным тесевым временам, вызревавшим в течение столетий, вошедшим в плоть и кровь народа — и потому неискоренимым.

СПАРТА V—IV ВВ. ДО Н. Э.

К ЖИЗНЕОПИСАНИЯМ ПАВСАНИЯ, ЛИСАНДРА, АГЕСИЛАЯ

После демократических Афин нам предстоит познакомиться с противоположным полюсом эллинского мира — с классическим образцом олигархического города-государства, считавшегося идеалом всех греческих аристократов. Дорийская Спарта, или Лакедемон, как чаще именуют ее древние историки, была своего рода общегреческим центром олигархии, а управляемый ею полуостров Пелопоннес — зоной олигархических режимов, в которую вклинивался как единственное исключение древний независимый город Аргос, имевший сильную народную партию.

Пелопоннес — огромный окраинный кусок Балканского полуострова, соединенный со срединными частями Греции узким Истмийским перешейком. Юг Пелопоннеса занимали плодородные обла-

сти Мессения и Лаконика. В старинных греческих преданиях поминались их знаменитые города героической эпохи — мессенский песчаный Пилос, в котором правил мудрый старец Нестор, и лаконская Спарта, где жила прекрасная царица Елена, бежавшая в один злосчастный день за море с троянским царевичем Парисом. Составители мифических генеалогий считали, что через три поколения после Троянской войны, разгоревшейся из-за похищения Елены, кочующее греческое племя дорийцев вторглось под предводительством потомков Геракла с севера в Лаконику и на берегу Эврата основало новую Спарту, ставшую впоследствии прославленным городом Эллады. От дорийской дружины в 8—10 тыс. воинов произошли спартиаты — граждане Спарты, от Гераклидов — два спартанских царских рода, представители которых составляли пару одновременно правящих царей. По данным археологии, основание дорийской Спарты состоялось в начале железного века, в X—IX вв. до н. э. Чуть позже, приблизительно во времена первых Олимпийских игр (776 г. до н. э.), мудрец царского рода Ликург дал Спарте законы, благодаря которым она стала самым устойчивым и своеобразным государством Греции. Хотя не все греческие историки признавали существование Ликурга, а ученые наших дней растягивают приписанные ему реформы на несколько поколений, имя полулегендарного законодателя стало символом спартанских порядков, и государственный строй Спарты эпохи ее расцвета (VII—V вв. до н. э.) принято называть «ликурговым». Вглядимся в его неповторимые черты.

С самого начала дорийская община, осевшая на чужой земле, имела военизированный характер. Пришельцы поработили население непосредственно прирезанных к городу земель, превратив его в бесправное сословие илотов. Только путем насилия можно было держать эту массу в повиновении, и спартанские должностные лица каждый год формально объявляли илотам войну. Лаконские города, окружавшие спартанские владения (жители их назывались перизками — «живущими вокруг»), сохранили свои земли и порядки, но превратились в зависимых союзников самого могущественного города области. После двух длительных войн (VIII—VII вв. до н. э.) в состав Спартанского государства была включена Мессения, ставшая страной спартанских усадеб и крепостных. Наконец, в VI в. спартанцы, признанные лучшими воинами Эллады, возглавили военный союз пелопоннесских городов, в стороне от которого постоянно держался гордый своим былым величием Аргос. Члены Пелопоннесского союза считались автономными государствами, но Спарта властно командовала союзниками по праву сильнейшего.

Эта иерархия господства требовала от спартанцев постоянного напряжения сил. «Законы Ликурга» сплотили дружину дорийских завоевателей в единое сословие воинов-господ, призванных повелевать рабами, подданными и союзниками. С детства до старости спартанцы не знали иных занятий, кроме спорта, войны и охоты. Спартанская семья кормилась с имения (клера), обрабатываемого илотами, и пользовалась скромным достатком помещиков, живущих на всем домашнем. Монета была изгнана за пределы Лакедемона.

Земли поделены раз и навсегда на равные участки. Все спартанцы носили домотканную одежду, жили в деревянных домах, пользовались грубой утварью и ели одинаковую черную похлебку. Ведя единый образ жизни, они не без основания именовали свое государство «общиной равных».

Спартанские достатки почитались у других греков за бедность, однако то была особая, аристократическая бедность касты благородных и властных. Спартанские мальчики ходили в рваных плащах и босиком, но умели слушаться старших, повелевать младшими и не шадить жизни во имя чести. В предание шагнул юный спартавец с лисенком за пазухой: зверек грыз ему тело, а он терпел боль, скрывая добычу, пока не упал мертвым. Спартанские отроки, опускавшие при разговоре со старшими глаза долу, удостоились похвалы известного мизантропа Диогена; на вопрос, где он видел хороших людей, циник ответил: «Хороших людей — нигде, хороших детей — в Лакедемоне». Взрослый воин-спартиат, отправляясь в поход, слышал от матери напутствие: «со щитом или на щите», т. е. победителем или мертвым. Сражения, проигранные пелопоннесскими армиями, были поражениями союзников Спарты; считалось, что до битвы при Левктре (371 г.— см. вступительную статью к беотийским жизнеописаниям) сами спартанцы никогда не отступали с поля боя, исполняя, в случае поражения, завет своих женщин. Единичные «пораженцы» до конца дней своих жили в позоре и поношении. Традиции, общественное мнение и условия жизни лакедемонян были таковы, что в Спарте не было места ни стяжателю, ни развратнику, ни трусу. В государстве дисциплинированном, но свободном, где повиновались законам, а не лицам, граждане с молоком матери впитывали высокое чувство человеческого достоинства. Спартанца можно было скорее поставить на голову, чем заставить преклонить колени перед самым великим царем. Досуг этих гордых воинов посвящался сакральным играм и песням. Покровителем Спарты считался Аполлон; предания гласили, что в те времена, когда боги сходили на землю, златокудрый предводитель муз, отложив лиру и лук, метал вместе с лаконскими юношами диск на берегах Эвроты.

На закате классической эпохи Аристотель высказал в трактате о государстве мечту своего времени о выведении особой, благородной породы людей. Ему рисовались идеальные граждане идеального города-государства, переложившие физический труд на плечи поработенных иноземцев, занятые развитием в себе добродетели, т. е. высоких качеств души и ума. Казалось бы, философ мог привести в пример ликургову Спарту, но ссылка такого рода оказалась для него невозможной. В самом деле, опыт Спарты скорее опровергал аристотелев идеал. Доблести ее граждан отравлялись воздухом насилия, которым они дышали с детства. Спартанская «община равных» имела все пороки, характерные для элиты, возвращенной на рабстве. Безупречные в пределах своего круга, спартанцы были жестоки с илотами и заносчивы с союзниками. Издевательства и расправы над беззащитными рабами входили в систему закалки спартанских юношей. Воспитанные в презрении к низшим, спартанцы отлича-

лись специфической, господской грубостью характера, напоминая в этом отношении рыцарей раннего средневековья. Нужно помнить об этой теневой стороне спартанской доблести, чтобы понять героев Непота.

Другая примечательная особенность Спарты заключается в том, что устойчивость ликургова строя обеспечивалась строгой изоляцией «общины равных» от внешнего мира. Сама природа со всех сторон оградила Лаконику горными хребтами, через которые пролегали, как в сказке, лишь три дороги. Надежнее гор действовал «железный занавес», изобретенный задолго до наших дней. Ни один спартиат не мог пересечь границу Лакедемона без разрешения властей. Иноземцы допускались в Спарту в исключительных и редких случаях. Внутренняя жизнь и внешние сношения преднамеренно окутывались покровом тайны. Отсюда — существенные пробелы в наших знаниях о Спартанском государстве, во многом загадочном даже для современников. Считалось, что закрытая граница отсекает от Лакедемона чужеземные тлетворные нравы, по сути же спартанские власти боялись, как бы граждане бедной и суровой страны не сравнили свою участь с жизнью вольных и богатых соседей.

Закрытым характером Спартанского государства объясняется то странное обстоятельство, что меньше всего известна нам природа знаменитой спартанской олигархии. Несомненно одно: при всем равенстве членов спартанской общины власть и связанные с нею привилегии (например, право выезда за границу) принадлежали ограниченному кругу знатнейших семей, из недр которых выходили советники, послы и военачальники, передававшие свои полномочия практически от отца к сыну. Народное Собрание (апелла) было настолько покорно властям, что Аристотель отказывал спартанскому народу в праве именоваться демосом. Весьма узкий совет старейшин (герусия) состоял из 28 старцев-геронтов и двух царей, и хотя доступ в него был открыт всем доблестным и добродетельным гражданам, на деле избрания удаивались представители господствующих семей, в первую очередь — царские родственники. Наконец, самые действенные полномочия сосредоточивались в руках олигархической по составу и форме коллегии 5 эфоров — должностных лиц, надзиравших за властями, порядками и даже царями Спарты. Олигархический строй процветал и у членов Пелопоннесского союза, сплотившихся вокруг Спарты для борьбы как с внешним, так еще более — с внутренним врагом, с демократическими партиями своих городов.

Три спартанских жизнеописания Непота отражают эпоху, когда спартанцы вышли за пределы Лаконики и Пелопоннеса, сначала — как временные участники Мидийской войны (начало V в.), через 70 с лишним лет — как победители Афинской Державы и претенденты на руководство всей Элладой (конец V — начало IV в. до н. э.).

Во времена старшего героя, Павсания, спартанцы впервые вдоволь повидали чужие моря и земли. Как мы помним, в начале Ксерксова похода на Элладу 300 спартанцев под предводительством царя Леонида покинули Лакедемон, чтобы с великой славой сложить

головы в Фермопильском ущелье (480 г. до н. э.). После гибели персидского флота при Саламине и бегства Великого Царя в Азию в Греции оставалась еще огромная армия царского зятя Мардония, осевшая на равнинах Беотии, среди городов, управлявшихся проперсидски настроенной аристократией. Эгейские волны бороздили корабли уцелевшей персидской эскадры. В то время афиняне, самые горячие патриоты общегреческого дела, без спора уступили командование на суше и на море спартанцам.

Во главе ополчений Эллинского союза встал Павсаний — племянник Леонида, опекун его малолетнего сына Плейстарха, приведший за собой из Лакедемона 10-тысячный контингент, ядро которого составляли 5000 спартиатов. В сентябре 479 г. союзное греческое войско во главе с Павсанием разгромило армию Мардония у беотийских Платей. По преданию, в тот же самый день на малоазийском берегу у мыса Микале спартанский царь Леотихид, предводительствовавший союзным флотом, опрокинул сошедшего с кораблей неприятеля и сжег стоянку персидских судов.

После изгнания персов из Европы флот Эллинского союза вел операции в Эгейском море, сражаясь за свободу островных и азиатских греков. Командование по-прежнему оставалось за Спартой, которую представляли Павсаний и его офицеры. В этом походе (478 г. до н. э.) глазам спартанцев открылся широкий мир со всеми своими сокровищами и соблазнами. Побывав на Кипре и Геллеспонте, они освободили большую часть острова Афродиты, захватили Византий, прикоснулись к богатствам азиатских городов. И тотчас обнаружилась несовместимость ликурговых нравов с чуждой им почвой. Прежде всего роковую, историческую роль сыграла исконная грубость спартанского характера. Павсаний и его приближенные обращались с вольными союзниками как со своими илотами. «С начальниками союзников, — рассказывает Плутарх, — Павсаний разговаривал всегда грубо и сердито, а простых воинов наказывал палками или заставлял стоять целый день с железным якорем на плечах. Никому не разрешалось раньше спартанцев набрать соломы на подстилку, принести сена коням или подойти к источнику и зачерпнуть воды — ослушников слуги гнали прочь плетьюми...» (*Плут. Арист.* XXIII). В результате греческие моряки выгнали спартанского полководца из лагеря и отдали командование афинянам. И тогда рядом с Пелопоннесским союзом возник его будущий могущественный соперник — Афинский морской Союз, ставший впоследствии Афинской морской Державой.

Кроме того, под воздействием иноземных чар, особенно азиатского золота, началось нравственное разложение суровых спартанцев, в первую очередь — спартанских вождей. Этому явлению уделяется большое внимание в рассказе Непота. Павсаний, как мы увидим, променял лаконскую простоту на персидскую роскошь, пытался надолго обосноваться вдали от родины — сначала в Византии, затем в азиатских Колонах, и дошел в конце концов до государственной измены. В то же время победитель при Микале Леотихид, посланный воевать с фессалийскими городами, принял от противника взятку и,

застигнутый сидящим на мешке с деньгами, бежал от суда за пределы Лаконики. Очевидно, не лучше вели себя и прочие военачальники, так как спартанские власти, попытавшись сначала заменить Павсания другими полководцами, вскоре перестали посылать за море своих командиров, заметив, что на чужбине бесконтрольная власть и деньги портят их военачальников (*Фукид.* I, 94; *Плут. Арист.* XXIII). Так закончился первый большой выход спартанцев в свет: Спарта, подобно улитке, выглянув наружу, поспешила втянуться в свой Пелопоннесский домик.

Второе решающее вмешательство Спарты в международную политику относится ко времени Пелопоннесской войны, особенно ко второму ее периоду, когда спартанцы противопоставили афинскому флоту свою эскадру, оснащенную на заемные персидские деньги (411—405 гг. до н. э.), вновь вырвавшись на простор Эгейского моря. В 407 и 405 гг. спартанским флотом, базировавшимся в Эфесе, командовал царский родственник Лисандр (сначала как адмирал-наварх, а затем как помощник наварха, исполняющий фактически роль главнокомандующего), назначенный сражаться с победоносным Алкивиадом. За два года этот не по лаконски гибкий и коварный политик приобрел себе сторонников во всех городах Малой Азии и вошел в тесную дружбу с персидским царевичем Киrom, который как раз в это время управлял тремя малоазийскими сатрапиями (407—405 гг.). Увеличив спартанскую эскадру благодаря щедрым субсидиям перса, Лисандр сначала вытеснил с моря самого Алкивиада (см. выше о битве при Нотии), а затем, подловив удачу, уничтожил афинский флот у Козьей Речки, со славой окончив 27-летнюю Пелопоннесскую войну. При заключительной осаде Афин победитель при Эгоспотамах играл главную роль в компании царей Агиса и Павсания. Именно Лисандр принял капитуляцию города, срыл под звуки флейт Длинные стены и сжег афинские корабли в Пирее (апрель 404 г.).

После столь полной победы Спарта уже не хотела и не могла ограничить свой горизонт пределами Истмийского перешейка. Она оказалась в положении лидера и хозяйки всей Греции, и Лисандр, как глава заморской политики, учредил систему спартанской гегемонии в Элладе. Еще во время своего правления в Эфесе он создал сеть тайных олигархических союзов, охватившую все малоазийские города. После поражения Афин антидемократические клубы пришли к власти как в союзных Спарте городах, так и у «освобожденных» афинских подданных. Везде бразды правления вручались олигархическим десяткам (декархиям), укомплектованным не столько местной знатью, сколько местными авантюристами из числа лисандровых друзей — непопулярных среди сограждан и потому всецело преданных Спарте и лично своему благодетелю (*Плут. Лис.* XIII). Власть декархий охранялась пелопоннесскими гарнизонами под командованием спартанских офицеров-гармостов. Террор «десяток» и произвол спартанцев с самого начала исполнили горечью, по выражению одного писателя того времени, «сладкий напиток свободы», поднесенный грекам при уничтожении афинского господства.

В чистом виде лисандрова система продержалась недолго. Не прошло и года, как партия спартанских царей, обеспокоенная чрезмерным влиянием устроителя новых правительств, стала понемногу отзывать лисандровых гармостов, допуская, чтобы некоторые города установили у себя порядок по своему отеческому обычаю. Так при тайном содействии спартанского царя Павсания пала «тирания тридцати» в Афинах (октябрь 403 г.). В политике спартанских царей, какие бы личные страсти к ней ни примешивались, проступал старинный мотив воздержания от излишней власти за пределами Пелопоннеса, заметный в борьбе спартанских партий и впоследствии, но о полном возврате к исконной, сугубо пелопоннесской политике, не помышлял никто. В начале IV в. до н. э. с Лисандром и без него Спарта объединила и возглавила Элладу, казалось, на вечные времена. «Все греческие города беспрекословно повиновались приказаниям каждого лакедемонянина» (*Ксен. Греч. ист.* III, 1, 5).

При втором выходе Спарты в широкий мир снова воскресли пороки, сгубившие Павсания. Вдали от надзора отечественных властей полномочный представитель Спарты был опьянен неограниченной властью над великим множеством людей и городов. Жестокое, деспотичное правление Лисандра в Эгеиде — один из основных сюжетов плутарховой биографии. Непот сосредоточивает внимание на его попытке захватить царскую власть в Спарте. Непосредственно после победы над Афинами все греки смотрели на спартанского полководца как на единственного владыку Эллады и впервые подобострастно обожествили смертного человека, повсеместно воздвигая ему алтари, слагая в честь него пеаны и справляя празднества — «лисандрии». Эти почести Лисандра на 100 лет предвосхитили официальный культ Александра Македонского и его преемников — эллинистических царей греко-восточных монархий.

Корыстолюбие, совратившее спартанских военачальников в эпоху ксерксова нашествия, не миновало и современников Лисандра, проявившись теперь не только в среде вождей, но и в глубинных недрах спартанского общества. Сам Лисандр оставался бесребренником старинного лаконского образца, но спартанские офицеры быстро приобрели дурную славу грабителей, а ближайшие соратники Лисандра Гилип и Торак были официально осуждены за воровство (*Плут. Лис.* XVI, XIX). Спартанские власти, соблазнившись огромной добычей Лисандра, также изменили ликургувоу закону, приняв иноземные деньги в государственную казну. Правда, хранение монеты в частных домах строго запрещалось, но «страсть к деньгам не только не была уничтожена запрещением, наложенным на частных лиц, но вследствие разрешения, данного государству, крепко укоренилась... Всем было внушено стремление к богатству как к чему-то великому» (*Плут. Лис.* XVII).

Лисандр, виновник этих перемен, лишь условно может считаться разрушителем ликургува строя. Привезенные им богатства попали в Спарту в некотором смысле «в срок», ибо в его время «община равных» уже значительно разложилась сама по себе, вследствие естественных процессов, протекавших внутри спартанского государст-

ва. В конце V в. до н. э. на спартанской агоре, в пестрой многотысячной толпе, внимательный наблюдатель мог отыскать лишь около 40 спартиатов, сохранивших скромный ценз полноправных граждан. В пелопоннесском войске спартанцы исчислялись уже не сотнями гоплитов, но десятками офицеров; обычно в заморский поход с полководцем отправляли 30 помощников. В 400 г. до н. э. в Спарте был раскрыт большой заговор разоренных спартиатов, объединившихся с вольноотпущенными илиотами и перизками. В том же году закон эфора Эпитадея отменил неотчуждаемость спартанских клеров. Вся благородная каста «равных» воинов состояла теперь из 1,5—2 тыс. человек. Поставив этот маленький народ во главе Греции, Лисандр дал ему несметные богатства, превосходившие, по свидетельству Платона, запасы золота и серебра во всей Элладе.

Жизнь Лисандра оборвалась неожиданно, в разгар его честолюбивых интриг. Сначала он попытался править за спиной своего ставленника — царя Агесилая, получившего с его помощью престол и командование в Азии. Когда же Агесилай отстранил от себя не в меру влиятельного помощника, Лисандр задумал низвергнуть наследственную царскую власть в Спарте. В это время в Греции вспыхнула Беотийская война, переросшая затем в Коринфскую. В 395 г. до н. э. Лисандр выступил с войском в Беотию и пал там в сражении при Галиарте, не дождавшись подмоги второго царя — Павсания. Личные замыслы Лисандра остались неосуществленными, но как основатель спартанской гегемонии в Греции он, волею судьбы, оставил достойнейшего продолжателя своего дела в лице поставленного им на царство Агесилая.

Герой третьего жизнеописания Непота, 40-летний, исполненный сил воин вступил на престол в тот момент, когда Спарта достигла вершины своего могущества (около 401 г. до н. э.). В конце его долгого правления, продолжавшегося 41 год, сила и слава Спартанского государства рухнули навсегда. Агесилаю выпала участь стать последним великим царем классической Спарты, в которой еще сохранялась видимость ликурговых порядков. Потомки запомнили его как истинного спартиата по духу и образу жизни, как единовластного повелителя Греции в лучшие годы его правления (соправителями Агесилая были молодые цари, подчинявшиеся его влиянию), наконец, как предтечу Александра Македонского, намеревавшегося вести греческое войско в глубь Персии.

Восточный поход, открывающий царствование Агесилая, поразил воображение современников. Непосредственная его причина заключалась в том, что в конце Пелопоннесской войны Спарта ради персидских субсидий признала власть персов над городами Малой Азии, а затем, став хозяйкой греческого мира, должна была уничтожить позорное соглашение. К тому же спартанские власти официально поддерживали мятеж Кира против его брата, законного царя Артаксеркса, так что с 401 г. Спарта находилась в состоянии войны с Персией. Военные действия в Азии начались после гибели Кира в 400 г., царская армия Агесилая высадилась в Эфесе весной 396 г. Казалось, что сбывается мечта греческих патриотов: через 100 лет после того,

как Азия пошла походом на Европу, объединившиеся греки под началом своего вождя несли огонь и меч великой варварской державе. Экспедиция Агесилая пробуждала воспоминания о троянском походе, и сам царь перед отплытием на Восток, подражая Агамемнону, принес жертву в Авлиде.

Древние историки — Ксенофонт, Непот и Плутарх — уделяют восточному походу Агесилая много почтительного внимания, но странным кажется это знаменитое предприятие из дали времен. Даже поклонники спартанского царя исчисляли его успех не столько победами, сколько количеством награбленной добычи, шедшей на содержание армии, в составе которой было много наемников. Два года Агесилай почти беспрепятственно разорял городки и поля Фригийской сатрапии Фарнабаза. Вторжение в Лидию носило эпизодический характер, и хотя сарданцы одержали славную победу над азиатской конницей при Сардах, кампания опять-таки свелась к захвату добра и рабов. По-видимому, образ великого дела, оставшийся в античной историографии, складывался под воздействием мечты о походе Агесилая на Сузы и Экбатаны. Очевидцев событий мог вдохновлять недавний пример Кира, едва не опрокинувшего престол своего брата силами каких-нибудь 10 тыс. греческих наемников; историки же наших дней полагают, что для войны с персидским царем у Спарты не хватало ни людских, ни денежных ресурсов. Как бы то ни было, когда летом 394 г. эфоры отозвали Агесилая домой, царь подчинился беспрекословно.

Между тем спартанская гегемония в Элладе, не продержавшись и десяти лет, дала широкую трещину. Против Спарты выступили сильнейшие греческие государства, отведавшие горечь ее господства: исконные противники Лакедемона Афины и Аргос и такие верные в прошлом союзники, как беотийцы и коринфяне. Объединившись в лигу с центром в Коринфе, они перекрыли пути через Истм и вступили в сношения с персами. Ко времени отбытия Агесилая из Азии война перекинулась на море и в Европу. Против спартанской эскадры действовал флот Конона и Фарнабаза, а в Греции шла Коринфская война (395—378 гг.), питаемая персидским золотом.

На пути домой Агесилай, продвигавшийся от Геллеспонта по суше на юг, столкнулся с силами коринфской коалиции в Беотии. С большими потерями выиграл он тяжелый бой при Коронее. Накануне сражения в его стан пришла весть о победе Конона при Книде (август 394 г.). Море и Азия были разом потеряны для Спарты — почти все города малоазийского побережья и острова Эгейского моря тотчас изгнали ее гарнизоны.

В течение ближайших лет Спарта напрягала силы для восстановления своего авторитета в Греции. Агесилай, рыцарь спартанской гегемонии, увяз в изнурительных боях под Коринфом. Его успехи имели локальный характер, казна Спарты и терпение ее союзников истощались, в то время как Коринфская лига, пользующаяся персидскими субсидиями, наращивала силы. Коринф пережил погром олигархической партии и вошел в состав демократического Аргосского государства (392 г.). Афины, отстроив Длинные стены и флот, присту-

пили к восстановлению своего морского союза. В городах Беотийского союза укрепились враждебные Спарте демократы.

Через 10 лет после того, как «новый Агамемнон» выступил против Персии, в спартанском правительстве взяла верх «мирная» партия, состоявшая из противников грандиозных военных амбиций. Она решилась замириться с персидским царем, чтобы, жертвуя честью, восстановить спартанское господство в Греции с помощью персов. Агесилай принял этот ход как горькую необходимость. В конце 387 — начале 386 г. спартанский наварх Анталкид, личный недруг Агесилая, заключил в Сузах мир, сгубивший, по выражению Плутарха, славу Спарты (*Плут. Артакс. XXII*). Спартанцы вновь отдали персам города и прибрежные острова Малой Азии, а персидский царь выступил как посредник общегреческого мира. Воюющим сторонам было предложено сложить оружие на условии признания автономии всех греческих городов-государств. Подразумевался роспуск союзов, требующих от своих членов обязательной поставки военных контингентов, т. е. Аргоссо-коринфской унии, Беотийского союза и пытающегося воскреснуть Афинского морского Союза. Гарантами договора становилась Спарта со своими формально автономными пелопоннесскими союзниками и Персия, сулившая стражам «царского мира» помощь людьми и деньгами.

Когда поток персидского золота потек вспять, греки сложили оружие. В 386 г. до н. э. закончился первый, «романтический» период спартанской гегемонии, овеянный славой восточного похода. Первенство Спарты в Элладе было восстановлено в подмоченном виде, но в течение 15 последующих лет послы большинства греческих государств работали перед тронем Агесилая (*Плут. Агесил. XXVII*). В этот исторический период, протекавший под знаком Анталкидова мира (387—371 гг.), спартанский царь, лично человек великодушный и добрый, навязывал повсюду волю Спарты с грубостью, напоминающей произвол Лисандра. В ряду деяний спартанской политики этого времени числится разрушение стен Мантинеи (384 г.), насаждение олигархии во Флиунте (381—379 гг.), разрушение союза Халкидских городов (382—380 гг.), роспуск Беотийского союза, а затем незаконная оккупация Фив и других крупных городов Беотии (282 г.), попытка захватить афинский Пирей (378 г.). Насилие само породило мстителя в лице восставших фиванцев и возрожденного ими Беотийского союза (379 г.). В 70-х гг. IV в. Спарта упрямо добивалась усмирения Беотии, снова и снова отправляя в карательные экспедиции своих утомленных бесконечными войнами союзников. Агрессивная воля Агесилая перевешивала и ропот пелопоннесских солдат, и критику «мирной» партии, и пассивное противодействие молодого царя Клеомброта.

В 371 г. до н. э. имперская политика Агесилая достигла апогея и тут же претерпела полный и окончательный крах. На съезде греческих государств в Спарте престарелый царь собственной рукой вычеркнул имя фиванцев из обновленной хартии царского мира, а уже через 20 дней спартанская армия, включающая в себя чуть ли не половину всех полноправных спартиатов, потерпела сокрушительное пораже-

ние при беотийских Левктрах. Победитель Эпаминонд не без основания утверждал впоследствии, что одной этой битвой он освободил всю Грецию: гегемония Спарты мгновенно рухнула даже в пределах ее исконных владений, сразу после Левктр начался распад Пелопоннесского союза.

В 60-х гг. IV в. до н. э. победоносные фиванцы совершили четыре похода в Пелопоннес, создали на границах Лаконики независимое объединение аркадских городов, дважды осаждали самое Спарту и, наконец, нанесли Спартанскому государству смертельный удар, отторгнув от него Мессению, питавшую многие спартанские семьи. На глазах 75-летнего Агесилая Спарта навсегда вышла из числа ведущих государств греческого мира. Закат жизни бывшего владыки Эллады совпал с закатом его отечества.

Даже в этих крайних обстоятельствах, «упустив из своих рук столько городов и такую власть на суше и море» (*Плут. Агесил. XXXV*), Агесилай продолжал сражаться за возрождение былой Спарты. Остатки его энергии сосредоточились на попытках вернуть Мессению. Спарта отвергла все международные соглашения, признавая независимость этой области. Без союзников, без средств Агесилай опустошал пограничные мессенские области, занимая деньги у друзей (*Плут. Агесил. XXXV*). Наконец, ради пополнения военной казны, 80-летний спартанский царь пустился искать счастья за море, официально — как командированный полководец Спарты, фактически — как заурядный наемник. Унижение спартанского царя было зримым выражением участи его государства. Тот, кто 30 лет назад собирался вести греков на столицу Персидской державы, воевал теперь с персидским царем за жалованье мятежного сатрапа Фарнабаза (364 г.) и египетских царей Таха и Нектанеба (361—360 гг.). Когда Агесилай умер на пути из Египта домой 84 лет от роду, на 42 году правления, вместе с ним сошла в могилу эпоха великой Спарты.

БЕОТИЯ В IV В. ДО Н. Э.

К ЖИЗНЕОПИСАНИЯМ ЭПАМИНОНДА И ПЕЛОПИДА

В первое столетие греческой классики (V в. до н. э.) два великих лидера Эллады — Афины и Спарта затмевали силой и славой все греческие государства, подчиняя своему влиянию большую часть эллинского мира. В начале IV в. до н. э. рядом с ними внезапно объявился третий претендент на первенство: Беотийский союз, возглавляемый Фивами, стал высылать свою армию далеко на север и юг Балканского полуострова, определяя судьбы многих городов и племен. Бурно вырвавшиеся вперед Фивы оставались одним из сильнейших государств Греции вплоть до роковой битвы при Херонее (338 г. до н. э.), в которой греки проиграли свою свободу Македонии, но самый славный период фиванской истории (379—362 гг. до н. э.) приходится на время жизни непотовых героев.

Беотия — область средней Греции, богатая древними преданиями. Здесь, в Фивах, родились Дионис и Геракл, в окрестностях Феспий увял над ручьем Нарцисс, на склонах Киферона охотился Актеон, на Геликоне пас овец и слагал песни крестьянин-поэт Гесиод. С незапамятных времен на плодородных равнинах Беотии располагалось множество больших и малых городов. Их основатели — автохтонные племена аонов, абантов, гигантов, минийцев — были отчасти вытеснены, отчасти поглощены переселившимися из Фессалии беотянами, продвинувшимися в среднюю Грецию через Фермопильское ущелье, по преданию — 60 лет спустя после Троянской войны. Пришельцы и туземцы не разделились на классы господ и тружеников, как это случилось в Фессалии и Лаконике; с начала железного века в Беотии образовалось однородное население, говорившее на эолийском наречии. Характерной фигурой беотийской земли стал свободный, зажиточный крестьянин, сражавшийся в тяжелых доспехах гоплита.

Соседи-афиняне имели обыкновение подшучивать над мужицкой неповоротливостью и тупостью беотийцев. Считалось, что тяжеловесное беотийское племя не блещет ни умом, ни талантом. В самом деле городская культура беотийцев далеко отставала от уровня блистательных Афин, но тем дольше процветало их крестьянское, народно-песенное творчество. Беотия почиталась как любимая страна муз, водивших хороводы на склонах Геликона, и как родина искусных флейтистов, срезавших особый, флейточный тростник на берегах Копайдского озера. В начале и в конце античной истории она подарила миру трех гениев — Гесиода, Пиндара и Плутарха. Общепризнаны были добронравие и консервативность беотян, их приверженность к «отеческим порядкам» и древним учреждениям. Беотянки имели репутацию женщин изящных, независимых и наделенных поэтическим даром. Славилась беотийские поэтессы, особенно победительница Пиндара — прекрасная Коринна.

В туманные героические века городами Беотии правили цари. Самые могущественные царства образовали минийцы Орхомёна и кадмеи, основавшие Фивы. Согласно легенде, в те сказочные времена финикиец Кадм — изобретатель алфавита, брат Европы, странствуя в поисках похищенной сестры, достиг беотийского берега, сразил дракона — хозяина фиванской земли, вырастил из его посеянных в землю зубов воинов-спартов и построил Кадмею — крепость семи-вратных Фив.

К VIII в. до н. э. династии беотийских городов сошли на нет, власть сосредоточилась в чрезвычайно узком кругу старинных знатных родов: в Фивах, например, было 5 аристократических семей, ведущих происхождение от кадмовых спартов, в Феспиях высшие должности занимали представители 7 домов. Не ранее VII в. образовался военный союз беотийских городов во главе с Фивами. Члены его сохраняли полную автономию и даже воевали между собой, так что крупные города расширяли свои владения, поглощая малых соседей. Единственной общесоюзной властью была коллегия полководцев беотархов, представлявших отдельных участников коалиции.

При нашествии Ксеркса беотийская знать держала сторону персов, и после победы греков под Платеями ее активные деятели заплатились жизнью за измену общегреческому делу. С тех пор засилье беотийской аристократии кончилось навсегда. В городских советах, заменявших народные собрания, стали распоряжаться «всадники» — богатейшие владельцы полей и стад. В оппозиции к ним стояли «гоплиты», стремившиеся допустить к власти крепких беотийских крестьян. Обе политические группировки не отличались социальной однородностью: как и в Афинах, в той и другой партии видную роль играли выходцы из старой знати; «всадники», ревнители древних традиций, пользовались уважением беотийского крестьянства. Во внешней политике «всадники» ориентировались на олигархическую Спарту, «гоплиты» — на демократические Афины. В начале 1-й Пелопоннесской войны (457—445 до н. э.), после того как беотяне проиграли Афинам сражение при Энофитах, Беотийский союз был распущен. В течение 10 лет Беотия подчинялась афинскому влиянию, выразившемуся в насильственной демократизации ее городов. Навязанные иноземцами порядки вызвали в конце концов взрыв общественного возмущения, приведший к свержению проафинской партии «гоплитов». В 446 г. Беотийский союз возродился под руководством «всаднической» партии, правившей до конца V в. Беотийскую политику этого времени отличал дух непримиримой вражды к афинянам. В конце 2-ой Пелопоннесской войны при капитуляции Афин фиванцы настаивали на разрушении великого города Эллады.

С 446 г. на протяжении 60 лет (до 386 г.) Беотийский союз оставался федерацией полисов, сохранявших свое особое гражданство. Полномочными участниками объединения в начале IV в. выступали 10 крупнейших городов: Фивы, Орхомен, Феспии, Танагра, Галиарт, Лебадея, Короней, Акрефия, Копы, Хероней. Везде на местах при отсутствии народных собраний (редкая черта для греческого мира!) правили обширные советы, делившиеся на 4 секции, и такие же общебеотийские «Четыре Совета» являлись высшим законодательным органом Беотийского союза. Исполнительная союзная власть принадлежала, как и встарь, коллегии беотархов, пользовавшихся большими полномочиями в военных и в гражданских делах. Общесоюзные органы заседали в Фивах, задававших тон беотийской политике.

Влияние «всадников» преобладало до конца 2-ой Пелопоннесской войны (404 г.), пока грубая гегемония Спарты не вызвала разочарования многих ее друзей и союзников. Как мы помним, вскоре после поражения Афин беотяне, переменяя фронт, оказали помощь афинским эмигрантам, способствуя падению режима 30 афинских «тиранов». В 395 г. беотийские демократы спровоцировали конфликт между фокидянами и локрами, положивший начало Коринфской войне. Военные действия почти не затронули территорию Беотии, поскольку силы Коринфской лиги, блокировав Истм, не пропускали спартанское войско в среднюю Грецию, но Анталкидов, или «царский», мир (387—386 гг.) оказался равным самому страшному поражению:

согласно пункту об автономии, Беотийский союз был вновь распущен; Спарта как хранительница «царского мира» существенно пере-
кроила внутренние границы Беотии, восстановив свободу мелких
аннексированных городков. С 386 г. партийная борьба в беотийских
городах обострилась, некогда умеренные «всадники» и «гоплиты»
перерождались в крайних олигархов и радикальных демократов.

В 382 г. должность полемархов в Фивах исполняли непримиримые
противники — демократ Исмений и олигарх Леонтиад. В августе
через город проходил спартанский отряд, направлявшийся на по-
бережье Фракии, где Спарта воевала с союзом Халкидских городов.
Леонтиад уговорил спартанского командира Фебила завернуть по пу-
ти в неохраняемый фиванский акрополь и поставить там гарнизон в
поддержку фиванским друзьям Спарты. Когда это свершилось, мно-
гие демократы в панике бежали из города, Исмений был схвачен
и казнен в Спарте. В Фивах сразу переменялась власть, причем
установилось не традиционное правление «всадников», но «господст-
во немногих властителей» (*Ксен. Греч. ист.* 4, 46), напоминающее
тиранию. С этих событий начинается биография Пелопида у Непота.

Три с половиной года правили олигархи в Фивах, поддерживая
добрые отношения с Лакедемоном, когда однажды непогожим
декабрьским вечером отряд молодых эмигрантов во главе с Пелопи-
дом и Мелоном под видом ватаги крестьян или охотников вошел в
город и соединился со своими единомышленниками. «Тираны»
Леонтиад и Архий пали под кинжалами заговорщиков. Народ, под-
державший восстание, осадил Кадмею, и спартанскому гарнизону
пришлось покинуть крепость на условии свободного выхода (де-
кабрь 379 г. до н. э.).

Романтическая история освобождения Фив, полная захватываю-
щих эпизодов, подробно изложена у Ксенофонта (*Греч. ист.* V, 4,
1—2) и Плутарха (*Пелоп.* VII—XIII). Лаконичный Непот по-
святил ей целых две главы. Древних авторов волновал не столько
крутой поворот Фиванской истории, сколько его не столь отдаленное
следствие — крушение гегемонии Спарты в Элладе.

Но вначале никто не предвидел великого будущего фиванской
свободы. После переворота в остальных городах Беотии удержались
у власти олигархи, просившие спартанской помощи. Еще
зимой 379—378 гг. молодой спартанский царь Клеомброт привел в
Беотию пелопоннесский отряд, бесполезно простоявший в фиванской
области 16 дней. В летние военные кампании 378 и 377 гг. владе-
ния фиванцев разорял многоопытный Агесилай. Битвы той поры носи-
ли характер эпизодических стычек, не имевших серьезных послед-
ствий. В крупных городах Беотии (Орхомен, Феспии, Танагра) стояли
спартанские гарнизоны и кипела ожесточенная борьба партий, в
которую спартанцы не осмеливались вмешиваться (*Ксен. Греч.*
ист. V, 4, 55). Затем наступило двухлетнее затишье: в 376 г.
Агесилай заболел, а Клеомброт, мало расположенный к войне
(*Плут. Агесил.* XXVI), не смог пройти через охраняемые против-
ником тропы Киферона; в 375 г. спартанцы собирались добраться

до Беотии по морю, но их связала афинская эскадра Тимофея. В эти два года был восстановлен Беотийский союз. «Так как враги,— сообщает Ксенофонт,— не вторгались в Фиванскую область ни в том году, когда во главе войска стоял Клеомброт, ни в следующем, когда Тимофей со своим флотом обогнул Пелопоннес, фиванцы стали без всяких опасений совершать походы на беотийские города, и им удалось снова присоединить их к себе» (*Греч. ист.* V, 4, 63). К 371 г. вне Беотийского союза оставался один Орхомен, где всегда была сильна «всадническая» партия. Фиванцы сами перешли в наступление, совершая набеги на спартанских друзей — фокидян. Уже не в Беотию, а в Фокиду перевезли спартанцы на судах армию Клеомброта накануне решающих событий.

Правившие в Фивах освободители восстановили Беотийский союз в преобразенном, демократическом виде. Впервые в беотийских городах появились народные собрания, политические права перестали зависеть от имущественного ценза, солдаты, по-видимому, стали вооружаться за счет казны. Союз утратил федеративный характер, превратившись в единое государство, наподобие Аттики. Фиванские власти преобразовались в правительственные органы всей Беотии, житель любого беотийского города получил право голосовать в фиванском Народном Собрании, избираться в фиванский Совет и претендовать на участие в коллегии 7 беотархов. С этого времени наименования «фиванцы» и «беотийцы» фактически стали совпадать.

Герои Непота принимали самое непосредственное участие в событиях 70-х гг. Пелопид, ежегодно избираемый беотархом, был застрельщиком сражений со спартанцами и олигархами беотийских городов (*Плут. Пелоп.* XV). Участник демократической эмиграции, член фиванского правительства с момента освобождения города, он, несомненно, принадлежал к активным творцам нового, демократического Беотийского союза. Впоследствии, по свидетельству Полибия, Пелопид убеждал своего друга Эпаминонда встать на защиту народовластия не только у фиванцев, но и у прочих эллинов (VIII, I, 7).

Медленнее и незаметнее восходила к зениту слава Эпаминонда. Впервые он был избран беотархом в 371г., около 40 лет от роду, и лишь тогда официально приобщился к управлению Беотийским союзом. До этого, стоя в стороне от политики, он вел деятельную, но скромную жизнь небогатого благородного аристократа, философа и воина, пользующегося большим влиянием среди молодежи, воспитанной в палестрах. Круг общения Эпаминонда представлял собой совершенно особенный мир — чисто мужское, мужественное содружество, счастливо соединявшее аристократический культ доблести с духом демократии и патриотизма. Представление о воинственных товариществах той поры дает фиванский «священный отряд», сформированный вскоре после освобождения Фив. Он состоял из 300 юношей самого знатного происхождения, исповедующих закон возвышенной дружбы-любви. Молодые воины вступали в отборное войско парами, принося клятву над могилой Иолая не пережить друг друга. Поклоняясь красоте, а также добродетели

и доблести как высшему проявлению красоты, они бились с неистовой отвагой и считались непобедимыми до того дня, когда, сражаясь за свободу Греции при Херонее, погибли на месте все до одного. «Священный отряд» был своего рода гвардией патриотической фиванской молодежи тех лет, увлеченной идеалами героизма и духовной любви, а Эпаминонд, бедный и доблестный как спартанец, — ее кумиром. В год решающей битвы со Спартой уже ощущалось недостижимое превосходство его военного гения, и он вступил в коллегию беотархов, по признанию большинства, как первый среди равных.

С начала 70-х гг. Спарта воевала не только с фиванцами, но и с восстановленным в 378 г. Афинским морским Союзом, членом которого формально считались Фивы. В июле 371 г. по инициативе афинян и спартанцев представители греческих государств собрались в Спарте для очередного всеобщего замирения на условиях обновленного «царского мира». Конгресс происходил при грозном предзнаменовании: «После того, как лакедемоняне имели гегемонию в Элладе в течение почти пятисот лет, божество предсказало конец их власти» (*Диодор*. XV, 50, 2) — на небе появилась яркая комета, предвещница великих перемен.

Председательствовал в собрании сам великий Агесилай, горевший ненавистью к фиванцам. С помощью «царского мира» он добивался на этот раз либо роспуска строго централизованного Беотийского союза, либо, в случае отказа фиванцев подчиниться требованию автономии, — полной их изоляции. Поначалу совещание шло гладко: многие греческие государства были недовольны политикой Спарты, но никто не осмеливался свободно высказать свое мнение. Неожиданно фиванский посол Эпаминонд произнес великолепную страстную речь, избличавшую тиранию Спарты в Элладе. Затем он вступил в спор с Агесилаем из-за подписи под текстом мирного договора: поставив сначала имя «фиванцев», на другой день он пожелал исправить его на «беотийцев». В ответ на требование Агесилая дать свободу беотийским городам, Эпаминонд предложил, чтобы Спарта в свою очередь предоставила автономию перизекским городам Лаконики. Агесилай в гневе вскочил с места и тут же вычеркнул фиванцев из хартии. Фивы, как он и рассчитывал, остались в изоляции, но успех был куплен дорогой ценой: речь Эпаминонда запала в душу спартанских союзников, подготовив развал Пелопоннесского союза.

Заклучив мир со всеми греческими государствами, Спарта всеми силами обрушилась на своего главного и единственного врага. Большая царская армия, стоявшая в Фокиде, получила приказ пересечь беотийскую границу. Из 1,5—2 тыс. полноправных спартанских граждан выступили в поход не менее 700 воинов-спартиатов. Все спартанское войско вместе с союзниками насчитывало 10 тыс. гоплитов.

Уже через 20 дней после конгресса в Спарте противники сошлись у городка Левктры в феспийской области. Спартанскую армию возглавлял царь Клеомброт, фиванцами командовали 6 бео-

тархов, среди которых наибольшим авторитетом пользовался Эпаминонд. Мало кто сомневался в поражении фиванцев, собравших лишь около 6 тыс. бойцов; ополчения некоторых беотийских городов были столь ненадежны, что Эпаминонд распустил их по домам. Выступление армии из Фив происходило при дурных приметах: слепой глашатай выкрикивал в воротах объявление о розыске беглых рабов (фиванцы могли истолковать себя как «беглых рабов» Спарты); лента с сигнального копья, сорванная ветром, обвилась вокруг спартанского надгробия; пауки заткали двери храма Деметры. Только уверенность Эпаминонда и боевой дух преданной ему молодежи преодолели суеверный страх граждан.

Спартанцы рвались в бой, их царь горел желанием смыть с себя позор прежних неудач. Фиванские беотархи колебались: Эпаминонд, настаивавший на сражении, получил перевес благодаря поддержке трех коллег и Пелопида, командовавшего «священным отрядом».

5 августа 371 г. до н. э. произошла знаменитейшая битва при Левктрах. Как говорили впоследствии спартанцы, Эпаминонд сражался не по правилам. Обычно оба противника сосредоточивали лучшие силы на правом крыле, чтобы, разгромив слабейшую, левую сторону вражеского войска, атаковать с фланга его отборную часть. Уступая неприятелю в живой силе, Эпаминонд сделал ставку на стремительный удар в «сердце» врага, применив тактику «левого косо́го клина». Правый фланг он отдал союзникам беотянам, приказав им податься несколько назад, а своих фиванцев поставил на левом фланге, против Клеомброта, построив их выдвинутой вперед, глубокой колонной в 50 рядов. Этот строй, напоминающий таран, должен был обрушиться на цвет вражеского войска и решить исход боя до того, как многочисленные спартанские союзники успеют потеснить беотян. Острие штурмовой колонны образовал «священный отряд» Пелопида, возглавил атаку сам Эпаминонд.

Спартанцы стояли, как всегда, насмерть. Более половины их отряда, около 400 гоплитов, погибли на поле боя, впервые в истории Спарты погиб в сражении её царь. Только после того, как пал смертельно раненый Клеомброт, лакедемоняне дрогнули и обратились в бегство. Побежденные нашли спасение за лагерными укреплениями и были вынуждены официально признать свое поражение, запросив о выдаче павших. Опасаясь, что спартанцы припишут неудачу пелопоннесским союзникам, Эпаминонд распорядился, чтобы каждый отряд вражеского войска хоронил своих воинов отдельно: так весь свет узнал о позоре непобедимых ранее спартиатов. Фиванцы поставили на поле боя славный трофей.

Поражение Спарты произвело огромное впечатление на греков и варваров. В Пелопоннесе ей сразу же изменили старейшие ее союзники — аркадские города, в которых возникло движение за создание независимого, демократического Аркадского союза. Фиванцы, напротив, обрели много друзей: у себя дома они покорили Орхомен, вступили в союз со многими государствами Средней Греции (Фокида, обе Локриды, Этолия, города острова Эвбеи),

вошли в Дельфийскую амфикионию и установили контроль над Фермопильским проходом. Севернее Фермопил их послы и войска стали вмешиваться в дела Фессалии и Македонии. Наконец, далеко на Востоке на Беотийский союз стали смотреть как на сильнейшую державу Эллады: в 367 г., через 20 лет после Анталкидова мира, на съезде греческих посольств в Сузах персидский царь обласкал фиванского посланника Пелопида, выказав демонстративную холодность первому творцу «царского мира». Не вынеся крушения своей политики, Анталкид покончил с собой.

После победы при Левктрах фиванцы устремились в Пелопоннес, чтобы добить смертельно раненого врага. За 5 последующих лет Эпаминонд совершил 3 похода за Истм, довершая развал Пелопоннесского союза. Первое вторжение фиванской армии в Пелопоннес произошло по призыву аркадян, подвергшихся карательному набегу Агесилая (лето 370 г.). К фиванцам присоединились ополчения Аргоса, Элеи и аркадских городов, и в декабре 370 г. 70-тысячная армия союзников четырьмя колоннами вторглась в Лаконику. «К этому времени доряне занимали Лакедемон уже в продолжение не менее 600 лет, и за весь этот период еще ни один враг не отважился вступить в их страну; беотийцы были первыми врагами, которых спартанцы увидели на своей земле и которые теперь опустошали ее — ни разу дотоле не тронутую и не разграбленную — огнем и мечом, дойдя беспрепятственно до самой реки и города» (*Плут. Агесил. XXXI*). Некоторое время Эпаминонд простоял за рекой против Спарты, так и не решившись переправиться через холодный, разлившийся Эврот. Воины Агесилая заняли оборону на противоположном берегу у границ города, не поддаваясь попыткам выманить их на битву. В лишенной стен Спарте царил переполох, поднятый женщинами, никогда не видевшими дыма вражеских костров. Однако в конечном счете «поток и вал войны» обрушился лишь на неукрепленные селения Лаконики. Вскоре обремененные добычей союзники разошлись по домам, а фиванцы, испытывая недостаток в продовольствии, отступили в Аркадию. Началась мирная, созидательная часть эпаминондова похода. Загнанные в угол спартанцы сразу без боя утратили Мессению — житницу своего государства. По инициативе фиванского полководца были основаны два города: Мессена — столица освобожденных илотов, и Мегалополь («Великий город») — центр новой, объединенной и демократической Аркадии. Некоторые историки отрицают участие Эпаминонда в основании аркадской столицы, но поводом для сомнения служит лишь ненадежная хронология Диодора. Павсаний, пользовавшийся утерянным плутарховым «Эпаминондом», сообщает, что фиванский вождь не только соединил будущих обитателей Мегалополя, но, покидая Пелопоннес, оставил для охраны строительных работ тысячу фиванских воинов во главе со своим другом Памменом (VIII, 27, 2). Таким образом, и от Пелопоннесского союза, и от самого тела Спартанского государства были отторгнуты два больших куска, и на самых границах Лаконики

образовались два непримиримых врага Спарты. Вся кампания Эпаминонда, потрясшая Пелопоннес, продолжалась 85 дней.

В это время Афины, напуганные ростом фиванского могущества, вступили в союз со Спартой и направили ей подкрепление. Афинское народное ополчение во главе с Ификратом вторглось в Аркадию, оттянув на себя часть эпаминондовых союзников, а затем безуспешно пыталось перерезать фиванцам обратный путь через Истм. В начале следующей кампании 20-тысячная армия Хабрия вместе со спартамцами заняла оборону позади рвов и палисадов, перегородивших дорогу в Пелопоннес.

Второй поход Эпаминонда последовал за первым без перерыва. Летом 369 г. он двинулся в Арголиду, намереваясь «освободить» Коринф. Новую громкую славу принес ему блестящий штурм вражеских заграждений на Истме, подробно описанный в Исторической библиотеке Диодора (XV, 68), но в целом кампания не оправдала надежд: осада Коринфа кончилась безрезультатно, только сдача крупного северного города Сикиона, принявшего в свои стены фиванский гарнизон, в какой-то мере оправдала затраченные усилия.

В конце малоуспешного похода начались раздоры внутри анти-спартанской коалиции. Аркадяне, спокойно подчинявшиеся ранее фиванскому руководству, стали требовать поочередного командования. В следующем году они вели малую войну со спартамцами, не обращаясь за помощью к Эпаминонду. Невзирая на фиванские гарнизоны, стоявшие в некоторых аркадских городах, внутри Аркадского союза усилилась олигархическая лаконофильская партия, противившаяся централизаторской политике Мегалополя. В то же время занятые своими интересами элейцы вязались в пограничные споры с аркадянами и перешли на сторону Спарты. Неизменно верными Фивам оставались лишь Аргос — исконный враг Спарты, и Мессения — страна бывших илотов.

В 366 г. Эпаминонд двинулся в Пелопоннес в третий раз, надеясь подкрепить пошатнувшийся авторитет фиванцев новыми успехами. На этот раз он замыслил отторгнуть от Пелопоннесского союза города северной прибрежной области Ахайи, имевшие аристократическое устройство. При появлении фиванской армии ахейцы изъявили покорность на условии сохранения своих традиционных порядков, но, когда Эпаминонд, удовлетворившись бескровной победой, увел армию домой, аркадские демократы подняли бунт, требуя преобразования ахейских учреждений по своему образцу. Фиванское правительство, дорожившее расположением союзников, направило в ахейские города гарнизоны для поддержки народной партии. В результате в Ахайе разразилась короткая, но ожесточенная гражданская война, кончившаяся торжеством аристократической партии. Ахейцы изгнали фиванские отряды и вновь стали ревностными союзниками Спарты. Вскоре после этого глава Аркадского союза Ликомед, стремясь избавиться впредь от фиванской опеки, заключил союз с Афинами (около 365 г.). Накануне этого события знаменитый афинский оратор Каллистрат и не уступающий

ему в красноречии Эпаминонд наперебой доказывали превосходство своих государств перед Народным Собранием Мегалополя.

Пока Эпаминонд сражался на юге, его верный друг Пелопид возглавлял северное направление фиванской политики. В 70-х гг. фиванцы поддерживали дружеские отношения с могущественным ферским тираном Ясоном, объединившим под своей властью почти всю Фессалию. Вскоре после битвы при Левктрах Ясон погиб, и старый союз распался. В начале 60-х гг. Фивы оказали военную и дипломатическую поддержку фессалийским городам, на свободу которых покушались, с одной стороны, тираны Фер, наследники Ясона, с другой — македонские цари. В 369 г., когда Эпаминонд штурмовал заграждения Хабрия на Истме, Пелопид провел фиванскую армию через Фермопилы, загнал ферского тирана Александра в его владения и как авторитетный посол уладил династические распри при македонском дворе, уведя одновременно в Фивы 30 юных заложников для обеспечения мира. Среди этих знатных мальчиков находился царский брат Филипп (впоследствии — отец Александра Македонского), поселившийся в доме Паммена или по иной, мало достоверной версии — под крышей самого Эпаминонда. Как бы то ни было, будущий преобразователь македонской армии с юности приобщился к опыту знаменитых фиванских полководцев.

В следующем году беотархи Исмений и Пелопид попытались таким же дипломатическим образом диктовать свою волю Александру Ферскому, но жестокий тиран, признававший лишь доводы силы, бросил безоружных послов в темницу. Осенью 368 и весной 367 г. беотийская армия дважды приходила на выручку своим вождям. В обоих походах участвовал Эпаминонд — сначала как простой гоплит, спасший армию в критической ситуации, затем — как грозный полководец, принудивший врага замириться и выдать пленных.

К середине 60-х гг., благодаря победам Эпаминонда и Пелописа, фиванское влияние простиралось от границ Македонии до берегов Мессении. На вершине успеха фиванцы воздерживались от грубого насилия, характерного для спартанской политики, но борьба за первенство или, по традиционным представлениям греков, за гегемонию была им не чужда. Великодержавные претензии Фив откровенно проявились на вышеупомянутых переговорах в Сузах в 367 г. Пелопид прямо пошел тогда по анталькидовым стопам, пытаясь навязать Греции очередной «царский мир», подрывающий силу фиванских конкурентов: по его условиям афиняне должны были вытащить на сушу свои корабли, а спартанцы — признать потерю Мессении. Афинские и спартанские послы возроптали сразу же перед лицом персидского царя. Позже, на съезде антиспартанской коалиции в Фивах, все фиванские союзники отказались присягнуть позорному договору, а делегация аркадян демонстративно покинула совещание. Ни с чем вернулись и фиванские послы, ездившие с царской грамотой по отдельным городам: фиванско-персидский союз не устрасил греков, но лишь напомнил им

о предательской политике беотян во время Ксерксова нашествия.

Поскольку Спарта выбыла из числа возможных гегемонов, «Пелопидов мир» был направлен главным образом против Афинского морского Союза. Так или иначе, состязаться с морской Державой можно было только на море. В этом смысле Эпаминонд советовал фиванцам «перенести в Кадмею пропилен афинского акрополя». Когда аркадяне переметнулись к Афинам, он уговорил фиванское Народное Собрание вотировать чрезвычайный налог на строительство 100 триер. В 364 г. Эпаминонд повел новорожденный фиванский флот в плавание и, хотя экспедиция носила пробный, демонстративный характер, оторвал от Афинского Союза Византий и завязал дружбу с Родосом и Хиосом. На этом кончились успехи фиванской эскадры: тревожные события на суше вновь превратили ее адмирала в сухопутного стратега, а скорая гибель Эпаминонда положила конец его великим планам.

В том же году во время очередного похода против Александра Ферского пал в бою Пелопид. Одновременно разыгралась трагедия внутри Беотийского союза: был раскрыт заговор орхоменских «всадников», и союзное беотийское войско разрушило древнейший город своего племени, перебив или продав в рабство все его население. Вернувшись из плавания, Эпаминонд оплакал смерть друга и осудил жестокую расправу над Орхоменом, а между тем в Пелопоннесе назревали события, увлекшие его в последний роковой поход без возврата.

Вражда демократов и олигархов расколола Аркадию надвое. Обе партии наперегонки засылали посольства в Фивы: демократы, опиравшиеся на Тегею, звали на помощь беотийское войско; аристократы, преобладавшие в Мантинее, просили фиванцев воздержаться от вторжения в Пелопоннес. Обстановка накалилась после того, как начальник фиванского гарнизона, стоявшего в Тегее, арестовал во время праздника многих аркадских олигархов. Хотя под давлением общественного мнения ему пришлось выпустить заключенных и принести извинения, обиженная партия требовала в Фивах его казни. Эпаминонд дал послам резкий ответ: одоблив действия тегейского коменданта, он заявил, что разберется в аркадских делах лично.

В 362 г. фиванская армия совершила четвертый поход в Пелопоннес. Теперь на стороне фиванцев стояли аргосцы, мессенцы и аркадские демократы Тегей и Мегалополя, против них объединились спартанцы, элейцы, ахейцы и аристократическая партия аркадских городов во главе с Мантинеей.

Два дерзких предприятия Эпаминонда прославили его последнюю кампанию. Сначала, когда Агесилай выступил для соединения со своими союзниками к Мантинее, Эпаминонд, разминувшись со спартанцами, совершил стремительный ночной бросок в сторону их обезлюдившего города. Если бы некий перебежчик не известил вовремя спартанского царя, Эпаминонд взял бы Спарту «как беспомощное гнездо». Его солдаты успели уже, перейдя Эврот, прорваться по улицам до городской площади, когда подоспевший Агесилай бросил своих людей в бой и с мужеством отчаяния отстоял

город. Утратив преимущество внезапного нападения, Эпаминонд столь же поспешно вернулся в Тегею и тут же применил уловку ночного марша во второй раз. Поскольку спартанские союзники, устремившиеся на помощь Спарте, были еще в пути, Эпаминонд выслал своих всадников для захвата незащищенной Мантиней. И на этот раз только случай сорвал безошибочный расчет фиванского полководца: к полудню следующего дня его конница была уже у цели, но как раз в этот момент в Мантинею вступили афинские всадники, спешившие со стороны Истма. Ринувшись с ходу в бой, они прикрыли незапертый, беспечный город.

Через несколько дней к Мантинее подтянулись войска обеих коалиций, и 27 июля 362 г. две большие армии вступили в решающий бой. На этот раз преимущество в силе было на стороне Эпаминонда: под его началом сражались 30 тыс. гоплитов из Пелопоннеса и средней Греции. Противники выставили около 20 тыс. бойцов. Известно, что фиванцы вновь прибегли к тактике прямого решающего удара, выстроившись на левом крыле, против лакедемонян; самый же ход битвы описывается в источниках неточно. По признанию Полибия, мастера военного дела, Мантинейская битва имела весьма запутанный характер. Достоверно лишь, что крыло Эпаминонда успешно теснило противника, когда фиванский вождь получил смертельную рану, после этого наступление фиванцев на левом фланге приостановилось, а на правом, где аргосцы бились с афинянами, взял верх неприятель. В конечном счете ни одна из сторон не смогла объявить себя победительницей. Хоть друзья умирающего Эпаминонда сообщили ему о победе, на деле оба противника поставили на поле боя трофеи и разошлись с ничейным результатом.

Два благородных друга, Эпаминонд и Пелопид, обрели могилу в чужой земле, на месте своих побед. Пелопид был похоронен в Фессалии, Эпаминонд — на поле Мантинейской битвы. Гробницу фиванского полководца, не проигравшего ни одного сражения, отметила скромная стела, увенчанная его доблестным щитом.

После битвы при Мантинее все Пелопоннесские государства, кроме Спарты, замирились на условии *status quo*, признав независимость Мессении. Спарта, как и предвидел Эпаминонд, увязла в пограничных стычках с аркадянами и мессенцами. Аркадский союз разделился на две части: северную — с центром в Мантинее и южную — со столицей в Мегалополе. Фиванцы, истощившие силы и средства Беотийского союза, простились с мечтой о гегемонии, ограничив свою политику пределами средней Греции. В 50-х гг. III в. их энергия растрачивалась в столкновении с Фокидой. В это время за Фермопилами фиванский воспитанник Филипп, занявший македонский престол, перехватил дело Пелопида, освободив Фессалию от ферских тиранов. В 352 г. фиванское войско в последний раз прошло через Истмийский перешеек, чтобы оказать помощь Мегалополю против Спарты (352 г.). Накануне столкновения греческого мира с Македонией Фивы все еще считались одним из сильнейших противников иноземного завоевателя. Сила Беотийского союза была сломлена одновременно с гибелью греческой свободы. «Священный

отряд», павший при Херонее, стал арьергардом славного фиванского воинства времен Эпаминонда и Пелопида.

АФИНЫ В IV В. ДО Н. Э.

К ЖИЗНЕОПИСАНИЯМ КОНОНА, ИФИКРАТА, ХАБРИЯ И ТИМОФЕЯ

После Пелопоннесской войны Афины, как мы уже знаем, сохранили свое существование, восстановили былую демократию, но утратили свою «империю» — великую морскую Державу-Архе. Народ, повелевавший более чем двумястами приморскими городами, вновь оказался заключенным в пределы области, границы которой можно обойти пешком за несколько дней. Внутри Аттики война оставила вытопанные поля, вырубленные масличные сады, массу разоренных земледельцев и беженцев, изгнанных из заморских колоний и военных поселений. Между тем победительница Спарта собирала в свою пользу дани с бывших афинских союзников, именovala себя гегемоном Эллады и отдавала поверженному сопернику приказы о поставке вспомогательных войск. Внутренние язвы и внешнее унижение, свежая память об утраченном величии вдохновляли главную идею афинской политики послевоенного времени — восстать из праха, т. е. восстановить Афинский морской Союз. Эту последнюю в истории Афин крупную задачу выполняли последние, как замечает Непот, знаменитые афинские полководцы. Вершина их жизненного пути приходится на годы создания второго Афинского морского Союза, конец жизни — на время его распада. Вскоре после смерти Ификрата, Хабрия и Тимофея афиняне, как и все греки, подчинились македонским царям, а когда 109 лет спустя после битвы при Херонее подкупленный начальник македонского гарнизона освободил город от присутствия своих солдат (229 г.), Афины навсегда вышли из большой политики, перейдя на роль вольного университетского города, став своего рода музеем собственной древней славы.

Подхватывая нить нашего рассказа, прерванного на последних годах V в. до н. э., мы должны вспомнить, что сразу же по окончании Пелопоннесской войны, когда спартанцы стали обращаться с греками с бесцеремонностью хозяев Эллады, два государства, Коринф и Фивы, напомнили Лакедемону о живучести греческого духа свободы: оба города отказались участвовать в походе против Афин (против пирейской партии Фрасибула), а фиванцы, невзирая на официальный запрет Спарты, приютили у себя эмигрантов из Аттики.

В преддверии IV в. до н. э. демократические партии взяли верх почти одновременно в Афинах и Фивах, так что в средней Греции образовался двойной противовес олигархическому стану спартанских союзников и подданных. При подготовке азиатского похода Агесилая Афины и Фивы дружно выступили зачинщиками бунта против спартанской гегемонии: они отказались поставить спартанскому «Агамемнону» вспомогательные отряды, а фиванцы даже сбросили его жертвы с алтаря в Авлиде. В следующем году фиванские демократы спровоцировали конфликт с верными спартанскими союзниками

фокидянами, развязав войну, получившую название Беотийской (395 г.). Начало ей положил карательный поход Лисандра и Павсания в среднюю Грецию, ознаменовавшийся гибелью Лисандра у стен беотийского города Галиарта. В это время афиняне по предложению Фрасибула проголосовали за помощь соседям; перед лицом объединившихся афинских и фиванских сил запоздавший к Галиарту Павсаний покинул Беотию без боя.

Таким образом, в разгар спартано-персидской войны Афины и Фивы нанесли спартанцам удар в спину. Вскоре к ним присоединился Коринф, с самого начала отказавшийся участвовать в походе на Беотию, и заклятый враг Спарты — Аргос. Ходила весьма достоверная молва о персидском золоте, подогревшем воинственность политических лидеров всех этих государств. «Что же касается афинян, — замечает Ксенофонт, — то они и без подкупа жаждали этой войны» (*Греч. ист.* III, 5, 1). Так или иначе, к 394 г. образовалась антиспартанская Коринфская лига с общесоюзным советом, заседавшим в Коринфе под охраной стянутых в город союзных войск. Спартанцы и их пелопоннесские союзники сосредоточили силы у соседнего Сикиона, и в Северном Пелопоннесе началась серия малых, но упорных боев, получивших название Коринфской войны (шла до конца 387 г. как продолжение Беотийской войны). Обе стороны ходили разорять вражеские области, захватывали второстепенные городки и крепости, с переменным успехом дрались за обладание коринфской гаванью Лехеем.

Афинское войско играло едва ли не главную роль в боях под Коринфом, но решающие события, определившие судьбу Афинского государства, развернулись на море.

За 10 лет до описываемых событий греческий династ Эвагор, правивший в городе Саламине на Кипре, приютил у себя афинского стратега Конона, вырвавшегося из побоища при Козьей Речке с 8 триерами. По рекомендации своего гостеприимца Конон поступил на службу к персидскому царю, чтобы вредить Спарте силами персов. Непосредственным начальником его и личным другом стал фригийский сатрап Фарнабаз, чья область более всего страдала от грабежей Агесилая.

В августе 394 г. план афинского патриота увенчался блестящим успехом: возглавляемый им кипро-финикийский флот наголову разгромил спартанскую эскадру при Книде. Спарта разом утратила контроль над водами, островами и берегами Эгейского моря. При попустительстве Фарнабаза Конон изгонял спартанских гармостов из городов Малой Азии и освобождал от спартанского ига островных греков, исподволь восстанавливая заморские связи и владения Афин. Был поставлен афинский гарнизон на острове Кифера, возвратились афинские поселенцы на острова Лемнос, Имброс и Скирос, возобновили союз с Афинами Хиос, Родос и крупнейший город Лесбоса — Митилена.

Весной 393 г. Фарнабаз и Конон бросили якорь у Коринфа, чтобы снабдить солидными субсидиями коринфскую лигу, а затем Конон по разрешению перса завернул на родину, везя в дар согражда-

нам 50 талантов на восстановление кораблей и стен. Когда его 80 триер вошли в Пирей, для Афин поистине пробил час возрождения: с помощью моряков Конона и рабочих, нанятых на его деньги, при подмоге добровольцев-строителей из Беотии в короткий срок были восстановлены укрепления города и значительная часть Длинных стен, символизировавших морскую мощь Афинского государства.

С этого времени пробудились подозрения персов, разглядевших призрак нового Афинского морского Союза. В 392 г. лидийский сатрап Тирибаз, сменивший казненного Тиссаферна, завел переговоры со Спартой и Коринфской лигой об установлении всеобщего мира (это был первый неосуществившийся проект будущего Анталкидова мира) и одновременно бросил в темницу Конона, прибывшего на конференцию в качестве афинского посла. Эскадра афинского адмирала распалась, а сам он умер вскоре после этих событий то ли узником персидской тюрьмы, то ли бездомным изгнанником при дворе Эвагора.

Таким образом, первая попытка восстановить Афинскую морскую Державу провалилась. Однако начало было положено, и дело Конона тотчас нашло преемника. В 390 г. освободитель Афин Фрасибул уговорил Народное Собрание вотировать тяжелый налог на оснащение флота. Поскольку Спарта в это же время стала вновь получать корабельные деньги от Тирибаза, афиняне, готовясь сражаться на море, вступили в союз с Кипром (Эвагором) и Египтом, совместно восставшими против персидского царя. Весной 389 г. Фрасибул вывел в плавание 40 боевых кораблей.

Экспедиция Фрасибула воскрешала цели и методы довоенной афинской политики: афиняне возвращались на море не так, как при Кононе — не в качестве борцов против спартанской гегемонии, но как старые хозяева, способные взять свои исконные владения силой. Самого большого успеха добился Фрасибул на севере: власть Афин была восстановлена на всех островах, в ряде городов Фракии, на Херсонесе Фракийском и, наконец, в Византии и Халкедоне, которые охраняли жерло Боспора со стороны Европы и Азии. Затем афинские корабли двинулись вдоль побережья Малой Азии, то дружески, то насильственно возрождая здесь старые союзные связи. Восстанавливались не только границы, но и порядки первого морского союза: на Геллеспонте появились афинские гарнизоны и стала взиматься транзитная пошлина, в Византии был насильственно изменен политический строй, со многих малоазийских городов пиратским образом взыскивались старинные дани. Грубое утверждение прежней Афинской гегемонии вызвало ропот приморских городов, весьма опасный для шатких еще надежд Афинского государства. Жалобы заморских греков подхватили враги Фрасибула в Афинах, обвинения в лихоимстве возымели свое действие, и народ отрешил победоносного адмирала и его капитанов от должности, призвав их к отчету и ответу. Лишь случайная гибель Фрасибула во время очередного грабительского рейда на берег Памфилии (весна 389 г.) избавила его от печальной участи подсудимого, выпавшей на долю многим славным героям афинской истории.

Скандал, разгоревшийся вокруг экспедиции Фрасибула, открывает новые способы ведения войны, утвердившиеся на рубеже V — IV вв. Флот афинского стратега занимался настоящим каперством, самостоятельно добывая средства на свое содержание; вождь и подчиненные ему командиры имели возможность прикармливать значительную часть добычи и чувствовали себя столь независимыми, что удержали власть дольше положенного срока; команду Фрасибула подозревали в том, что она намерена отколоться от Афинского государства, захватив в свою пользу город на Боспоре. Новые воины и новые военные нравы были характерны и для сухопутных армий 90-х гг. IV в. После 27-летней Пелопоннесской войны во множестве появились люди, вжившиеся в ратный труд, готовые зарабатывать хлеб насущный с помощью меча и копья. В одиночку и отрядами предлагали они свои услуги городам, тиранам и чужеземным царям. В Азии наемники сражались под знаменами Кира и Агесилая. В Греции во время Коринфской войны пресыщенные бражниками афиняне переложили свои ратные тяготы на профессиональных солдат. Афинский гарнизон в Коринфе состоял не из граждан-ополченцев, а из наемных бойцов, и возглавлял его не потомственный воин-аристократ, но сын кожевника Ификрат — талантливый «выскачка», мастер муштры и маневра, друг диких фракийцев, покровитель солдат, жадных, как он говаривал, до денег и удовольствий. В ходе боев под Коринфом Ификрат выработал особый тип наемного войска — средний между фалангой гоплитов и рассыпным строем легковооруженных бойцов. В 390 г. эти ификратовы воины, называвшиеся пельтастами, доказали свои превосходные боевые качества, разгромив целую мору (полк) лакедемонян.

Под Коринфом же совершенствовал навыки профессиональной войны молодой полководец Хабрий, участник фрасибулова рейда, сменивший Ификрата в конце 390 г., когда тот, рассорившись с вождями коринфских демократов, покинул Пелопоннес. В дальнейшем оба эти полководца, вышедшие из школы Коринфской войны, легко переходили с одной службы на другую, увлекая за собой часть своих ветеранов. Чаще всего они командовали в звании афинских стратегов, выполняя задания отечества, но при случае предоставляли свой талант и меч варварским царям и сатрапам, выступая в качестве вольных командиров наемных солдат. На долю этого первого поколения «наемных генералов» и выпали основные труды по воссозданию Афинской державы.

В 80-х гг. после гибели Фрасибула реставрация морского союза приостановилась. Пользуясь небольшими эскадрами в два-три десятка судов, спартанцы опустошали побережье Аттики с Эгины и тревожили афинян на Геллеспонте из Абидоса. В течение двух лет (388—387 гг.) в районе Геллеспонта успешно противодействовал им Ификрат, применявший тактику засад и стычек, освоенную им под Коринфом. Весной 387 г. пересел на корабль Хабрий, посланный на помощь Эвгору по случаю вторжения персов на Кипр. Эта экспедиция означала открытый разрыв между Афинами и персидским царем — и последствия сказались немедленно. По ходатайству

спартанского наварха Анталкида персы, решительно переменяя фронт, заключили официальный союз со Спартой; таким образом, повторилась расстановка сил конца Пелопоннесской войны. Спартанская эскадра, подкрепленная финикийскими кораблями, полностью блокировала Геллеспонт, вновь лишив Афины черноморского хлеба. Одновременно начались вторжения спартанцев в Аргосскую область, мирно благоденствовавшую во все годы Коринфской войны. Успехи лакедемонян казались внушительным прологом к тяжелой и затяжной войне бедных греческих городов с государствами, олицетворявшими Богатство и Силу. Зимой 387—386 гг. Коринфская лига капитулировала, подписав позорный Анталкидов, или «царский, мир» (см. о нем во вступительной статье к спартанским жизнеописаниям). Попытка возрождения Афинского морского Союза разбилась о пресловутый пункт, провозглашавший автономию греческих государств. Афины потеряли все завоевания Фрасибула, но сохранили флот и часть наследия Конона — Длинные стены и северные острова Лемнос, Имброс, Скирос — в качестве залога неугасшей надежды.

После Анталкидова мира для Афин наступил период 8-летнего затишья. Лучшие афинские полководцы искали в это время счастья в чужеземных краях: Ификрат на много лет удалился во Фракию к царю Котису, могущественному владыке царства одрисов, Хабрий отправился в Египет и до конца 80-х гг. обучал войска и возводил оборонительные сооружения в Дельте. Сами Афины всеми силами поддерживали мир с Персией и Спартой, избегая малейшего повода к ссоре. Стоило, например, персидскому царю выразить неудовольствие по поводу присутствия Хабрия в Египте, как вольный командир получил веский совет властей вернуться на родину. И все-таки глеющий огонь ощущался в мирной афинской дипломатии того времени. На море афиняне потихоньку восстановили союзные договоры с Византием и островами, примкнувшими некогда к Конону (Родос, Хиос, Лесбос), в Греции — поддерживали тесные отношения с Фивами и занимались поисками новых друзей. Так, в 382 г. афинские и беотийские послы побывали во Фракии, хлопоча о союзе с Олинфом — главой лиги северных греческих колоний. Известие об этих переговорах вызвало переполох в Спарте и послужило одной из причин отправки Фебидова отряда к Олинфу.

После захвата Фебидом Кадмеи фиванские эмигранты, как мы знаем, нашли приют в Афинах; 3 года спустя два афинских стратега тайно поддержали демократический переворот в Фивах, поставив на беотийской границе отряд, готовый прийти на помощь Пелопиду и его друзьям (декабрь 379 г.) И тем не менее страх афинян перед новой войной был так велик, что при первом же появлении спартанцев в Беотии (зимний поход Клеомброта) толпа обрушила свой гнев на военную партию — оба командира, едва не втянувшие Афины в конфликт, были осуждены на смерть. Только чрезвычайные обстоятельства могли преодолеть укоренившуюся в народе робость. Случай не заставил себя ждать.

По мнению древних историков, ссора между Афинами и Спартой

была намеренно спровоцирована фиванцами, удрученными необходимостью воевать с лакедемонянами один на один. Согласно распространенной версии, весной 378 г. беотархи Пелопид и Горгид через подставное лицо подбили спартанского гармоста Сфодрия, стоявшего со своим отрядом в Феспиях, повторить «подвиг» Фебида, совершив внезапный захват афинского Пирея. Однажды после раннего ужина спартанец поднял своих людей в поход, надеясь за ночь пересечь Аттику и оказаться на рассвете у цели. Расчет оказался неверным, утро застало спартанское воинство близ Элевсина, и Сфодрию не осталось ничего иного, как с позором вернуться назад. Эта авантюра глубоко уязвила афинян. Когда же виновник ее был оправдан в Спарте не без содействия Агесилая, оскорбление пробудило в афинском народе его былую доблесть, толкнув его на разрыв с Лакедемоном, на новые битвы за восстановление бывшего величия Афинского государства. «После этого афиняне с величайшей охотой снова заключили союз с фиванцами и, помогаясь господства на море, разъезжали повсюду, привлекая на свою сторону склонных к отпадению (от Спарты) греков», — так характеризует Плутарх (*Пелоп.* XV) период 70-х гг. — самую победоносную эпоху возрожденного афинского мореплавания.

Выйдя из нейтралитета, афиняне тут же послали Хабрия на помощь фиванцам против Агесилая (378 г.); как раз во время этой кампании афинский стратег применил новый боевой прием, описанный Непотом. В начале следующего года Афины обратились с воззванием ко всем явным и тайным противникам спартанской гегемонии, предлагая им объединиться в союз, отвечающий условиям Анталкидова соглашения, а именно: признающий автономию своих членов и уважающий неприкосновенность персидских владений. Отвергая традиции первого морского Союза и опыт Фрасибула, афиняне обещали не вмешиваться во внутренние дела союзников, не высылать в их земли своих колонистов и не требовать денежных платежей, кроме взносов, назначенных союзным советом. Сами Афины как сильнейшая держава претендовали на военное командование и заведывание союзной казной.

Так, в 377 г. до н. э. был возрожден Афинский морской Союз — ровно через 100 лет после возникновения первого объединения такого рода. По сравнению с Делосским союзом V го в. он отличался не только более демократическими внутренними порядками, но и более скромными размерами; в лучшие времена в состав его входило около 70 государств: Фивы, города Эвбеи, большинство греческих колоний Фракийского побережья, срединные острова Эгейского моря и некоторые приморские области на Западе Балканского полуострова. Вербовка членов производилась в добровольно-принудительном порядке афинской военной эскадрой, выступавшей на помощь местным, проафински настроенным демократам. На годы создания второго (или третьего, как считают историки, учитывающие опыт Конона и Фрасибула) Афинского морского Союза — 70-е гг. IV в. до н. э. — приходятся знаменитейшие деяния Ификрата, Хабрия и Тимофея. Главные события развернулись в 376 — 375 гг.

Прежде всего афинскому флоту пришлось выдержать жестокий бой за господство в Эгейском море. Когда у берегов Аттики появилась большая спартанская эскадра, Наксос и некоторые другие Кикладские острова, недовольные объединительной политикой Афин, переметнулись на сторону Спарты. 16 сентября 376 г. Хабрий наголову разбил островных греков при Наксосу, закрепив их принадлежность к Афинскому морскому Союзу. Как замечает Плутарх, «это была первая морская битва, которую афиняне после взятия их города выиграли, сражаясь против греков собственными силами» (Фок. VI). В память о ней в Афинах был учрежден ежегодный праздник; полководец получил в награду золотой венки, почетную стипендию и освобождение от налогов для себя и потомков.

В 375 г. две большие эскадры расширили сферу афинского влияния на западе и севере. В западных водах Ионийского моря впервые покрылось громкой славой имя Тимофея, сына Конона, присоединившего к Афинскому морскому Союзу материковые города Акарнании, остров Кефалению и царицу западного моря Керкиру — обладательницу мощного флота, уступавшего лишь афинской морской силе. Благородный характер афинского стратега, его тактическая дипломатия, подкрепленная 60 триерами, привлекли на сторону Афин эпирского царя Алкета и фессалийского тирана Ясона. Спартанская эскадра, шедшая по пятам Тимофея, потерпела поражение у акарнанского берега близ города Ализии.

В том же счастливом году Хабрий раздвинул границы Афинского союза во Фракии, восстановив союзные договоры с большинством северных городов и островов, входивших некогда в Афинскую Державу. Могущественная Халкидская лига (Олиф и подчиненные ему города) также примкнула в это время к афинской партии. Из крупных греческих колоний фракийского побережья один лишь Амфиполь, город, стоявший на пути к золотым рудникам, не пожелал поступиться своей независимостью.

После успехов Тимофея и Хабрия существование второго Афинского морского Союза стало неоспоримой реальностью, истощенные военными налогами афиняне могли позволить себе «отдых на лаврах». Уже в 374 г. была предпринята первая попытка замирились со Спартой, сорвавшаяся из-за самовольной помощи Тимофея демократам острова Закинфа. Неудавшийся сепаратный мир свидетельствовал об охлаждении афино-фиванской дружбы. «Афиняне заметили, — сообщает Ксенофонт, — что благодаря им растет могущество фиванцев, что фиванцы не делают никаких взносов на усиление флота...» (Греч. ист. VI, 2,1). Вспомним, что как раз в 375—374 гг. под боком у Афин возрождался новый Беотийский союз, спланиваемый ратными трудами Пелопида.

К счастью для фиванцев, борьба Афин и Спарты затянулась еще на два года, в течение которых завершилось объединение Беотии. В это время первое место среди афинских стратегов занял Ификрат, проживший вдали от Афин целую жизнь, полную битв и перемен судьбы. Военачальник и зять одрисского царя, владетель фракийских крепостей, помощник Фарнабаза во время очередного похода в

Египет (374 г.), он вернулся на родину в самом конце афино-спартанской войны, чтобы внести свою лепту в дело возрождения морской империи афинян. Командование его началось со скандала, отразившего противостояние человеческих и социальных типов тех лет. Едва ступив на родную почву, «выскачка» Ификрат, железный командир и неуживчивый подчиненный (все его отношения с начальством — коринфскими властями, Фарнабазом, даже тестем Котисом — кончались ссорой), повел атаку на Тимофея — главного своего соперника в славе, командира из «благородных», любимца фортуны и друга философов, раздражавшего его солдатскую душу как своей рафинированностью, так и принадлежностью к привилегированной касте, презиравшей «безродного генерала». В 373 г. Тимофей снова должен был вести афинские корабли на Запад, чтобы освободить от осады Керкиру, блокированную спартакцами. По причине истощения афинской казны укомплектовать экипаж уроженцами Аттики оказалось невозможно; весь год ушел на добывание средств в Македонии и вербовку добровольцев на островах Эгейского моря. Осенью Ификрат в союзе с красноречивейшим вождем военной партии Каллистратом, чье имя нам известно по жизнеописанию Эпимонида (см. гл. 6), привлек Тимофея к суду, обвинив его в самовольстве (между прочим — в нарушении мира со Спартой) и дурном командовании. В результате герой западного похода был смещен, торжествующий соперник занял его место, набрал самыми крутыми мерами должное число моряков и отплыл на помощь Керкире, прихватив с собою в качестве помощников Каллистрата и Хабрия (372 г.). Сражаться со спартакцами Ификрату не пришлось, поскольку керкиряне еще до его появления успели разбить противника своими силами, но экспедиция «профессионального» стратега произвела большое впечатление на обитателей Ионийского моря, лицемерших великолепную дисциплину и маневренность афинского флота. Не оставаясь без дела, Ификрат захватил в плен сиракузскую эскадру, шедшую на выручку лакедемонянам, оказал помощь дружественным городам Акарнании и сурово взыскал дань с непокорных городов Кефалении, упрочив приобретения Тимофея на западе.

Походом Ификрата завершилась семилетняя война Афин и Спарты. В 371 г. исконные лидеры Эллады замирились перед лицом молодого Беотийского союза, чьи силы и успехи возрастали со дня на день. На знаменитом конгрессе в Спарте, как мы помним, была сделана попытка обновить Анталкидов мир, запрещающий всякие союзы, кроме объединений автономных государств. Спарта поспешила признать существование и автономию Афинского морского Союза со включением в него еще не завоеванных Амфиополя и Херсонеса Фракийского; Афины, со своей стороны, согласились, чтобы спартакцы подписали общегреческий мирный договор за себя и за своих пелопоннесских союзников, из городов которых демонстративно выводились лакедемонские гарнизоны. Одновременно против фиванцев было пущено в ход требование предоставить независимость беотийским городом. Дипломатия эта, как известно, имела своим следствием битву при Левктрах, развал Пелопоннесского союза и полное

крушение спартанской гегемонии. Афинский морской Союз также понес чувствительную потерю — вскоре после победы Эпаминонда от него отпали города Эвбеи. Освободительные лозунги фиванцев, своеобразно сочетавшиеся с фактическим первенством их армии в Элладе, обещали большие неприятности всем старым проводникам великодержавной политики. Поэтому при первом вторжении фиванской армии в Пелопоннес произошло из ряда вон выходящее событие: спартанцы явились в Афины просить о помощи, и афинское Народное Собрание после бурных дебатов постановило заключить союз с кровным врагом государства (370 г.). С этого времени до конца 60-х гг. внешняя политика Афин имела два основных фронта: на водах расширялись границы второго морского Союза, на суше — развивалось соперничество с фиванцами — единственными соперниками афинского влияния после выхода Спарты из числа великих государств Греции.

Дважды афинские стратеги пытались преградить Эпаминонду дорогу через Истмийский перешеек: Ификрат — при возвращении фиванцев из 1-го пелопоннесского похода (зима 369 г.), Хабрий — в начале 2-го вторжения Эпаминонда в Пелопоннес (лето 369 г.). В Фессалии Афины помогали Александру Ферскому против Пелопида, в Пелопоннесе — перетянули на свою сторону Аркадский союз (см. вступительную статью к беотийским жизнеописаниям). В 362 г. афинская конница отбила фиванцев от Мантинеи, афинское ополчение приняло участие в знаменитой битве, разыгравшейся у стен этого города, и среди нескольких версий гибели Эпаминонда большим доверием пользовалось утверждение, что непобедимый полководец принял смерть от руки афинянина Грила, сына известного историка Ксенофонта.

Противоборство Афин и Беотийского союза кончилось с гибелью Эпаминонда, не успев вылиться в прямое столкновение двух потенциальных гегемонов Эллады. Годы между Левктрой и Мантинеей были последним периодом гордых имперских притязаний Афинского государства. На севере афиняне 10 лет осаждали Амфиполь (с 368 г.) и воевали с фракийскими князьями Котисом и Керсоблептом за обладание Херсонесом Фракийским; на востоке, отвергнув Пелопидов мир (см. вступительную статью к беотийским жизнеописаниям), осмеливались задеть самого персидского царя. Среди событий тех лет особенно прославилась деятельность Тимофея на службе фригийского сатрапа Ариобарзана, поднявшего мятеж против своего повелителя. Афинский стратег повторил тактику отца своего Конона, употребив силы и средства варваров на благо Афинам: через 10 лет после западного похода (365 г.) он изгнал гарнизон великого царя с острова Самоса, заселив его афинскими колонистами, и поднес в дар отечеству Сест и Критоту — старые афинские колонии на Херсонесе Фракийском, уступленные ему сатрапом за усердную и успешную помощь.

В те же годы Ификрат командовал на Геллеспонте и под Амфиполем, не стяжав существенного успеха. Во второй половине

60-х гг. на севере разыгрался новый вариант старого соперничества: Тимофей, посланный на смену своему бывшему обвинителю, вступил в борьбу с Котисом, вознамерившимся изгнать афинян из Сеста; смещенный и, видимо, обиженный Ификрат принял сторону своего фракийского тестя. Таким образом, у берегов Фракии разгорелась война двух афинских полководцев, один из которых официально возглавлял силы своего отечества, другой в качестве наемника командовал флотилией одрисов, уклоняясь, правда, от прямого нападения на афинские крепости.

После битвы при Мантинее и заключения общегреческого мира (362 г.) Афины не имели достойного соперника ни на суше, ни на море. В это время сошла со сцены крайняя демократическая партия, проводившая антифиванскую политику последних 12-ти лет: в 361 г. в Афинах начались процессы над стратегами, потерпевшими поражения под Амфиполем; самой значительной жертвой этих судилищ стал Каллистрат — глава афинской политики 70—60-х гг., оппонент Эпаминонда, соратник Ификрата по западному походу 372 г. Сам Ификрат переждал шквал судебной активности демоса в своих фракийских крепостях; Хабрий, третий участник ификратовой западной экспедиции, подался на службу к египетскому царю Таху, задумавшему поход на персидские владения в Сирии (361—360 гг.). Расстановка политических сил в Афинах полностью изменилась: в конце 60-х гг. состоялось примирение Ификрата и Тимофея, закрепленное браком их детей, с начала 50-х гг. афинскую внешнюю политику возглавила группировка благородного сына Конона. Второй Афинский морской Союз достиг в эту пору апогея своего могущества, но завоеванное господствующее положение на море удерживалось огромным напряжением сил. Грозным знаменем будущих бед стали поражения афинских войск под Амфиполем. В 368 г. при начале осады этой фракийской «Трои» от Афин отшатнулось объединение Халкидских городов во главе с Олинфом. В 364 г., когда перед взором афинских союзников внезапно предстала эскадра Эпаминонда, поколебалась верность самых значительных членов Афинской лиги: Византий переметнулся на сторону Беотийского союза, Хиос и Родос вступили в дружеский контакт с фиванцами. На 357 г. приходится последние крупные успехи внешней политики Афин и первые потрясения, сложившиеся в звенья единой катастрофы. В этом году стратег Харес победоносно закончил войну с Керсobleптом на Херсонесе. Фракийском, заселив отвоєванные земли очередной партией афинских колонистов; одновременно войско, посланное на Эвбею по инициативе Тимофея, вытеснило из городов острова беотийские отряды, вернув их в лоно Афинского Союза. Но в то же лето молодой македонский царь Филипп, разыгрывавший роль преданного друга афинян с момента своего вступления на престол (359 г.), захватил и удержал в своих руках вождьеленный Амфиполь. Вслед за этим взбунтовались союзники, радовавшиеся в свое время появлению в Эгейском море эскадры фиванцев. Теперь у всех государств, тяготившихся игом афинской власти, объявился новый покровитель в лице карийского династа Мавзола, завершившего объединение своей страны.

Нацеливаясь на восстановление древней островной Карийской державы, но не имея еще силы тягаться с Афинским морским Союзом, владыка Карии постарался развалить державу соперника изнутри. При подстрекательстве Мавзола, при поддержке его военного флота, базировавшегося в гавани новой карийской столицы Галикарнаса, Византий, Родос, Хиос и Кос заявили о своем выходе из Афинской лиги. Осенью 357 г. началась Союзническая война (357—354 гг.), в которой решалась судьба великой Афинской Державы.

Три знаменитейших афинских стратега приняли участие в борьбе за спасение созданного их трудами морского Союза и сошли с исторической сцены в ходе развернувшихся баталлий. В 357 г. при осаде Хиоса пал Хабрий. В следующем году у берегов того же острова закатилась счастливая звезда Ификрата и Тимофея: воздержавшись от участия в битве, затеянной в бурю их опрометчивым товарищем по командованию Харесом, прославленные полководцы вынуждены были оправдывать свои действия перед судом подозрительного и переменчивого афинского демоса. Ификрат оправдался — не без помощи, как гласит древний анекдот, своих фракийских ветеранов, а Тимофей был приговорен к огромному штрафу в 100 талантов и удалился в изгнание на Эвбею. Оба престарелых военачальника умерли в конце 50-х гг. через несколько лет после судебной расправы, печально увенчавшей их бурную и славную жизнь. На их веку началась и закончилась история второго Афинского морского Союза: в 354 г. истощенные военными издержками афиняне приняли ультиматум нового энергичного персидского царя Артаксеркса Оха (вступил на престол в 358 г.), потребовавшего отзыва афинских кораблей от берегов Азии. После этого удерживать союзников силой оказалось невозможным: на востоке обрели свободу Византий, Хиос, Родос и Лесбос, на западе — гордая своей эскадрой Керкира. Когда в Афинском Союзе остались лишь Эвбея и мелкие острова Эгейского моря, мечта о великой морской Державе оказалась похороненной навсегда. Греческий мир вступил в последнее десятилетие своей свободной истории (40-е гг. IV в.), не имея ни одного государства, способного претендовать на объединение Эллады.

СИЦИЛИЯ В IV В. ДО Н. Э. К ЖИЗНЕОПИСАНИЯМ ДИОНА И ТИМОЛЕОНТА

Жизнеописания знаменитых тираноборцев переносят нас в западную часть эллинского мира, на берега южной Италии и Сицилии, густо усеянные греческими колониями. Во времена Гомера это были в глазах греков, сказочные земли, населенные волшебниками и чудовищами — Цирцеями и Сиренами, Сциллами и Харибдами. в VII—VI вв. до н. э. фантастический туман рассеялся, из западных греческих колоний потянулись в Эгейское море корабли, груженные маслом, вином и хлебом. Приобрели известность первые писанные законы, составленные Зелевком из итальянских Локр и Харондом

из сицилийской Катаны. Прославились учение самосского эмигранта-мудреца Пифагора, нашедшего в Италии вторую родину, и союз его учеников, ставший со временем не только знаменитым философским содружеством, но и воинствующей олигархической партией Великой Греции (Южной Италии).

Жизнь архаических колоний Западного Средиземноморья шла тем же чередом, что и на востоке: борьба демоса и аристократии, установление и падение тираний, войны между эллинскими городами наполняли столетия великой колонизации. Как и на востоке, силы италийских и сицилийских эллинов были распылены перед лицом варварского окружения, представленного на западе пиратами-этрусками, полудикими италийскими племенами и закованными в тяжелые доспехи финикийцами-карфагенянами, чей надменный город возвышался на африканском берегу против Сицилии.

Финикийская колонизация этого плодороднейшего острова началась еще до появления на нем греков. После наплыва греческих колонистов обитатели многочисленных финикийских факторий покинули большую часть Сицилии, переселившись в три города, расположенных на ближайшем от Карфагена берегу. В начале V в. до н. э., когда на Сицилии образовались сильные греческие царства с центрами в Акраганте и Сиракузах, управляемые тиранами-полководцами Фероном и Гелоном, карфагеняне и персы одновременно двинулись походом на западных и восточных эллинов. В 480 г. в сражении при Гимере, происходившем, по преданию, в один день с битвой при Саламине, сицилийские тираны уничтожили огромную армию карфагенского вождя Гамилькара, почти на столетие отбросив пунов в пределы их исконных владений. Через несколько лет брат и преемник Гелона Гиерон Сиракузский разгромил в морском сражении при Кумах карфагенских союзников этрусков (474 г.), одним ударом покончив с владычеством варваров в Тирренском море.

В правление обоих братьев Сиракузы стали сильнейшим и знаменитейшим городом эллинского Запада. Сиракузские тираны именовали себя «архонтами Сицилии», их блистательный двор воспевали поэты всего греческого мира, их царство включало в себя многие города острова, а имперские вождедения простирались за Массенский пролив, на области Великой Греции. С эпохи Гелона вплоть до завоевания Сицилии Римом на острове повторялся один и тот же цикл событий: в периоды сиракузских тираний создавались крупные объединения сицилийских городов, при республиканских и демократических властях происходил распад Сицилийской державы.

Сиракузская тирания, процветавшая, погибавшая и возрождавшаяся через определенные промежутки времени, имела глубокие почвенные корни. Главный город Сицилии был начинен долговечными социальными противоречиями, способствующими установлению сильной власти. Обычная для греческого мира борьба между демосом и аристократией усугублялась здесь наличием крупного земельного владения, возникшего в эпоху начального раздела сельской округи. Вражда между магнатами-гаморами, потомками первых колони-

стов, и основной массой мелкого деревенского люда, грозный лозунг передела земель — переходили из столетия в столетие, поднимая волны смут и погромов. В то же время мастерские, гавань и флот богатого торгового города плодили и питали многочисленную толпу городского демоса, живо откликавшегося на проповеди социальных реформаторов. Вечные распри народа и знати создавали благоприятную почву для беспринципных искателей власти. Кроме того, Сиракузы страдали от периодических карфагенских нашествий, во время которых усиливалось значение военных вождей.

Сиракузская тирания V в. пала со смертью Гелона в 466 г.; в это же примерно время демократы Италии учинили погром Пифагорейского союза. Растеряв свое царство, сиракузяне вернулись к республиканской форме правления, продержавшейся ровно 60 лет. В конце этого периода, после неудачного похода афинян на Сицилию, благодаря победам сиракузского флота, повлекшим за собой усиление корабельного люда, государственный строй Сиракуз изменился в сторону крайней демократии, напоминающей афинские порядки. Сразу вслед за тем, на исходе Пелопоннесской войны, на Сицилии возобновились давно забытые ужасы карфагенских вторжений.

В 409 г. первый высланный из Карфагена десант стер с лица земли Гимеру, ненавистную пунам памятью об их великом поражении. Ганнибал, внук погибшего под Гимерой Гамилькара, принес пленных в жертву тени своего деда. Во время второго нашествия Ганнибала объединенную армию сицилийских греков возглавил незнатный 25-летний сиракузский офицер Дионисий, примыкавший сначала к аристократической партии «всадников». В разгар военных неудач он выступил искателем народной благосклонности, завоевав симпатии толпы критикой неудачливых стратегов и расправой над аристократами города Гелы. Облеченный по воле Народного Собрания полномочиями верховного командующего, опираясь на силы наемников и телохранителей, летом 405 г. Дионисий захватил арсенал и стал полновластным хозяином Сиракуз. Устойчивость его власти обеспечила частичный передел земли в пользу солдат, бедняков и отряда отпущенных на волю рабов. Установление второй великой западной тирании совпало с окончанием Пелопоннесской войны на востоке; просуществовала она 50 лет, охватив всю первую половину IV в. до н. э., и состояла из правления двух Дионисиев — отца и сына.

После Пелопоннесской войны у западных и восточных эллинов сложилась сходная ситуация: в то самое время, когда Агесилай, вождь всей Греции, вторгся в Азию, собираясь идти на столицу персидского царя, Дионисий Старший поднял греческую Сицилию на решительный бой с пунами (397 г.), мечтая о полном изгнании варваров с острова. За годы своего долгого правления «архонт Сицилии» вел три войны с Карфагеном и умер в начале четвертой. После многих перемен военного счастья, когда карфагеняне то разбивали лагерь под стенами Сиракуз (396 г), то откатывались к границам своих старых крепостей, в конечном счете северо-западная треть острова осталась за ними, остальные две трети Сицилии

вошли в состав возрожденного Сиракузского царства. Установившаяся тогда граница по р. Галику сохранялась до римской эпохи. В 80-е гг. IV в. Дионисий завоевал ряд городов Великой Греции и основал свои опорные пункты на берегах Адриатического моря (на острове Иссе, в Анконе, в Адрии), вступив в сношения с иллирийцами и эпирами. Держава его раскинулась по обе стороны Мессенского пролива, словно стена, оградившая западных эллинов от пунов и воинственных туземцев Италии.

Дионисий Старший, властный самодержец западных эллинов, сковавший свое царство «адамантовыми цепями», воплотил в себе классический образ истинного тирана. Наделенный от природы многими добродетелями, этот человек тем очевиднее доказал своим примером, что тирания, как выразился он сам в одной из своих трагедий, мать несправедливости. Добрый семьянин, скромный домохозяин, приветливый владыка, поклонник нравственных устоев, давший своим дочерям имена Добродетели (Арета), Справедливости (Дикайосина) и Умеренности (Софросина), он был безжалостен к противникам своей власти, болезненно подозрителен и капризен, как настоящий деспот. Философские наклонности не помешали ему выслать от своего двора или даже продать в рабство Платона, сентиментальные слезы не останавливали казни бывших друзей, родственные чувства не препятствовали изгнанию потерявших доверие домочадцев. Пожалуй, самой человеческой слабостью железного владыки было его любительское стихотворство, вызывавшее насмешки современников; когда одна из трагедий Дионисия завоевала вдруг первую награду на афинской сцене незадолго до кончины автора, злые языки пустили слух, что тиран умер от радости.

Дионисий Старший почил в своей постели на исходе зимы 367 г.; в это время на востоке померкла слава великой Спарты, сокрушенной победами Эпаминонда. В доме сиракузского владыки остались сыновья от двух жен — знатной сиракузянки Аристомахи и некой Дориды из итальянского города Локры. Место отца заступил первенец, рожденный локрянкой — Дионисий Младший; большим влиянием пользовался при дворе Дион, брат Аристомахи, бывший доверенный советник старого тирана.

Начало царствования неопытного и разгульного юноши сулило смягчение суровой власти. Ярким эпизодом этого времени стала попытка перевоспитания тирана, подробно описанная у Плутарха. В отличие от железного деспота Дионисия Старшего наследник его являл собой тип сластолюбивого царя. Пользуясь податливостью молодого человека и некоторыми добрыми задатками его натуры, «дядюшка» Дион, тайный поклонник свободы, вознамерился привить «племяннику» отвращение к ненавистой всем тирании. С этой целью в Сиракузы вновь был призван Платон, с усердием взявшийся за необычное дело преобразования тирана в идеального правителя. Начальный успех философской проповеди превзошел все ожидания: дворец покрылся пылью от геометрических чертежей, разгульные застолья уступили место «пирам мудрецов», молодой правитель настолько увлекся личностью и наукой своего гостя, что начал страст-

но ревновать его к Диону. Дело уже дошло до того, что Дионисий публично именовал свою власть проклятием, но внезапно запасы его добродетели истощились, натура тирана взяла верх, и учителям нравственности пришлось покинуть сиракузский двор: Дион был бесцеремонно выдворен в Коринф, Платон отпущен на родину с изъявлениями глубокого сожаления.

Дальнейший ход событий довольно подробно изложен Непотом в его сицилийских жизнеописаниях. Через 10 лет после неудачного педагогического опыта изгнанник Дион, усовершенствовавший свою доблесть в афинской Академии Платона, наберявал пелопоннесских наемников и отплыл на Сицилию, чтобы низвергнуть сиракузскую тиранию уже не словом, но силой. Поход увенчался успехом: сицилийские города выслали навстречу Диону подкрепления, сиракузяне открыли перед ним ворота, и Дионисий, пытавшийся некоторое время защищать остров Ортигию — гнездо тиранов, в конце концов сдал крепость и в свой черед покинул Сицилию, удалившись на 10 лет в итальянскую часть своего царства, на родину матери — в Локры.

Четыре года освободитель Дион правил Сиракузами в качестве стратега с неограниченными полномочиями. За этот срок он потерял расположение всех партий: бедняки остались недовольными решительными противодействиями его переделу земель и расправой с адмиралом Гераклидом — вождем портовой демократии; богачи роптали на обременительные налоги, конфискации и чрезвычайную власть полководца. Ко всеобщему возмущению Дион сохранил в неприкосновенности крепость тиранов на острове, при нем подвизались племянники Гиппарин и Нисей — дети Дионисия Старшего.

У Плутарха жизнеописание Диона дано рядом с биографией римского тираноубийцы Брута. Не только сходство судьбы и характера роднит этих героев, но и общность их положительного идеала: Брут выступал защитником олигархической Республики, Дион мечтал учредить в Сиракузах государственный строй аристократического, спартанского или критского, типа; недаром, будучи гостем Спарты в годы изгнания, он вызвал такую глубокую симпатию у лакедемонян, что те даровали ему спартанское гражданство.

В 353 г. поклонник свободы или тайный честолюбец Дион (мнения историков на этот счет расходятся) пал жертвой заговора. После краткого правления его преемников заговорщиков Каллиппа и дионовых племянников — городом вновь овладел Дионисий Младший (346 г.). Пришлось искать нового освободителя для окончательного искоренения сиракузской тирании. Посольство сиракузян отправилось за помощью на восток, в древнее свое отечество — Коринф. К этому времени, как пишет Плутарх, войны уже успели разорить и обезлюдить чуть ли не всю Сицилию, многие города попали в руки наемных солдат и большой карфагенский флот подошел к берегам острова. В 345 г. коринфский отряд в тысячу бойцов, ведомый доблестным Тимолеонтом, ускользнув от сторожевых карфагенских судов, достиг берега Сицилии. Обрастая помощниками и переходя от одной победы к другой, на редкость удачли-

вый полководец через 50 дней после высадки освободил Сиракузы от тирании, на пятом году походов и сражений нанес сокрушительное поражение пунам (340 г.). Накануне установления в Греции македонского господства вся Сицилия благодаря успехам Тимолеонта вступила в краткий период мира и свободы. Благие плоды тимолеоновых побед придали его историческому образу неповторимое очарование, затмившее ореол суровой и одинокой добродетели Диона. Впрочем, контраст между двумя освободителями Сицилии запечатлен не столько на страницах Непота, сколько в жизнеописаниях Плутарха, где фигуры двух тираноборцев вылеплены как величественные статуи, изображающие героя трагического и героя счастливого.

НА ГРАНИЦЕ КЛАССИКИ И ЭЛЛИНИЗМА К ЖИЗНЕОПИСАНИЯМ ФОКИОНА И ЭВМЕНА

Жизнеописания афинского стратега Фокиона и безродного полководца-авантюриста Эвмена занимают пограничное положение между двумя крупными эпохами греческой истории — классикой и эллинизмом. С первым периодом, охватывающим V — IV вв. до н. э., мы знакомы по большинству непотовых биографий; под эпохой эллинизма понимается время существования греческих государств и греко-восточных монархий от начала Империи Александра Македонского до римского завоевания Восточного Средиземноморья (III — I вв. до н. э.).

Юные и зрелые года афинянина Фокиона, родившегося около 402 г. до н. э., связаны с историей свободных классических городов-государств IV в. до н. э.: на его веку происходило возвышение Фив, крушение спартанского засилия в Греции, возникновение и распад второго Афинского морского Союза. Однако самый напряженный и трагический период жизни Фокиона начался на закате его дней, в 40-е гг. IV в., когда окрепшее Македонское царство, управляемое твердою рукой Филиппа II, стало активно вмешиваться в дела греческого мира, претендуя на роль четвертого (после Афин, Спарты и Фив) гегемона Эллады.

В конце 50-х гг., после выхода из Афинского Союза сильнейших его членов, к власти в Афинах пришла мирная партия, отказавшаяся от традиционной имперской политики великой морской Державы. Военные операции велись только ради защиты жизненно важных владений афинского народа во Фракии, прежде всего — на Херсонесе Фракийском. Афинский флот еще господствовал в Эгейском море, но казна была настолько истощена, что в городе временами закрывались суды: не хватало денег для выплаты жалования гелиастам. Сухопутная армия комплектовалась в основном из наемников, сами афинские граждане не проявляли боевого энтузиазма. Во главе мирной партии, трезво учитывавшей все эти обстоятельства, стояли знаменитый финансист и администратор Эвбул и талантливый стратег Фокион, ученик Хабрия, совмещавший в себе дарования полководца, оратора и политика.

Главные противники афинян фиванцы находились примерно в таком же положении, переживая закат великодержавной политики Эпаминонда и Пелопида. По прихоти судьбы они сами раздули на своей границе пожар большой войны, раздражив вечных своих соперников — фокидян. На территории Фокиды находилось знаменитое общегреческое святилище — Дельфийский храм, интересы которого представляла Дельфийская амфикифия — союз племен средней Греции, возглавляемый в те годы Фивами. В 356 г. фиванские должностные лица, придравшись к незначительным обстоятельствам, обвинили в святотатстве нескольких знатных фокидян, поставив их перед необходимостью уплатить большой штраф. В ответ «святотатцы» возмутили Народное Собрание, ограбили неприкасаемую дельфийскую сокровищницу и на деньги Аполлона на вербовали сильную наемную армию, на 10 лет ставшую бичом средней Греции. Фокидские стратеги, агрессивностью своей и объемом власти не уступавшие тиранам, отторгли от Беотийского союза Коронею, прибрали к рукам и возродили обезлюдевший Орхомен, заняли Фермопильский проход и, вступив в союз с ферскими тиранами Ликофроном и Пейфолоем, уничтожили плоды пелопидовых побед в Фессалии.

Ослаблением великих государств Греции воспользовался северный сосед греков — Филипп II Македонский. Во Фракии он начал расширять свои владения, подступая к границам афинского Херсонеса: в 357 г. царь присвоил себе завоеванный для афинян Амфиполь; в 348 г., порвав союз с Халкидской лигой, разрушил главный ее город Олинф, включив остальных союзников в состав Македонского царства; в конце 40-х гг. приступил к осаде крупнейших центров Пропонтиды — Перинфа и Византия. В то же время в средней Греции македонский царь выступил на стороне Дельфийской амфикифии против святотатцев-фокидян. В 352 г. войско его нанесло решительное поражение фокидским наемникам на Крокусовом поле в Фессалии. После этой победы Филипп довел до конца дело, начатое Пелопидом, — уничтожил тиранию в Ферах, завоевав вечную признательность фессалийцев. Некоторое время спустя он был избран тагом (главой) Фессалийского союза; великолепная фессалийская конница присоединилась к его войску, дошедшему до Фермопил — ворот в среднюю Грецию.

Рост македонского могущества не мог не встревожить бывших гегемонов Эллады — фиванцев и афинян, но первые получили от Филиппа помощь в «священной войне» с фокидянами и считались его союзниками, а вторые сопротивлялись захватам македонянина во Фракии при печальной нехватке людских и материальных ресурсов. Тем не менее на рубеже 50—40-х гг. в Афинах сложилась влиятельная анимакедонская партия воинственных патриотов, видевших в северном варварском царе главного, непримиримого противника Афинского государства и всей Эллады. Передовым бойцом этой группировки стал величайший афинский оратор Демосфен, чьи страстные речи разжигали выдохнувшую доблесть афинского народа. Постоянным оппонентом его выступал Фокион, отстаивавший ли-

нию замирения с Македонией на приемлемых условиях. Один лишь раз после таких катастрофических событий, как разрушение Олинфа и одновременное отпадение от Афинского Союза острова Эвбеи, подготовленное агентами македонского царя, намерения обеих группировок совпали: в 346 г. афинское посольство, составленное из представителей как эвбуловой, так и демосфеновой партии, заключало с Филиппом мир (Филократов мир — по имени главы посольства), расценивавшийся патриотами как вынужденная временная передышка. Воспользовавшись нейтрализацией Афин, македонский царь тут же форсировал Фермопильский проход и всю мощью обрушился на активнейших своих противников — фокидян: крепости Фокиды были скрыты, оружие отобрано, зачинщики святоотчества отправлены в изгнание, место фокидян в Дельфийской амфиктионии занял Филипп II. Результаты Филократова мира вызвали глубокое разочарование афинского народа. Начались процессы над вождями мирной партии — виновниками поражения Фокиды. Резко возросло влияние Демосфена, буквально натравливавшего на своих политических противников охваченную шпиономанией толпу. В конце 40-х гг. партия его переживала период расцвета. Строительство македонских крепостей во Фракии толкнуло к союзу с Афинами Византий и Перинф; вмешательство Филиппа во внутренние дела Эпира, притязания его на крупный западный город Амбракию сплотили в антимакедонскую коалицию ранее враждовавшие между собой государства Пелопоннеса. Демосфен всеми силами добивался восстановления добрых отношений с фиванцами, сухопутная армия которых со времен Эпаминонда считалась сильнейшей в Греции. Наконец, летом 340 г. доска с текстом афино-македонского договора была разбита, на протяжении двух последующих лет афинский флот успешно действовал в Пропонтиде, отбивая македонян от Византии и Перинфа. Поздним летом 339 г. очередная священная война, объявленная посягнувшим на сакральное поле локрам, позволила Филиппу вторично ввести войско в среднюю Грецию. В этот роковой момент фиванцы сделали решающий выбор, присоединившись к патриотической эллинской коалиции; афиняне, со своей стороны, впервые признали гегемонию Фив в Беотии. В августе 338 г. греки и македоняне скрестили оружие у беотийского городка Херонеи. Бок о бок выстроились против Филиппа пелопоннесские союзники афинян (коринфяне, ахейцы, мегаряне) и ополчения крупных островов — Эвбеи и Керкиры; фланги эллинского войска занимали фиванцы и афиняне. Главный удар македонян обрушился на правое крыло противника, где стояли наследники Эпаминонда: отряды 18-летнего царевича Александра после упорной сечи прорвали сплоченный беотийский строй, изрубили «священный отряд» и ударили в тыл наступающим афинянам, решив дело в пользу македонского царя. Стоявшие в центре ополчения союзников обратились в бегство, треть обескровленного афинского войска попала в плен.

Исход сражения парализовал всю Грецию. Беотийцы полностью подчинились победителю, впуслав в Кадмею иноземный гарнизон.

Афиняне готовы были в порыве отчаяния защищаться с помощью наемников, но в конце концов, вняв трезвым увещаниям Фокиона, запросили мира.

В годы зреющего столкновения с Македонией Фокион добросовестно выполнял обязанности стратега, то доблестно сражаясь с мятежными эвбейскими городами, то успешно командуя эскадрой, посланной на помощь Византию. После сражения при Херонее он убеждал сограждан принять требования Филиппа, однако советовал им воздержаться от участия в общем мирном договоре, пока не станут известны предложения царя. Афиняне послушались своего стратега наполовину: с одной стороны, подчинились условиям Филиппа, который требовал роспуска Афинского морского Союза и уступки Херсонеса Фракийского, с другой, немедленно отправили своих представителей на общегреческий съезд, созванный для урегулирования греко-македонских отношений.

В 337 г. послы греческих государств, съехавшиеся по приглашению Филиппа в Коринф, учредили Эллинский союз, возглавленный македонским царем. Все члены этой лиги провозглашались свободными и автономными. Запрещались насильственные политические перевороты и пределы имущества в границах Союза. Между Эллинской лигой и Македонией заключался оборонительный и наступательный союз, участники коалиции обязались выставить контингенты в общесоюзное войско, поставленное под начало Филиппа. Из всех греческих государств одна Спарта отказалась присоединиться к договору. Афиняне, пренебрегшие советом Фокиона, горько пожалели о своих кораблях и коннице, переданных македонскому царю.

Когда Греция приняла унижительный македонский протекторат, Фокиону перевалило за 60. Но ему было отмерено еще достаточно времени, чтобы он стал свидетелем убийства Филиппа в Эгах (336 г.), восстания фиванцев и разрушения их города (335 г.), восточного похода Александра, сына Филиппа (334—325 г.) Век Фокиона даже слишком затянулся, обрекая 80-летнего стратега на участие в жестоких междоусобицах, охвативших греческий мир при разделе наследия великого завоевателя. Едва в Грецию пришла весть о смерти Александра (323 г.), как Афины возглавили освободительное антимакедонское движение, вспыхнувшее во многих государствах Эллады. Фокион, считавший, что афиняне не готовы «к бегу на длительную дистанцию», воздержался от участия в главных сражениях, происходивших в Фессалии, но встал во главе сограждан, как только македонский десант высадился на берег Атики. После поражения и развала антимакедонской коалиции (322 г.), когда блюститель македонского престола Антипатр выступил в карательный поход на Афины, Фокион взял на себя переговоры с разгневанным противником, дабы любым способом предотвратить полную гибель отечества. Спасение было куплено ценой уничтожения демократии и независимости Афин: по требованию македонян 12 тыс. бедных афинян лишились гражданских прав; часть этой массы, во избежание волнений, была переселена во Фракию;

в Мунихию вступил македонский гарнизон: высшие должности заняли консервативные представители мирной партии, по отзыву Плутарха — самые мягкие и образованные люди из имущего класса. Творцом и главой этого правления оказался Фокион, известный приверженностью к спартанским порядкам. Неудивительно, что в глазах афинского демоса некогда уважаемый вождь сразу стал предателем и олигархом: в расчет не принимались ни вся предыдущая жизнь его, отмеченная лояльным подчинением законам отеческой демократии, ни его старания смягчить навязанный иноземцами оккупационный режим.

Марионеточное правительство Фокиона продержалось у власти около двух лет, до начала смуты внутри Македонского царства. В 319 г. умер Антипатр, и сразу вспыхнула война между почтенным полководцем Полисперхонтом — официальным наследником регенства и Кассандром — сыном покойного блюстителя Македонии. Афиняне, впустившие в Мунихию гарнизон Кассандра, получили вскоре послание Полисперхонта, в котором содержался совет восстановить демократический строй, т. е. свергнуть власть антипаторовых ставленников, сохранивших верность его сыну. Вслед за посланием двинулось к Афинам войско, сопровождаемое толпами бедных афинских изгнанников. В этих обстоятельствах разыгралась трагедия, описанная Непотом: престарелый Фокион был заклан как жертва на алтаре восстановленной демократии (весной 318 г.). По внешнему ходу событий жизнь его оборвалась при столкновении старинных партий классической Греции, по сути — была загублена царскими вождельниками героев новой эпохи.

Это новое время отразилось в жизнеописании Эвмена, которое вводит нас в жестокий солдатский мир начального эллинизма, в среду полководцев-диадохов, наследников Александра, занятых дележом его Державы.

Сразу после смерти великого полководца, в июне 323 г., на сходках македонского войска и конницы были определены законные наследники его власти: всадники провозгласили царем сына Александра от бактрианки Роксаны, рождения которого ожидали в самом скором времени; патриотически настроенная пехота выдвинула в соправители слабоумного Арридея (прозванного Филиппом), побочного сына Филиппа II, отличавшегося чистотой македонской крови. За спиной этих бессильных фигур возвысились полководцы-протекторы, взявшие бразды правления в свои руки.

Идея единого государства и единой власти сохранялась в двух соперничающих станах: в Европе регентом царского дома был признан престарелый Антипатр, исполнявший при Александре обязанности наместника Македонии, в Азии — Пердикка, завладевший перстнем Александра и особами юных царей. Любимейший командир македонской армии Кратер, объявленный верховным простатом царской семьи, женился на дочери Антипатра, всецело подчинившись влиянию тестя.

Среди диадохов второго ранга огромным влиянием пользовались Птолемей — наместник Египта, Селевк — сатрап Вавилонии и

Антигон Одноглазый — правитель Великой Фригии. Первые двое стремились урвать самостоятельные владения, третий исподволь наращивал силы, чтобы вырваться в первый ряд борцов за первенство в Европе и Азии.

Великая борьба честолюбий началась со схватки верховных блюстителей престола: в 321 г. европейские регенты Кратер и Антипатр двинулись походом на хилиарха Азии Пердикку. В этот момент выступил на большую историческую сцену один из второстепенных азиатских сатрапов — грек Эвмен, наместник Каппадокии, герой непотова рассказа. Действуя как подчиненный союзник Пердикки, он принял на себя удар европейских полководцев, в то время как его покровитель возглавил карательную экспедицию в Египет против утверждавшего свою независимость Птолемея. Пердикке не суждено было узнать о блистательной победе своего помощника над войском Кратера: за несколько дней до того, как весть о поражении и гибели любимца македонян дошла до берегов Нила, хилиарх Азии бы убит взбунтовавшимися офицерами. С его смертью кончилось двоевластие европейских и азиатских регентов, по приговору войска верховные полномочия перешли к македонскому наместнику Антипатру. На востоке правой рукой единственного блюстителя власти стал Антигон Одноглазый, получивший титул стратега Азии.

С этих пор Антигон превратился в главного гонителя своевольного сатрапа Эвмена. Коренная причина их вражды выходила за рамки несогласия начальника и подчиненного. Дело в том, что все названные выше диадохи, воевавшие от имени македонских царей, отличались глубоко циничным отношением к правам своих царственных подопечных. Исключение составлял Пердикка, искренне преданный семейству македонских владык. Еще более рыцарственным монархистом оказался его младший соратник Эвмен. Именно на него, блестящего полководца и скромного наместника второстепенной провинции, возложила свои надежды царица Олимпиада, гордая мать Александра, когда после смерти враждебного ей Антипатра (319 г.) начался новый передел власти в среде диадохов. В то время как хилиарх Кассандр, сын покойного регента, стал добиваться первенства в Македонии и Греции, а стратег Азии Антигон вышел из-под опеки македонских покровителей, изготовившись к борьбе за верховную власть, Эвмен, приняв от царицы полномочия главнокомандующего, сплотил коалицию ветеранов и сатрапов, верных дому Александра, и повел упорную войну с Антигоном за дело Олимпиады и ее внука. Хотя душа этого человека не была свободна от честолюбия, тяжесть взятого им на себя бремени, упорная преданность покровителям и недостижимость преследуемой цели придают его образу почти романтический ореол. Недаром, очевидно, Непот и Плутарх выделили этого недолговечного героя из толпы более именитых воителей тех лет. В обоих жизнеописаниях Эвмена из Кардии грубая эпоха раннего эллинизма мягко отражается в зеркале увлекательного повествования о походах, хитростях и победах благородного искателя приключений.

ПЕРСИДСКИЕ ЦАРИ И ПОЛКОВОДЦЫ В КНИГЕ НЕПОТА

К ЖИЗНЕОПИСАНИЮ ДАТАМА, К ФРАГМЕНТУ «О ЦАРЯХ»

Среди знаменитых полководцев, представленных в этой книге, мы видим одного героя персидской истории — Датама, военачальника царя Артаксеркса II, участника великого восстания сатрапов. Во фрагменте «О царях» Непот бегло упоминает самих владык Персии, при которых разворачивались события его греческих жизнеописаний. Открывает этот ряд имя Кира II, основателя великой Персидской державы, умершего за 30 лет до начала греко-персидских войн. Бросим общий взгляд на периоды персидской истории, отраженные на страницах Непота.

В середине VI в. до н.э., когда в Афинах утвердилось владычество тирана Писистрата, на Ближнем Востоке произошла смена великих империй. Кир II, мелкий династ из рода Ахеменидов, правитель заштатной мидийской провинции Персиды, поднял против своего повелителя мятеж, увенчавшийся блестящим успехом: потомок персидских князей воссел на престоле могучего Мидийского царства (550 г.). По матери своей Мандане Кир приходился внуком свергнутому царю Астиагу, персы считались ближайшими родичами мидян, поэтому основание Персидской державы на месте Мидийского царства выглядело скорее дворцовым переворотом, чем завоеванием; греки, как мы знаем, именовали персов мидийцами, и греко-персидские войны назывались у древних авторов мидийскими.

За 30 лет царствования Кир II широко раздвинул границы своего государства, поглотив владения всех древних «царей четырех стран света». На востоке персы заняли Вавилон, приравняв к рукам наследие ассирийско-вавилонских завоевателей; на западе, в Малой Азии, добычей их стало богатое торговое Лидийское царство вместе с подчиненными ему прибрежными греческими колониями; возможно, уже при Кире покорились персам и некоторые ближайшие к Азии греческие острова.

Создателю великой персидской державы не суждено было передать ее прямым наследникам своего дома: после гибели великого царя на берегах Амударьи во время похода на массагетов (530 г.) сын его Камбиз царствовал всего 7 лет. Наследник Кира едва успел завершить дело своего отца, завоевав последнее великое царство Ближнего Востока — Египет; в марте 522 г. он умер на обратном пути в Персию, где объявился в то время мятежный претендент на престол, выдававший себя за младшего царевича Бардию. Этот последний истинный или мнимый отпрыск Кира пал жертвой дворцового заговора после 7 месяцев правления (сентябрь 522 г.). По решению знатных заговорщиков власть перешла к Дарию, представляющему побочную ветвь Ахеменидов; закрепляя свое право на престол, новый царь женился на дочери Кира Атоссе.

С Дария I, сына Гистаспа, начинается династия персидских царей, воевавших с греками в общей сложности около 150 лет. В царствование ее основателя персы захватили побережье Фракии,

подавили восстание азиатской Ионии и совершили первый морской поход на Аттику, закончившийся Марафонской битвой (см. жизнеописание Мальтиада). Дарий I умер в 486 г., в возрасте 64 лет, во время приготовления к новой войне. На престол вступил 36-летний Ксеркс, сын Дария от Атоссы, внук Кира Великого. В это время мощь персидского деспота казалась безграничной; море, разметавшее царский мост на Геллеспонте, подверглось бичеванию за мятеж против владыки земли и стихий. Поход миллионного ксерксова полчища на Элладу (480 г.) стал кульминацией мидийских войн, разгром персов при Саламине и Платеях — вечным примером поражения земной гордыни.

После славных побед в Европе греки перенесли войну на море, вытеснив персов из бассейна Эгейды (см. жизнеописание Кимона). Правление Ксеркса заканчивалось бесславно: в последние два года его жизни происходили неурядицы внутри Персидского государства — голод, рост цен, лихорадочные перемещения чиновников. В 465 г. стареющий царь стал жертвой высокопоставленных убийц, действовавших, как подозревали, по указке младшего царевича.

Артаксеркс I, прозванный Долгоруким из-за того, что правая его рука была длиннее левой, вступил на престол благодаря интригам, отцеубийству и братоубийству. Тем не менее в греческой традиции он пользовался репутацией великодушного и милостивого владыки. Именно этот царь приютил и обласкал великого противника персов Фемистокла (см. жизнеописание Фемистокла). В его правление было подавлено крупное антиперсидское восстание в Египте, поддержанное афинянами (460 — 454 гг.), не без участия персидских дипломатов произошло первое военное столкновение Афин и Спарты (1-ая Пелопоннесская война) и, наконец, закончилась 50-летняя греко-персидская распря: в 449 г. в Сузах персидский царь и афинский посол Каллий подписали мирный договор, согласно которому персы отказались от притязаний на острова и берега Эгейского или Греческого моря, удержав за собой Египет и Кипр. Границей, разделяющей морские зоны влияния, стали Хелидонские острова у берегов Памфилии.

В перечне великих персидских царей Непот опускает имя Дария II, побочного сына Артаксеркса от вавилонской наложницы (отсюда — его прозвище Нотх, незаконнорожденный), который правил во времена Пелопоннесской войны (424—404 гг.). Это был слабый правитель, употреблявший против греков только тех стрельцов, что были отчеканены на золотых царских монетах. При нем в отношении эллинов утвердился принцип «разделяй и властвуй». С помощью персидских субсидий стравливались сильнейшие государства Греции, Афины и Спарта; не война, а союз с богатым персидским владыкой стал в это время важным явлением межгреческих отношений (см. жизнеописание Алкивиада).

Внутри Персидского государства при Дарии II началось ослабление центральной власти; усобицы и мятежи сатрапов, восстания покоренных народов входили в обиход персидской политики. В кон-

це царствования Дария отпал Египет, завоевавший независимость на длительный период в 60 лет (405/400—342 гг.).

В год окончания Пелопоннесской войны персидский престол занял Артаксеркс II Памятливый, старший сын Дария и его могущественной супруги, а также сестры Парисатиды. Этот царь-долгожитель, правивший 45 лет (404—359 гг.), был современником Агесилая, Эпаминонда и славных афинских полководцев, создателей 2-го Афинского морского Союза. Имеется плутархова биография Артаксеркса, существенную часть которой составляет рассказ о мятеже младшего царевича Кира против брата, о походе 10 тыс. греческих наемников в глубь Вавилонии, о победе и гибели претендента на престол (401 г.).

В первые годы правления Артаксеркса II персы отразили вторжение Агесилая в Малую Азию, а затем в течение многих лет неизменно придерживались политики Дария, проводимой в усовершенствованном виде: заняв позицию посредников и миротворцев, они вступали в союз с сильнейшим государством Эллады (сначала Спартой, затем Фивами) и оказывали лидеру дипломатическую и финансовую поддержку, добиваясь с его помощью роспуска всех прочих боеспособных греческих коалиций (см. выше об Анталкидовом мире и Пелопидовом мире). При слабовольном царе, погруженном в интриги 360 жен и 150 сыновей, Персидская держава время от времени трещала по всем швам. Карательные экспедиции царских полководцев против Египта закончились бесславно: в 385—383 гг. фараон Ахорис, в 374 г. Нектанеб I, пользовавшиеся услугами афинского военачальника Хабрия, обратили вспять армии Фарнабаза и Тифраста. В конце 60-х гг. при Тахе, сыне Нектанеба, произошло ответное вторжение египтян в Сирию и Палестину; в этом походе принимали участие Агесилай и Хабрий. В те же годы персидскому царю пришлось воевать с отложившимися сатрапами Малой Азии.

Вскоре после второго похода персов в Египет (374 г.) восстал против своего повелителя наместник Каппадокии Датам; в 367 г. к нему присоединился фригийский сатрап Ариобарзан, примеру которого последовали наместник Ионии Оронт и карийский династ Мавзол. Афины и Спарта, возмущенные профиванской ориентацией царского двора (см. выше о Пелопидовом мире 367 г.), не нарушая формального мира с Персией, прислали на помощь мятежникам Агесилая и Тимофея; фараон Тах также направил в Азию деньги и корабли. Мятеж малоазийских наместников, известный под названием «великого восстания сатрапов», продолжался до самого конца 60-х гг., сойдя на нет после сепаратного замирения или гибели его участников. События великого восстания отразились в непотомом жизнеописании Датама.

Начавшееся после этого мятежа царствование Артаксеркса III Оха (358—338 гг.) выходит за рамки непотовых биографий. При новом, жестоком и властном правителе произошло временное укрепление Персидской державы: сложили оружие честолюбивые сатрапы, понесли жестокую кару восставшие финикийские города, был вновь

завоеван Египет. На западе главные противники Персии, афиняне, увязли с 357 г. в войне с собственными союзниками. Через 3 года после начала союзнической войны, под угрозой нашествия огромного царского войска на Элладу, Афины приняли персидский ультиматум, отозвав свой флот от берегов Малой Азии. Так, сразу же после смерти Артаксеркса II отошла в прошлое эпоха 2-го Афинского морского Союза.

ПУНИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ

К ЖИЗНЕОПИСАНИЯМ ГАМИЛЬКАРА И ГАННИБАЛА

Карфагенские жизнеописания Непота обращают нас к великим войнам Рима и Карфагена, которые были продолжением и последним этапом длительной борьбы Востока и Запада в закатных странах Средиземного моря. Как известно, с начала V в. до н. э. ареной противостояния европейской и азиатской цивилизаций на западе стала Сицилия. На протяжении нескольких столетий защитниками и объединителями западных эллинов выступали тираны и полководцы Сиракуз. Оплотом семитского мира стал Карфаген, подчинивший себе в VII—VI вв. до н. э. финикийские колонии Африки, Испании и Сицилии.

Карфаген — город Юноны или Астарты, крупнейшая колония Тира в Западном Средиземноморье (основан в 825 или 814 г. до н.э.) — располагал огромными материальными и человеческими ресурсами. В лучшие времена этот многоэтажный купеческий город насчитывал до 700 тыс. жителей. В его порту стояли сотни торговых и боевых кораблей; его многочисленные мастерские производили товары, развозимые во все стороны света; за городскими стенами, в долине р. Баграда располагались обширные поместья карфагенской знати, разработавшей научную систему плантационного рабовладельческого хозяйства. Покоренные африканские туземцы — ливийцы, проживавшие в границах карфагенской территории, выплачивали городу-хозяину поземельные налоги и поставляли в его армию превосходных рекрутов. Полуассальные пограничные племена комадов обеспечивали карфагенян великолепной конницей. Западные финикийские колонии, находившиеся на положении зависимых союзников, платили своим покровителям и защитникам дань, напоминающую афинский форос.

Рядовые граждане Карфагена — дельцы и торговцы по преимуществу — не были склонны к ратным подвигам; пользуясь мощными ресурсами своей казны, Карфаген предпочитал содержать наемные армии, составлявшиеся из иберов (испанцев), кельтов, уроженцев Италии, вольных ливийцев и т.д. Гражданское ополчение созывалось только в самых крайних случаях. Лишь в кругу карфагенской знати встречались потомственные воины — офицеры и командующие, руководившие многоязыкими полчищами наемников.

Война греков и семитов на Сицилии велась с переменным успехом. Изначальные карфагенские владения представляли собой клочок земли в северо-западной части острова со старыми финикийскими поселениями Панорм и Солоент и карфагенскими колониями Лили-

бей и Дрепан, выведенными в IV—III вв. до н.э. В течение ста с лишним лет (конец V — начало III в.) 4 раза карфагеняне захватывали весь остров, подступая к стенам Сиракуз (в 396 г. при Дионисии Старшем, в 344 г. при Тимолеонте, в 309 г. при Агафокле, в 278 г. накануне появления в Сицилии Пирра). В свою очередь сиракузяне при тиране Агафокле высаживались в Африке и осаждали самый Карфаген, а в 277—276 г. с помощью «наемного царя» Пирра почти вытеснили противника из Сицилии, загнав его разбитую армию в Лилибей.

Появление на арене борьбы эпирского царя Пирра, великого полководца и авантюриста, настоящего генерала наемников, стало переломным событием в истории Западного Средиземноморья. Силами этого подражателя Александра, мечтавшего основать великую державу на Западе, греки Италии и Сицилии предприняли последнее наступление на западных варваров — римлян и карфагенян. Когда же заморский герой, разочаровавшийся в надежде на быстрый успех, бросил дело на полпути и возвратился в Грецию, карта западных эллинов была окончательно бита. Через несколько лет Рим завершил покорение Италии и Великой Греции (270—269 г.), а Карфаген вновь завладел Сицилией, оставив сиракузянам юго-восточный угол острова. Сиракузский царь Гиерон II, призванный к правлению как раз в эти годы (около 268—265 гг.), старался поддерживать с финикийцами добрый мир, но было очевидно, что при первом же удобном случае Карфаген сотрет слабое Сиракузское царство — последнее независимое государство западных греков. С конца 70-х гг. III в. карфагенский флот безраздельно господствовал в сицилийских водах. Граница «западного» и «восточного» мира переместилась к берегам Италии; «ловцы пурпура» — по-гречески «финикийцы», по-латыни «пуны» — вышли на рубеж римских владений. По воле истории римляне, «потомки Энея», издревле подчеркивавшие свое родство с эллинами, приняли как наследство борьбу с кровным врагом греческого племени, отвергавшим язык и культуру Эллады (Ганнибал, говоривший по-гречески, был редким исключением среди карфагенян).

В 264 г. началась первая война Рима и Карфагена (1-ая Пуническая война), сосредоточившаяся преимущественно на Сицилии, за обладание которой и боролись обе стороны. Продолжалась она 24 года, в последних боях ее участвовали молодые солдаты, родившиеся в годы первых сражений. Вскоре после открытия военных действий на сторону Рима перешел Гиерон Сиракузский, на 3-м году боев и походов римляне и сицилийские греки отбросили пунов в их исконные крепости на западе острова. Оборона этого района затянулась на долгое время. Поскольку блокада портовых городов при господстве пунов на море была безнадежна, римляне, народ сухопутный, создали за год собственный военный флот, сели на корабли и успешно повели непривычную им морскую войну (с 260 г.). В течение последующих десяти лет (259—249 гг.) карфагеняне понесли крупные поражения на море, сражались с римским десантом под стенами самого Карфагена, утратили в Сицилии Панорм. Римляне потеряли за это время 4 флота (3 эскадры потерпели крушение в шторм, одна была разбита в бою под Дрепаном) и армию, погиб-

шую в Африке. Обе стороны выдохлись, перейдя к ведению малой войны, сосредоточившейся у Лилибея и Дрепана. На смену огромным флотилиям пришли небольшие карфагенские эскадры, беспрепятственно рыскавшие в опустевших прибрежных водах Италии и Сицилии. Как раз в это время (247 г.) появился на исторической сцене Гамилькар Барка, выдающийся карфагенский полководец, непримиримый противник Рима, чья ненависть к врагу питалась мечтою о господстве Карфагена в западной части земного круга.

Содержание nepотовой биографии составляют три главных эпизода из жизни знаменитого военачальника: война его с римлянами в Сицилии, подавление восстания наемников в Африке, завоевание Испании. Эти события образуют предысторию 2-ой Пунической войны, завещанной сыну Гамилькара.

Приняв командование на исходе 1-ой Пунической войны, молодой карфагенский полководец, располагавший довольно скромными силами, не мог коренным образом изменить ситуацию на острове, но в карфагенский клочок земли он вцепился мертвой хваткой, не оставляя противнику надежды выбить пунов со стороны суши. Заняв удобные позиции на горах Эйркте и Эрикс в самом центре карфагенских владений, где располагались римские войска, осаждавшие Лилибей и Дрепан, целых 7 лет удерживал он свои укрепления, изматывая противника в упорных жестоких стычках. Поскольку снабжение гамилькаровых сил происходило по морю, римлянам пришлось собирать средства на строительство пятого флота.

Последнее морское сражение этой войны, происходившее у острова Эгузы, кончилось победой римлян (241 г.). Утратив связи с Сицилией, не имея средств на сооружение новой эскадры, карфагенское правительство предоставило Гамилькару полномочия вступить в переговоры с римским командующим Г.Лутацием Катулом об условиях мира. Мирный договор, заключенный непобежденным вождем, был так же доблестен, как оборона Эрикса: потери Карфагена ограничились неизбежной уступкой Сицилии и уплатой контрибуции. Армия Гамилькара покинула остров с оружием в руках — как войско, отступающее в полном боевом порядке (241 г.).

Сразу по окончании внешней войны карфагеняне пережили тяжелейшую внутреннюю смуту, поставившую их государство на край гибели. Из-за скупости правительства, задержавшего расчеты с армией, подняли бунт вернувшиеся из Сицилии наемники. К их восстанию присоединились подданные Карфагена — 70-тысячное войско ливийцев и конница пограничных нумидийских племен; поколебалась верность финикийских городов побережья. Повстанческие армии осадили Утику и Гиппон Царский, отряды мятежников появлялись под стенами Карфагена: За морем сардинские гарнизоны наемников сдали остров Риму, не побрезгавшему воспользоваться тяжелым положением соперника.

В этом отчаянном положении карфагеняне спешно на вербовали новых наемников и снарядили гражданское ополчение. В момент наивысшей опасности единственным командиром войска был назначен герой сицилийской войны, любимец солдат и офицеров — Га-

милькар Барка. Выйдя победителем из нескольких тяжелых боев, он отбросил противника от Карфагена, расчленил силы повстанцев и разгромил порознь две главные их армии. На 4-ом году войны мятеж был подавлен (238 г.). Гамилькар вновь проявил свои блистательные способности и оказался победителем не только на поле боя, но и на поприще партийной борьбы, кипевшей внутри карфагенских стен.

Влиятельные граждане Карфагена делились в то время на две партии — мирную и военную. Первая имела большинство в правительстве — Совете старейшин и контрольном Совете 104-х, которые выражали настроения землевладельческой олигархии; эта знать старалась ограничить интересы Карфагена пределами Африки, придерживаясь уступчивой, почти угоднической дипломатии в отношении Рима; Ливийская война выявила эгоизм и бездарность ее вождей, прежде всего лидера карфагенской олигархии Ганнона Великого. Военная партия — группировка великих имперских замыслов и реванша — свила гнездо в среде купцов и офицеров, опиравшихся на силу армии и ненадежную, но мощную стихию Народного Собрания, время от времени бурно изъяслявшего волю торгово-ремесленного люда. Душою ее был Гамилькар Барка. Ввиду неудач правительства и успехов Гамилькара сразу же по восстановлении мира, под давлением армии и народа усмиритель ливийского мятежа получил бессрочное верховное командование, выведенное из-под контроля властей: постановили, что отчитываться он должен только перед Народным Собранием, что преемника ему будет избирать войско, а утверждать кандидатуру народ.

Полководец, преданный всепоглощающей мечте о подготовке новой войны с Римом, воспользовался своими почти диктаторскими полномочиями немедленно. Выступив походом против пограничных африканских племен, Гамилькар неожиданно переправился через пролив и начал завоевание Иберийского (Пиренейского) полуострова, славившегося своими серебряными рудниками и переизбытком воинственной молодежи, нанимавшейся на службу к чужеземцам. Еще в VI в. карфагеняне проникли в Испанию, сокрушив богатое туземное царство Тартесс, располагавшееся у Гибралтара. С тех пор на протяжении нескольких веков они держали под своим контролем финикийскую колонию Гадес и ряд торговых факторий на юге полуострова. Гамилькар приступил к расширению сфер карфагенского господства, вступая с испанскими племенами в союзы и битвы, облагая их данью и рекрутскими повинностями. Почти все сражения и переговоры его девятилетней кампании (236—228 г.) канули в Лету, но известно, что при нем истощенная карфагенская казна стала наполняться испанским серебром, возобновилось строительство карфагенских крепостей на Иберийском побережье и граница приморских владений Карфагена продвинулась вдоль восточного берега до р. Эбро.

После гибели Гамилькара в бою (228 г.) испанская армия и карфагенский народ, воспользовавшись своим правом, вручили командование Гасдрубалу — зятю и помощнику павшего вождя, достойному продолжателю дела Барки. При его правлении были одержаны новые

победы и заключены новые дружеские союзы с обитателями Иберии; на восточном берегу полуострова вырос крупный портовый город-крепость Новый Карфаген; римское правительство официально признало земли южнее Эбро зоной карфагенского влияния (договор между Римом и Карфагеном 226 г.). Когда Гасдрубал пал от руки убийцы (221 г.), верховная власть в Испании в силу старого закона и настроения войска перешла к Ганнибалу, старшему сыну Гамилькара. К этому времени заветный великий замысел отца был готов к осуществлению: «царство Баркидов» в Испании возродило военный потенциал Карфагенского государства и образовало самостоятельный плацдарм новой Пунической войны.

Эта самая война, называемая римлянами Ганнибаловой (218—201 г. до н.э.), разразилась через три года после вступления сына Барки в права главнокомандующего. По целям своим и последствиям, по грандиозности военных операций, по славе полководцев и сражений она стала одной из величайших войн античного мира. Первый период смертельной схватки между двумя сильнейшими державами Запада описан в Ганнибаловой биографии Непота подробно.

Конфликт начался с осады и разрушения Сагунта — союзного римлянам греческого города, располагавшегося на территории карфагенской Испании южнее Эбро (219 г.). Затем последовал беспрецедентный переход Ганнибаловой армии из Иберии (Испании) через воинственную дику Галлию (совр. южная Франция) и неприступные Альпы в северную долину Апеннинского полуострова. Римский историк упоминает сражение у р. Родана (Роны), произошедшее в середине похода, приписывая Ганнибалу победу над консулом Сципионом. Здесь он допускает неточность.

В самом деле на рубеже великой галльской реки едва не столкнулись две армии, слепо шедшие навстречу друг другу: ничего не ведая о марше Ганнибала, консул П. Корнелий Сципион вел морской десант в сторону испанских владений Баркидов. Как раз в то время, когда римский флот зашел в гавань союзной греческой колонии Массилии (совр. Марсель), карфагенский полководец с трудом одолел быстрый поток Роны, опрокинув заслон галлов на противоположном берегу. На второй день переправы эскадрон ганнибаловой конницы столкнулся с отрядом римских всадников, посланных на разведку. Авторы более солидные, чем Непот (Ливий, Полибий), утверждают, что малая проба сил кончилась победой римлян, хотя в конечном счете Сципион не успел преградить неприятелю дорогу в Италию.

Первые сражения на итальянской земле (осень—зима 218 г.) разыгрались на широкой Паданской равнине, простирающейся от подножия Альп до предгорий Апеннин. Противниками Ганнибала выступали консулы Тиб. Семпроний Лонг и все тот же Публий Сципион, спешно вернувшийся с частью своего войска на родину. Враги скрестили оружие на берегах Тицина (по Непоту — близ галльского городка Кластидия) и Требии — притоков многоводного Падуса (совр. р. По). Сначала завязалось случайное конное сражение, из которого римляне вышли с тяжелыми потерями, едва вызволив тяжело раненого полководца. Во второй большой битве, данной по инициативе Семпрония Лонга, римская армия потерпела почетное поражение:

значительная часть ее пробилась под защиту стен латинской колонии Плаценции, нанеся большой урон противнику. После этих первых неудач Рим еще взирал на карфагенского завоевателя с гордым презрением, с уверенностью в превосходстве своих сил и доблести.

Весной 217 г. грянула катастрофа, дохнувшая на римское государство холодом гибели. Армия воинственного консула Гая Фламиния, выступившего на защиту Этрурии, была полностью истреблена в западне у Тразименского озера. В обстановке всеобщей растерянности и траура Сенат призвал к власти диктатора Кв. Фабия Максима, чья осторожная оборонительная тактика была прославлена последующими поколениями как медлительность, спасшая Рим. Продвигая свое войско по холмам и горам вслед неприятелю, направлявшемуся на юг Италии, Фабий, по выражению самого Ганнибала, нависал над карфагенянами, как «туча, готовая разразиться грозой». Одна такая «гроза», едва не грянувшая в Фалернской области близ Казилина, упомянута в 5-ой главе Непота. Самое же знаменитое извержение фабиевой тучи произошло в тот день, когда М. Минуций Руф, слишком горячий начальник конницы, уравненный в правах с благоразумным диктатором, ринувшись в желанный бой, попал в очередную ловушку Ганнибала; своевременная подмога Фабиевой армии, хлынувшей на поле боя с окрестных высот, спасла тогда два римских легиона, обреченных на неминуемую гибель.

В следующем году несчастья Римского государства достигли апогея. Южный апулийский городок Канны дал свое имя самой знаменитой победе Ганнибала, после которой спасение Рима казалось какое-то время невозможным. Летом 216 г. на равнине Ауфиды, близ Канн, две консульские армии в 80 тыс. бойцов вступили в сражение с 40-тысячной ратью Ганнибала. Сосредоточив отборную часть своего войска, состоявшую из ливийских солдат, на флангах, карфагенский полководец взял в клещи римские легионы, прорвавшие слабый центр его строя, и довершил окружение ударом своей победоносной конницы в тыл врага. Мало кому удалось вырваться из пунийских тисков. Около 70 тыс. римлян и римских союзников легли на каннском поле, среди них — один из консулов текущего года, десятки бывших верховных магистратов, 80 сенаторов низшего ранга.

После грандиозного поражения Рима раскололся стан его союзников. На сторону Ганнибала перешел крупнейший город Италии Капуя, в Сицилии отпали Сиракузы, переметнулись к победителю южно-италийские племена самнитов, луканов, апулов, бруттиев. Напротив, латинское племя, расселенное в колониях по всей Италии, твердо стояло за Рим, предопределяя конечное поражение иноземного завоевателя. Колонии Великой Греции также сохранили в этот критический момент верность римскому народу.

Ганнибал слишком долго оставался на месте своей победы, распродавая добычу и пленных. Преодолев первый порыв отчаяния, римский сенат в считанные недели вооружил 4 новых легиона, набранных из граждан всех возрастов, включая подростков. В армию вступили 8 тыс. рабов и 6 тыс. осужденных, надеющихся завоевать

себе прощение и свободу. Некое подобие нового войска сформировалось из уцелевших участников Каннской битвы. Уже в конце 216 г. претор Марк Клавдий Марцелл, возглавивший римские силы, отбил Ганнибала от кампанского города Нолы, нанеся карфагенянам первое поражение в открытом поле.

После этого война в Италии затянулась на много лет, приобретая однообразный характер. Ганнибал воздерживался от походов в центральные районы Апеннинского полуострова, населенные родственными и верными Риму племенами. Перемещая свой стан по равнинам юга, он прикрывал города своих итальянских союзников, посулами и силой приобретал себе новых сторонников, собирал средства и людей, страстно ожидая подмоги извне — от правительства Карфагена, от своих братьев, оставшихся в Испании, от македонского царя Филиппа, заключившего с ним союз вскоре после битвы при Каннах (215 г.). Римляне шли следом за войском Ганнибала, вступали с ним в более или менее значительные стычки, обороняли своих союзников и осаждали города, перешедшие на сторону неприятеля. В то же время римские легионы сражались с сиракузянами и пунами в Сицилии и с тремя карфагенскими армиями в Испании.

Самые значительные события послеканнского периода войны произошли в 212 — начале 211 г. В Испании погибли бессменные вожди римского десанта, братья Сципионы, успешно теснившие карфагенян и союзных им испанцев. В Италии некоторые греческие города, в том числе крупный порт Тарент, открыли Ганнибалу ворота. В то же время Марцелл победоносно завершил осаду Сиракуз, оборонявшихся с помощью машин замечательного механика Архимеда. Почти одновременно капитулировала Капуя, осажденная тремя римскими армиями. Накануне сдачи этой «царицы Кампании» (а не после битвы при Каннах, как утверждает Непот) Ганнибал совершил отчаянный марш в сторону римской столицы, рассчитывая что противник перебросит в панике свои силы от Капуи к Риму. Надежды пунийца не оправдались: хотя клич перепуганных обывателей Рима «Ганнибал у ворот!» вошел в историю, полководцы и власти проявили полное хладнокровие и вслед грозному врагу был послан из Кампании лишь один небольшой отряд. Постояв некоторое время в трех милях от неприступного города, Ганнибал повернулся восвояси на юг, оставив Капую на произвол судьбы.

С этого времени Фортуна повернулась лицом к римлянам. В 209 г. Фабий Максим завладел отпавшим Тарентом, в 207 г. римляне разбили на севере Италии, близ колонии Сены, армию Гасдрубала, второго сына Барки, повторившего переход брата через Альпы. В конечном счете судьба ганнибаловой кампании решилась вдали от главного театра военных действий. Молодой П. Корнелий Сципион, назначенный на место погибших в Испании Сципионов, победоносно продолжив дело своего отца и дяди, полностью завоевал испанские владения Баркидов (210—206 гг.).

После уничтожения этой главной военной базы Карфагена римляне осмелились перенести войну на территорию противника, невзирая на присутствие в Италии Ганнибала. Летом 204 г. римские легионы во

главе со Сципионом ступили на землю Африки, а через год Ганнибал, отозванный на родину карфагенскими властями, высадил своих ветеранов в гавани Лептиса. Весной 202 г. при городке Заме на расстоянии 5-дневного пути от Карфагена произошла последняя, решающая битва 2-ой Пунической войны.

Ганнибал построил своих солдат в три ряда, расположив их по нарастанию боевого качества воинов: впереди стояли иноземные союзники, во второй линии — отборные силы ливийцев и карфагенян, в третьей — закаленные ветераны итальянской кампании. Сплоченный строй неприятеля должны были разметать 80 слонов, поставленных перед фронтом.

Сципион позаботился прежде всего об отражении атаки слонов: увеличив расстояние между манипулами, он создал внутри массы своего войска достаточно широкие «коридоры», по которым слоны, увлекаемые застрельщиками, могли пробежать в тыл римской армии, не причинив ей особого вреда.

Расчет римского полководца оправдался. Его легионеры, пропустив через свои ряды слонов, в полном боевом порядке сошлись с неприятельской ратью. Первый строй карфагенских союзников был смят и отброшен назад. На линии второго строя римская и карфагенская пехота рубилась насмерть, на уступая друг другу в доблести. Дело решила победа римской конницы на обоих флангах: прогнав неприятельских всадников, кавалерия Сципиона, не увлекаясь погоней, вовремя повернула назад, ударив в тыл вражеского войска. Разгром карфагенской армии напоминал избиение римлян при Каннах. Битва при Заме — единственное большое поражение Ганнибала за 12 лет боев и походов — положила конец 2-ой Пунической войне.

Одной из грубейших ошибок Непота является утверждение, что Ганнибал после Замы собирал силы для новых сражений (гл. 6—7). Опытный полководец, лучше всех понимавший бесполезность и гибельность дальнейшего сопротивления, выступил самым страстным поборником мира любой ценой. Под его нажимом были приняты суровые условия победителей: Карфаген утратил все владения за пределами Африки; лишился военного флота и слонов, принял обязательство не вести никаких войн без согласия Рима; в течение 50 лет карфагенская казна должна была ежегодно терять 200 талантов на выплату огромной контрибуции в 10 тыс. талантов.

После ратификации этих условий в Карфагеном как великой державой было покончено. В последних главах Непота перед нами предстает стареющий полководец, верный своей детской клятве в неприимимой ненависти к Риму, который ищет за рубежом отчизны армию, способную сражаться с его заклятым врагом. Последние надежды Ганнибала сосредоточились на сирийском царе Антиохе, замышлявшем вторжение в Европу. Со своей стороны, римляне относились к зреющей сирийской войне с особенным страхом, ожидая нового похода Ганнибала в Италию во главе азиатских полчищ. События приняли неожиданный оборот: завистливый и недоверчивый Антиох, отстранив от дела своего великого советника, самолично возглавил сирийский десант в Грецию, после первого же поражения

в панике очистил европейский берег и не попытался воспрепятствовать переправе римских легионов в Азию. Осенью 190 г. при городе Магнезия в Лидии римляне без труда опрокинули огромное рыхлое воинство сирийского царя, потеряв в битве всего 24 пехотинца и 300 всадников. Через несколько лет после этого ушел из жизни странствующий полководец Ганнибал, настигнутый римской местью. Только имя Карфагена еще полстолетия омрачало покой детей и внуков того поколения, которое помнило, как Ганнибал стоял у ворот Рима. В середине II в. до н. э. римляне разделились с тенью своего страха, развязав 3-ю Пуническую войну, которая свелась к осаде и разрушению бессильного Карфагена (149—146 гг. до н.э.). Лишь после того как руины великого города отпылали в огне 17-дневного пожара, призрак нового Ганнибала перестал тревожить воображение завоевателей мира.

РИМСКОЕ ОБЩЕСТВО II—I ВВ. ДО Н. Э.

К ЖИЗНЕОПИСАНИЯМ КАТОНА И АТТИКА

Два жизнеописания, сохранившиеся от утерянной книги «О римских историках», знакомят нас с известными латинскими прозаиками II и I вв. до н.э., разделенными во времени примерно в 150 лет. Катон жил в годы рождения римской литературы, Атик — в период ее расцвета. Несмотря на тематику непотовой книги, литературному творчеству того и другого уделено сравнительно мало внимания: в жизнеописании Катона преобладает суховатый перечень «деяний» государственного мужа, в биографии Атика дан развернутый портрет не столько творческой, сколько выдающейся по своим нравственным достоинствам личности. Попытаемся уточнить связи героев Непота с их исторической и культурной средой.

Марк Порций Катон Старший (234—149 гг. до н.э.), прадед Катона Младшего, знаменитого республиканца, принадлежал к поколению солдат Ганнибаловой войны. Начало его ратной службы совпало со вторжением карфагенской армии в Италию, молодость его прошла в пылу знаменитейших сражений 2-ой Пунической войны: он принимал участие в битве при Каннах, в осаде Капуи и Тарента, штурмовал Сиракузы, отличился в сражении у колонии Сены, где была разгромлена армия Гасдрубала, брата Ганнибала (см. вступительную статью к жизнеописанию Ганнибала). С войны он возвратился в звании квестора — высшего офицера и казначея, состоявшего при консуле; это была первая магистратура в ряду коммунальных (т.е. данных комициями, Народным Собранием) должностей, открывавших доступ в сенат. Через 5 лет после окончания Ганнибаловой войны Катон стал консулом (195 г. до н.э.) и в звании этом усмирив антиримское восстание северных испанских племен; через 10 лет после консульства (184 г.) он удостоился самой почетной в Риме должности цензора, венчавшей карьеру наиболее именитых граждан. В историю вошла суровая ревизия нравов, осуществленная Катonom, прозванным после этого Цензором.

В служебной и военной деятельности Катона проявились многие его замечательные таланты, но сами по себе успехи его не

казались бы из ряда вон выходящими, если бы не одно обстоятельство — происхождение энергичного консула и цензора.

Дело в том, что после изгнания из Рима царей (510 г. до н.э.) Римская республика складывалась как государство олигархического типа. Высшие должности (магистратуры), произошедшие от старинной царской власти, — консулат, претура, цензура, доставались исконным аристократам-патрициям и потомкам знаменитых плебейских семей, допущенных к консульской власти в середине IV в. до н.э. В Риме, как и в греческих государствах, народ не по закону, а по традиции отдавал голоса нобилим — т.е. людям «известным» или в прямом смысле слова знатым. Накануне Ганнибаловой войны правящая олигархия, нобилитет, состояла из 4—5 десятков патрицианских и плебейских семей, из поколения в поколение претендовавших на консульскую власть. По образному выражению римских писателей (Цицерон, Саллюстий), эта каста «оккупировала» консулат, оградила его от чужаков своими окопами и гарнизонами, передавая консульские места внутри своего круга «из рук в руки». В сенате бывшие консулы, консуляры составляли своего рода верхнюю палату, определявшую направление римской политики. Масса простых сенаторов разделялась на «фракции», группировавшиеся вокруг знатных вождей.

Катон вышел из социального круга, считавшегося рассадником «нижней палаты» сенатской курии — из сословия всадников, объединявшего богатую верхушку землевладельческого класса италийских городов. Признанным венцом всаднической карьеры считалась в его время должность претора — близкая консулату по объему власти (военное командование, руководство судопроизводством), но уступавшая ему по достоинству. Незнатный Катон, добившийся в силу своей личной популярности консулата и цензуры, посягнул на неприкасаемое достояние потомственных консуляров. Такие случаи редко, но бывали и до и после него: знать презрительно именвала удачливых чужаков, вторгавшихся в ее консулярный круг, «новыми людьми» или «выскачками». Но завоевание высших аристократических магистратур еще не объясняет великую прижизненную и посмертную славу знаменитого Цензора. В политическую историю Рима Катон вошел как выдающийся принципиальный противник знати, публично критиковавший «царское правление» нобилитета в сенате и засилые нобилей на высших государственных постах. В курии энергичный «новый» консул сумел сплотить вокруг себя сенатское большинство, раболепствовавшее ранее перед носителями громких имен: с 80-х гг. II в. в отсутствие Катона сенаторы не принимали никаких важных решений. В Народном Собрании он завоевал полномочия цензора в борьбе с 8 знатыми претендентами. В судах непобедимый спорщик обличал злоупотребления именитых магистратов, отбиваясь одновременно от встречных исков высокопоставленных врагов, привыкших стирать «выскачек» в прах с помощью уголовных обвинений. За 85 лет своей жизни красноречивый Катон, прозванный современниками римским Демосфеном, судился 44 раза, не проиграв ни одного дела. Многообразные усилия его не про-

пали даром: в 187 г. он низверг могущественный клан Сципионов, проведя через позорные судебные разбирательства братьев Публия Сципиона Африканского и Луция Сципиона Азиатского, победителей Ганнибала и Антиоха; в 184 г., будучи цензором, изгнал из курии нескольких знатных сенаторов. На протяжении всей своей жизни он боролся за подчинение высшей исполнительной власти — этой вотчины нобилитета — коллективному контролю сената; по его инициативе или при его участии был пресечен рост экстраординарных командований, запрещено повторное исполнение консулата, установлена возрастная и порядковая «лестница магистратур», усилился контроль государства за распределением военной добычи, начались судебные преследования жестоких и алчных наместников заморских провинций.

В конечном счете Катон добился временного оздоровления государства, не посягая на глубинные основы римской олигархической системы. В древней традиции он выступает как «добрый муж» и любимец сенаторского сословия, т.е. как антипод демагога и революционера. Он никогда не был народным трибуном, никогда не противопоставлял авторитет Народного Собрания воле сената. В мирную эпоху, наступившую после Ганнибаловой войны, Катон Цензор оказался первым «парламентским» оппонентом правящей олигархии. Лет через 20 после его смерти началось широкое демократическое движение, направленное против столичной знати и связанных с нею местных магнатов италийских городов. Растянувшись на 100 лет, видоизменяясь по форме и содержанию, пройдя через ужасы нескольких гражданских войн, оно завершилось крушением Римской олигархической республики.

Во времена Катона обозначилась не только политическая, но и культурная рознь между именитой верхушкой римского общества и массой простых, сенатских и всаднических семей. Римская знать издревле впитывала культурные веяния, шедшие с юга Италии, из городов Великой Греции. Когда Рим наложил руку на этот островок эллинской цивилизации (середина III в.), греческий язык и литература в свою очередь завоевали римский высший свет. Знатные сверстники Катона с детства писали и говорили на языке самого просвещенного народа земного круга, их поколение выдвинуло первую плеяду знаменитых филэллинов — поклонников и покровителей греческого мира. В аристократические семьи рубежа III—II вв. до н.э. внедрялись греческие учителя грамматики, риторики и философии, более того — иноземные конюхи, псы и ловчие. Золотая молодежь, воспитанная иностранными педагогами, увлекалась не только высоким наследием эллинского духа, но и «греческим образом жизни»: в моду входили застольные товарищества, дорогие любовницы, комфорт, изысканные яства, экзотические одеяния; вслед за новыми нравами являлись новые пороки — погоня за деньгами, мотовство, разврат, упадок воинской доблести.

За несколько лет до появления на свет Катона родилась архаическая, подражательная римская литература, копировавшая эллинистические образцы. Серьезнейший жанр ее, историографию,

развивали консулы и сенаторы римского народа, первые высокопоставленные латинские прозаики, писавшие на привычном им с детства греческом языке — международном языке образованной публики того времени. Латинский язык начала II в., едва освоивший простые стихотворные размеры, казался неприспособленным для риторического повествования или выражения ученых понятий.

Катон воспитывался в среде муниципальных итальянских помещиков, учивших своих детей не греческому языку, а письму, счету и навыкам рачительных хозяев сельских усадеб. Деревенская простота этого общества возмещалась крепостью его нравственных устоев: вдали от роскошной столицы долго сохраняли свою силу идеалы бережливости, честности, трудолюбия, почитались добрые семейные нравы. Отношение почтенных «землепашцев» к рафинированной иноязычной знати выливалось в сложную смесь почтения и отчуждения; образы римского муниципала и нобилия можно прочувствовать, сопоставив для сравнения фигуры европеизированного русского дворянина и замоскворецкого купца прошлого века.

Энергичный сын тускуланского всадника вторгся в высшие столичные сферы как передовой идеолог итальянских городков. И принципы его политики, и суровая цензура в духе предков, одобренная большинством римского народа, уходили корнями в родную почву старого латинского захолустья. Вместе с тем живая и талантливая натура Катона усваивала и новые ценности широкого мира. На склоне лет честолюбивый Порций усердно занимался самообразованием, нагоняя в знании своих знатных соперников. В зрелом возрасте он выучил греческий язык, чтобы познакомиться с общественно-полезными жанрами литературы — историографией и риторикой. Главными учителями его стали Фукидид и Демосфен, главной целью занятий — патриотическое и творческое, несколько наивное соревнование с гениями Эллады. После цезуры на шестом десятке лет писал он практические трактаты по сельскому хозяйству, военному делу и праву (до наших дней дошли значительные отрывки из сочинения «О сельском хозяйстве»), собирал изречения великих мужей, составил сборник нравоучительных примеров и учебную энциклопедию для сына (утерянные ныне труды). Первым из римских ораторов Катон начал публиковать свои речи, 150 из них попали в библиотеку Цицерона (до нас дошли около 250 фрагментов катоновских речей). Главным трудом самородного писателя считается историческое сочинение под названием «Начала», описанное в 3-ей главе непотовой биографии. Еще неуклюжее, как замечает Непот, по форме, оно открыло эпоху латинской национальной историографии: среднее поколение латинских анналистов (40—20-е гг. II в. до н.э.), сменившее грекоязычных предшественников, перешло вслед за Катоном на латинский язык. Заслуживает внимания самобытнейшее построение катовой Истории, не имеющее аналогий в античной литературе: старый противник знати излагал события, опуская имена прославленных вождей, победы Рима преподносились читателю как деяния самого римского народа; начала римской истории он искал не в корнях города Рима, но

в судьбах итальянских городов, как бы предвидя будущее единое общество и единое государство в границах романизированной Италии.

Катон Старший умер в тот год, когда началась 3-я Пуническая война, завершившаяся разрушением Карфагена (149 г. до н.э.). Римляне считали, что именно с этого времени, после гибели грозного внешнего врага, в покое и безопасности умножились внутренние болезни их государства. Тит Помпоний Аттик, родившийся через 40 лет после смерти Катона (109 г. до н.э.), видел зрелые плоды тех политических «начал», которые едва обозначились в эпоху великого Цензора. Его поколение прошло через ряд трагических общественных потрясений, составляющих основной фон непотова жизнеописания. Еще раз заметим, что друг и биограф Аттика почти забывает о писательской деятельности своего героя, увлекаясь прославлением его добродетелей, среди которых выделена одна черта: последовательное уклонение Аттика от участия в «роковых пирах истории». Поэтому читатель Непота должен иметь представление о политических бурях поздней Республики, перед которыми старательно закрывал дверь своего дома ученый римский всадник.

В юности Аттик был очевидцем гражданской войны между сулланцами и марианцами (или циннанцами), во время которой состоятельные классы Италии в первый и последний раз в истории Рима восстали против олигархического нобилитета с оружием в руках (88—82 гг. до н.э.). Кровопролитию предшествовал партийный спор о кандидатуре командующего, назначенного для войны с понтийским царем Митридатом: в 88 г. народный трибун П. Сульпиций Руф, родственник Аттика, предложил заменить командированного на Восток консула-аристократа Суллу прославленным полководцем Марием — «новым человеком», глубоко обиженным на травившую его знать; одновременно под прикрытием популярного имени народу была предложена серия демократических реформ. В ответ на вотум Народного Собрания о смене командующего, стоявшая на юге армия Суллы совершила небывалый поход на Рим для восстановления «порядка». Сульпиций и ближайшие его сторонники, объявленные вне закона, погибли; Марий едва спасся бегством. После отбытия Суллы на Восток началась настоящая гражданская война.

Вытесненные из Рима демократы объединились вокруг беглеца Мария и мятежного консула 87 г. Цинны, призвавших к оружию всех противников олигархического нобилитета. На зов откликнулись города Италии, только что завоевавшие статус римского гражданства в двухлетней Союзнической войне (90—88 гг.), но искусственно ущемленные столичной аристократией в осуществлении своих гражданских прав. На сторону Мария и Цинны встали тысячи «новых граждан», либеральные семьи старых колоний и муниципий, большая часть всаднического сословия, многие сенаторы. Отряды Италии, слившиеся под стенами столицы в большую армию, заняли Рим в конце 87 г. В те дни знатное имя почти неминуемо навлекало на его обладателя смерть; масса аристократов бежала за море в лагерь Суллы; уцелевшие от погрома нобили сидели в сенате, не раскрывая рта, многие из них погибли во время второй волны репрес-

сий, прокатившейся уже после смерти Марии и Цинны накануне падения демократического правительства (82 г.).

Аттик уехал в Грецию где-то в начале «мятежа Цинны». В его отсутствие в течение четырех лет (86—82 гг.) в Риме властвовали всадники и «новые люди», а на Востоке успешно сражалось с Митридатом войско Суллы, штаб которого стал прибежищем аристократической эмиграции. Весной 83 г. победоносная восточная армия высадилась в южноиталийском порту Брундизии. Профессиональные солдаты, преданные щедрому полководцу, скрестили оружие с ополчениями всей Италии, сплотившейся вокруг революционного правительства Рима. На исходе двухлетней кампании, после ряда тяжелых сражений и осад, Сулла стал хозяином положения: 1 ноября 82 г. он выиграл последний бой у Коллинских ворот Рима и уже через несколько дней принял звание диктатора для реставрации власти и привилегий возвращенной в столицу знати. Месть торжествующей олигархии вылилась в очередной террор, далеко превзошедший зверства марианцев; карательные отряды диктатора основательно почистили сенат (около 90 жертв только в Риме), вырезали цвет столичного всадничества, залили кровью города Италии, расправляясь с виднейшими муниципальными семьями, чьи сыновья командовали отрядами демократических ополчений. На фоне этих событий своевременное бегство Аттика от политики может показаться вполне эгоистическим маневром, но именно в те годы беспартийная позиция его имела под собой более глубокое основание, чем когда бы то ни было: политический раскол прошел тогда внутри социально однородной среды помещиков-рабовладельцев, разведя бывших друзей и родственников. Образно говоря, джентри восстали против лордов. Сверстник и друг Аттика Цицерон оплакивал гибель «светочей отечества» на стороне той и другой партии, с ужасом поминая как террор демократических вождей, так и кровавые проскрипции Суллы.

Старая олигархия, возрожденная лишь с помощью меча и страха, торжествовала недолго, вскоре после отставки и смерти диктатора (79-78 гг.) власть снова начала медленно ускользать из ее рук. В 70—60-е гг. римское общество возвратилось к традициям свободных политических дискуссий, вновь зазвучали критические речи народных трибунов, нападавших на знать и отдельных ее представителей, отменялись или игнорировались законы покойного диктатора, подпиравшие прогнивший режим.

Аттик вернулся на родину в 65 г., в конце этой последней либеральной оттепели Римской республики, когда «почтенные» противники нобилитета, навсегда отученные Суллой лезть в драку, вели мирные политические кампании по поводу отдельных законопроектов и кандидатур. И консервативные, и фрондирующие круги, в которых вращался богатый римский всадник, больше всего на свете боялись повторения гражданской войны и анархии, а между тем уже с конца 60-х гг. ощущались толчки надвигающейся революционной стихии. Первым всплеском зреющей гражданской смуты стал заговор Катилины (63 г.), представлявший собой авантюру-

ную попытку государственного переворота, предпринятую компанией полууголовных элементов, в которой преобладали разорившаяся «золотая молодежь» и ветераны Суллы. Этот провалившийся «бунт подонков», не имевший под собой серьезной политической программы, явился грозным знаменем болезненного состояния государства. В 60 г. возник негласный союз двух видных полководцев и крупнейшего банкира (Цезарь — Помпей — Красс) — запахло военной диктатурой. С начала 50-х гг. в политическую борьбу втянулся простой народ, римское общество начало вновь скатываться в пучину анархии: действовали клубы столичного плебса, имевшие свои боевые отряды, партийные вожди окружали себя вооруженными клиентами и гладиаторами; кровавые потасовки в Народном Собрании, бои на улицах и дорогах стали повседневным явлением римской жизни. Главными возмутителями спокойствия выступали уже не почтенные муниципалы и всадники, но деклассированные предводители городской черни и честолюбивые генералы, готовые бросить в свалку политической борьбы жадных и хладнокровных солдат.

Одной из первых жертв плебейской демократии стал любимый друг Аттика Цицерон — «новый человек», консул 63 г., прославившийся подавлением заговора Катилины. Через несколько лет, когда на улицах Рима воцарились шайки народного трибуна Публия Клодия, великому оратору пришлось уйти в изгнание по обвинению в незаконной казни римских граждан. 17 месяцев Цицерон томился в Македонии и Греции, отчаянно тоскуя по родине и близким; дом его в столице был сожжен, загородные усадьбы разграблены. В это время Атик не только помог другу деньгами, как сообщает Непот, но и способствовал его возвращению в Италию усердными ходатайствами перед influentialными гражданами, прежде всего перед Цезарем и Помпеем.

На исходе 50-х гг. началась вторая (после мятежа Мария и Цинны) гражданская война, которую Непот называет «Цезаревой». События разворачивались как столкновение двух полководцев — Цезаря и Помпея; победителем, как и встарь, оказался тот вождь, за которым пошла Италия. 10 января 49 г. проконсул Галльских провинций Г Юлий Цезарь, перейдя р. Рубикон, границу северного наместничества, двинул свои отряды на Рим. Предлогом для похода служила месть за поправленные права народных трибунов, на деле Цезарь вступил в решительный бой со своими политическими противниками, грозившими ему отставкой и судом, по сути же легионы его выступили для окончательного сокрушения отжившей олигархической системы. А поскольку правящая клика была предана традициям старого Рима, проявляя неизменную враждебность к «новым гражданам» всеиталийского государства, образовавшегося несколько десятилетий назад, города Италии, вставшие в свое время на сторону демократических вождей Мария и Цинны, и на этот раз добровольно открыли ворота перед полководцем, считавшимся наследником марианской партии. Ввиду триумфального продвижения Цезаря по Италии, Помпей, возглавлявший силы олигархического правительства, спешно эмигрировал в Грецию, увлекая за собой и прин-

ципиальных сторонников нобилитета, и благонамеренных обывателей, страшившихся повторения демократического террора, и приверженцев республиканской свободы, которым ненавистен был образ любого грядущего царя, диктатора или тирана. Сражения Цезаревой гражданской войны (49—45 гг.) разыгрались в провинциях, решающая битва между Цезарем и Помпеем, произошедшая 6 июня 48 г. при фессалийском Фарсале, закончилась полным разгромом помпеянцев.

В лице командиров-республиканцев потерпела поражение прежде всего аристократическая клика, готовившая восстановление старых порядков, сулившая суровое наказание отпавшей к узурпатору Италии. Вместе с нею к последнему рубежу своего существования подошла и Римская республика, сложившаяся и процветавшая как государство нобилитета. В течение нескольких лет после победы при Фарсале Цезарь расширял свои полномочия, продвигаясь от временной к пожизненной диктатуре и далее, видимо, к царской диадеме. 15 марта 44 г. кинжалы заговорщиков оборвали честолюбивые замыслы «вечного диктатора». Среди убийц Цезаря преобладали уже не олигархи, но защитники республиканской свободы; из рядов его приверженцев выдвинулись борцы за единоличную власть.

Находясь в гуще событий, развивавшихся в сторону третьей гражданской войны, Атик сохранял непреклонное отвращение к политике. В то время как многие столичные всадники сражались на стороне Помпея, а затем поддержали тираноубийц Брута и Кассия, он решительно отстранился от дела республиканской партии, которую возглавляли самые близкие ему люди — Брут и Цицерон. Один из ярких эпизодов его нейтралитета приходится на весну или лето 44 г., когда в Риме накапливала силы Цезарианская партия во главе с консулом Антонием, а в портовом латинском городке Анции строили планы спасения государства, вытесненные из столицы убийцы Цезаря. Атик отказался тогда возглавить кампанию по сбору средств в помощь Бруту и Кассию — и не прогадал: уже в августе бывшие заговорщики были вынуждены эмигрировать в восточные провинции.

Второе проявление «божественной», как выражается Непот, предусмотрительности Атика приходится на весну 43 г.

Марк Антоний на исходе своего консульства сделал попытку водвориться в качестве наместника в Цизальпийской Галлии (северная Италия) — в той самой ближайшей к Риму провинции, откуда в 49 г. двинулся на Италию Цезарь. Наместник северной области Децим Брут, отказавшийся признать «перемену провинций», затворился в Мутине. С января 43 г. началась короткая Мутинская война, оказавшаяся прологом к третьей гражданской войне, которая превратилась в агонию Республики. Легионы Антония осадили Мутину. На помощь осажденным выступили консулы 43 г. Гирций и Панса, ставшие на сторону сенатско-республиканской партии. Третье правительственное войско, состоявшее в основном из ветеранов Цезаря, вел популярный среди солдат двадцатилетний Гай Юлий

Цезарь Октавиан, внучатый племянник покойного диктатора, его приемный сын и наследник, спешно облеченный званием претора. Вслед уходящим легионам гремели страстные речи Цицерона (14 знаменитых «филиппик»), обличающие пороки и царские вождедения Марка Антония.

Два апрельских сражения близ Мутины кончились поражением «мятежника». Оба консула заплатили за победу жизнью, зато опаснейший враг Республики покинул Италию, уводя остатки своего последнего легиона за Альпы, в неизвестность, как многие думали — в небытие. В это время многочисленные враги Антония ополчились в Риме против его друзей и родственников; один только Аттик, ко всеобщему недоумению, помогал жене и близким объявленного вне закона беглеца деньгами и участием. Несколько месяцев спустя обстоятельства переменялись таким образом, что милосердие римского всадника оказалось дальновиднее любого расчета. Уже в конце мая наместник Нарбонской Галлии (южная Франция, Прованс) М. Эмилий Лепид, державшийся вначале нейтралитета, объединил свои силы с отступившим в его владения Антонием. Одновременно сенат имел неосторожность поссориться с Октавианом, отказав ему в досрочном консульстве. В результате в августе 43 г. 8 легионов юного Цезаря заняли беззащитный Рим, а в ноябре под давлением солдат произошло полное примирение и объединение трех вождей: Антония и Лепида — бывших соратников Цезаря и Октавиана — «сына» диктатора. Официально ведущее их положение в государстве было оформлено в виде особой магистратуры «трех мужей, назначенных для восстановления государства» (триумвират). Первым делом триумвиров стала новая проскрипция — письменный указ об избиении без суда и следствия граждан, объявленных вне закона. Среди жертв этого страшнейшего в истории Рима террора оказались политические противники цезарианцев, личные враги триумвиров, просто богатые обыватели, привлечшие к себе внимание своим состоянием. Сам Аттик, как видно из рассказа Непота, несмотря на услуги семье Антония, едва спасся во время массовых убийств, став очевидцем гибели своих друзей: в декабре 43 г. на рострах была выставлена голова казненного Цицерона, осенью 42 г. Рим внимал вести о поражении республиканской армии при Филиппах (Македония), о гибели Брута и Кассия.

На глазах Аттика произошел раздел Римской державы между триумвирами; в течение последних 10-ти лет его жизни сохранялось противостояние двух главных хозяев римского мира: Цезаря Октавиана — повелителя Запада, и Марка Антония — владыки восточных провинций. В этот период были разгромлены силы последнего «спасителя республики» — Секста Помпея, сына Помпея Великого, создавшего своего рода пиратскую державу в Сицилии (36 г.); произошла отставка Лепида, примкнувшего к безнадежному делу Помпея; далеко на Востоке разыгрался роман Антония и Клеопатры; после временных смут, вызванных переделом земель в пользу ветеранов, укрепилась власть молодого Цезаря в Италии.

Двоевластие Октавиана и Антония нарушилось в год смерти

Аттика (32 г. до н.э.). За разрывом отношений последовала заключительная междоусобная война, окончившаяся гибелью Антония и Клеопатры (30 г. до н.э.). 13 января 27 г. до н.э. на новогоднем сенатском заседании победоносный наследник Цезаря был провозглашен первым гражданином (принцепсом) и верховным полководцем (проконсулом, императором) «возрожденной республики». Принятое им тогда же имя Августа, т. е. Священного, символизировало наступление новой эры — эпохи императорского Рима.

Хотя Аттик не дожил до формального учреждения нового строя, последние годы его протекали под властью единственного владыки Италии и Рима, чье имя Непот поминает уже с благоговением подданного. В этот предимперский период вызревала официальная идеология будущего Августова века с ее главным лозунгом возрождения здоровых порядков и нравов старины. Сверху насаждалась мода на изучение отеческих древностей, перекликаявшаяся с антикварными увлечениями римского общества конца Республики. Аттику, как всегда, везло: литературные интересы его, связанные с изысканиями в области древней римской истории, как нельзя более отвечали запросам новой эпохи.

Общее состояние римской литературы I-го в. до н.э. очерчено во вступительной статье, посвященной творчеству Непота. Как мы уже отмечали, Аттик не был профессиональным литератором. Хотя Непот и поместил его жизнеописание в книгу, объединявшей биографии писателей, литературной деятельности Аттика он уделил всего одну, 18 главу, в которой бегло поминаются все его немногие произведения: книга *Анналов* — краткий курс римской истории, содержащий, видимо, точный, но сухой перечень магистратов, законов, войн; таблицы и книги по генеалогии знатных родов; стихотворные подписи под портретами знаменитых мужей; греко-латинское сочинение о консульстве Цицерона. Занимая скромное место в ряду творцов, Аттик был видным представителем славного племени эрудитов, архивариусов и просветителей, исполняющих роль собирателей и хранителей культурных ценностей. Друзья уважали не столько его книги, сколько обширные познания. Судя по письмам Цицерона, историки обращались к нему за справками. Славилось «домашнее издательство» Аттика, укомплектованное вышколенными переписчиками книг. Великий памятник его организаторских способностей — дошедшие до нас сочинения Цицерона, размноженные трудами его искусных рабов.

В историю литературы Аттик вошел главным образом как неразлучный спутник жизни и творчества Цицерона. Свидетельством глубокого духовного родства этих людей служат сочинения великого оратора, многократно запечатлевшие имя его любимого друга, и 16 книг его писем, адресованных Аттику. В этой связи особую ценность имеет нравственный портрет ученого всадника, тщательно выписанный биографом-современником. И вне контекста римской истории выразительный образ, созданный Непотом, волнует читателя, побуждая его к спору о силе или слабости своеобразной жизненной позиции Тита Помпония Аттика. (Н. Н. Трухина).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЛУТАРХ

ИЗРЕЧЕНИЯ ЦАРЕЙ И ПОЛКОВОДЦЕВ (ФРАГМЕНТЫ)

ПЕРЕВОД М. Л. ГАСПАРОВА

Фемистокл

1. Фемистокл подростком увлекался женщинами и пьянством, но после того как Мильтиад разбил варваров при Марафоне, заставить его за такими беспутствами стало невозможно. Когда люди удивились такой перемене, он сказал: «Трофеи Мильтиада не дают мне теперь ни сна, ни приволья».

2. На вопрос, кем бы он предпочел быть, Ахиллом или Гомером, он ответил: «А ты кем — олимпийским победителем или глашатаем, выкликающим победителей?»

3. Когда Ксеркс великим нашествием шел на Элладу, то Фемистокл, опасаясь, что демагог Эпикрид, если станет стратегом, то трусостью своею и корыстолюбием погубит город, дал ему денег, чтобы тот лишь отступился от стратегии.

4. Когда Еврибиад не решался принимать морской бой, а Фемистокл ободрял эллинов и побуждал их к битве, то Адимант сказал ему: «Кто на состязаниях стартует слишком рано, того бьют, Фемистокл!» — а Фемистокл ответил: «А кто стартует слишком поздно, тот не получает венка, Адимант!»

5. Когда Еврибиад замахнулся на него палкою, он сказал: «Бей, но выслушай!»

6. Не надеясь, что Еврибиад примет бой в проливе, он тайно послал царю совет отрезать эллинам путь к отступлению; тот послушался, принял бой в проливе, где эллинам биться было удобнее, и оказался разбит. Тогда Фемистокл вновь послал ему совет как можно скорее отступить к Геллеспонту потому-де, что эллины задумали разрушить наведенный там мост. Так старался он спасти эллинов, делая вид, что спасает царя.

7. Один серифянин сказал ему, что всю свою славу он стяжал не благодаря себе, а благодаря своему городу. «Ты прав, — сказал Фемистокл, — ни я бы не прославился, будь я серифянин, ни ты, будь ты афинянин».

8. Красавец Антифат, в которого Фемистокл был влюблен, избегал его и пренебрегал им, но когда Фемистокл достиг великой славы и силы, то сам пришел и стал к нему ласкаться. «Поздно, мальчик, — сказал Фемистокл, — теперь мы оба стали умнее».

9. Симониду, который просил у него неправого приговора, он сказал: «Ни ты бы не был хорошим поэтом, если бы нарушал законы гармонии, ни я хорошим правителем, если бы нарушал законы судебные».

10. О сыне своем, которого баловала мать, он говорил, что это самый могущественный человек среди эллинов; над эллинами властвуют Афины, над Афинами — он, над ним — жена, а над женою — сын.

11. Когда за дочь его сватались хороший человек и богатый человек, он выбрал первого, сказав: «Лучше пусть человек нуждается в деньгах, чем деньги в человеке».

12. Продавая участок земли, он велел объявить, что и сосед у него хороший.

13. Услышав, что афиняне бранятся на него, он сказал: «Как вам не надоест столько раз получать благодеяния все от одних и тех же людей?» А себя он сравнивал с платаном: в ненастье под ним укрываются, а в погожий день обламывают ветки и отщипывают листья.

14. Эретрийцев он в насмешку сравнивал с каракатицею: жало у нее есть, а сердца нет.

15. Изгнанный из Афин, а потом и из Эллады, он пришел к царю; и когда царь предложил ему говорить, он начал: «Речи подобны расшитым коврам: когда они развернуты, то все в них напоказ, а когда свернуты, то все крыто и как бы не существует...»

16. Он испросил себе время выучить персидский язык, чтобы можно было говорить с царем прямо, а не через переводчика.

17. Одаренный щедрыми дарами и быстро разбогатев, он сказал своим людям: «Дети мои! Мы погибаем, если еще не погибли».

Аристид

1. Аристид Справедливый всякое государственное дело принимал в одиночку, а товариществ чуждался, полагая, что власть, приобретенная через друзей, мешает человеку быть справедливым.

2. Когда афиняне шумели о том, чтобы изгнать его остракизмом, к нему подошел какой-то человек, неученый и неграмотный, с черепком в руке и попросил написать ему имя Аристида. «Ты знаешь Аристида?» — спросил Аристид. — «Нет», — ответил тот, — но мне надоело слушать, как все его только и зовут, что Справедливый да Справедливый». И Аристид, не сказав ни слова, написал свое имя и отдал ему черепок.

3. Однажды он был отправлен в посольство вместе с Фемистоклом, хоть они и враждовали. «Давай, Фемистокл, — сказал он, — оставим нашу вражду на границе, а когда будем возвращаться, тогда, если хочешь, подберем ее опять».

4. Когда он ездил раскладывать по государствам союзные взносы, то вернулся, лишь обеднев от расходов на поездку.

5. Эсхил об Амфиарае написал:

Он хочет быть, а не казаться праведным:
Он из борозд глубоких сердца жатву жнет,
И в них решенья вызревают добрые.

И когда это было сказано в театре, то все взгляды обратились на Аристида.

Лисандр

1. Лисандр, когда тиран Дионисий прислал для дочерей его платья, не принял богатых и пышных, сказав: «Они в них покажутся безобразны».

2. Его порицали за многие хитрости, недостойные (потомков) Геракла; он отвечал: «Где не годится львиная шкура, нужно надеть лисью».

3. Аргивяне спорили с лакедемонянами за землю, и доводы их были явно справедливее; тогда Лисандр, обнажив меч, сказал: «У кого в руках вот это — тот и о границах лучше судит».

4. Видя лакедемонян в нерешительности перед стенами Коринфа, он заметил, что из города через ров выскочил заяц, и воскликнул: «Неужели вам страшны враги, которые так ленивы, что у них за стеною зайцы спят?»

5. В общем собрании против него дерзко говорил один мегарянин. Лисандр ответил: «Словам твоим недостает только города за спиной».

Алкивиад

1. Алкивиад мальчиком боролся в палестре. Схваченный противником и не в силах вырваться, он укусил одолевавшего за руку. Тот сказал: «Ты кусаешься, как бабы». Алкивиад ответил: «Нет, как львы».

2. Прекрасной своей собаке, купленной за 7 тыс. драхм, он отрубил хвост, сказав: «Пусть лучше афиняне рассказывают про меня об этом и не суют нос ни во что другое».

3. Однажды он пришел в училище и попросил «Илиаду», а учитель сказал, что Гомера у него нет; тогда он стукнул его кулаком и ушел.

4. Когда он пришел однажды к Периклу, ему сказали: «Он занят: обдумывает, как дать отчет афинянам». Алкивиад сказал: «Лучше бы он подумал, как не давать им никакого отчета».

5. Вызванный из Сицилии в Афины по уголовному обвинению, он скрылся бегством, сказавши, что нелепо спасаться от приговора, когда можно спастись от суда.

6. Кто-то спросил его: «И ты не доверяешь отечеству судить тебя?» — «Не доверю этого даже родной матери, — сказал он, — ведь и она может по ошибке положить черный камешек вместо белого».

7. Прослышав, что его с товарищами приговорили к смерти, он воскликнул: «Так покажем им, что мы еще живы!» — и, перейдя на сторону лакедемонян, он поднял против афинян Декелейскую войну.

Ификрат

1. Ификрат слыл сыном сапожника, и все его презирали. Прославился впервые он тогда, когда в бою, несмотря на рану, схватил вражеского воина и в доспехе унес его на свою триеру.

2. Располагаясь станом в земле союзной и дружеской, он заботливо окружал его и рвом и тыном. А на вопрос «чего ты боишься?» он ответил: «Нет хуже, чем когда полководец говорит: «Этого я не ожидал!»

3. Строясь против варваров, он сказал, что опасается, вдруг им незнакомо имя Ификрата, которого так боятся все остальные враги.

4. Обвиненный по уголовному делу, он сказал сикофанту: «Что ты делаешь, несчастный? Враг подступает к городу, а ты учишь граждан держать совет не со мною, а против меня?»

5. Гармодий, потомок древнего Гармодия, попрекал его безродностью. Ификрат ответил: «Мой род на мне начинается, твой на тебе кончается».

6. Один оратор вопрошал его в собрании: «Чем ты хвалишься? Кто ты? конник, латник, лучник, пелтаст?» — «Отнюдь,— ответил Ификрат,— но умею ими всеми распоряжаться».

Хабрий

1. Хабрий говорил, что лучший полководец тот, кто лучше всех знает дела врагов.

2. Он был обвинен в измене вместе с Ификратом, и Ификрат попрекал его, что в такой опасности он ходит в гимнастий и не пропускает обеда. «Так что ж! — сказал Хабрий,— если афиняне нас приговорят, то ты пойдешь на смерть голодный и иссохший, а я умасленный и сытый».

3. Он всегда говорил, что стадо оленей во главе со львом страшнее, чем стадо львов во главе с оленем.

Тимофей

1. Тимофей среди полководцев считался удачником, и завистники написали картину, как он спит, а Удача сама ему ловит сетью города. Тимофей сказал: «Если столько городов я беру во сне, то сколько же, по-вашему, возьму, когда проснусь?»

2. Один лихой стратег показывал афинянам свою рану. Тимофей сказал: «А мне так было только стыдно, когда в Самосской войне недалеко от меня упал камень из катапульты».

3. Ораторы прославляли Харета, и афиняне хотели его выбрать стратегом. «Не стратегом ему быть,— сказал Тимофей,— а подстилки носить за стратегами!»

Эпаминонд

1. Эпаминонд, когда был стратегом в Фивах, никогда не допускал в своем лагере панического страха.

2. Он говорил, что смерть в бою — это жертва богам.

3. Он говорил, что воины должны упражнять тело не только для атлетики, но и для боя: поэтому он терпеть не мог толстяков и одного такого даже изгнал из войска, сказав, что ни трех, ни четырех щитов не хватит прикрыть такое брюхо, из-под которого собственного уда не видно.

4. Жил он так просто, что однажды, приглашенный к соседу на ужин, где были и закуски, и пироги, и душистое масло, он тут же ушел, сказавши: «Я думал, здесь чтут богов, а не оскорбляют!»

5. Когда войсковой повар давал военачальникам отчет в расходах за несколько дней, Эпаминонд был недоволен только количеством масла. Товарищи его удивились, а он сказал, что огорчает его не расход, а то, что сколько масла пошло не для упражнений, а в пищу.

6. Однажды в праздник, когда все пили и гуляли, он попался кому-то на глаза, прохаживающийся хмуро и задумчиво; тот удивился, что он здесь один в таком виде делает, а он ответил: «Думаю, чтобы вы могли пить и ни о чем не думать».

7. Один дурной человек совершил небольшой проступок, за него просил Пелопид, но Эпаминонд отказал ему; за него попросила его любовница, и тогда Эпаминонд отпустил его, сказав: «Такая просьба к лицу девке, но не к лицу полководцу».

8. Перед спартанским нашествием фиванцы собрали оракулы: одни предвещали поражение, другие победу. Эпаминонд приказал положить одни справа от помоста, другие слева, а сам встал и сказал: «Если вы будете слушаться начальников и дружно идти на врага, то вот ваши оракулы», — и он показал на добрые, — «а если оробеете перед опасностью, то вот», — и он посмотрел на дурные.

9. В другой раз, когда он шел на врага, раздался гром, и спутники его спросили, что вещает им бог. Он ответил: «Гром грянет на врагов, потому что стали они в таком неудобном месте, хотя рядом было такое удобное».

10. Из всего, что выпало ему хорошего, говорил он, отраднее всего то, что и отец его и мать дожили до его победы при Левктрах над спартанцами.

11. Обычно он появлялся к людям с умашенным телом и ясным лицом, но после этой победы наутро вышел мрачный и неприбранный. На вопросы друзей, не случилось ли чего худого, он ответил: «Нет: просто вчера я радовался больше чем следовало человеку разумному, и вот сегодня наказываю себя за избыток радости».

12. Услышав, что спартанцы скрывают свои потери, и желая показать всю меру их бедствия, он позволил подбирать убитых на поле боя не всем сразу, а по отдельности каждому городу, и тогда стало видно, что одних лакедемонян пало больше тысячи.

13. Ясон, правитель Фессалии, явился в Фивы союзником и при-

слал для Эпаминонда 2 тыс. золотом. Эпаминонд жил очень скудно, но денег не взял, а когда увидел Ясона, сказал ему: «Нечистыми ты правишь руками!» Сам же он, когда шел на Пелопоннес, то должен был занять у одного фиванца 50 драхм на походные издержки.

14. Точно так же, когда персидский царь прислал ему 30 тыс. дариков, то он разбранил Диомедонта за то, что тот так далеко ехал, чтобы подкупить Эпаминонда, а царю велел передать, что если он хочет полезного Фивам, то и бесплатно будет иметь Эпаминонда другом, если же нет, то врагом.

15. Когда аргивяне сделались союзниками фиванцев, то афиняне прислали в Аркадию послов, очень бранивших и тех и других, причем аргивян ритор Каллистрат попрекал Орестом, а фиванцев Эдипом. На это Эпаминонд встал и сказал: «Да, у нас был отцеубийца, а у аргивян матереубийца, но мы и того и другого изгнали, а афиняне приняли».

16. Спартанцы предъявляли фиванцам множество тяжелых обвинений. Эпаминонд сказал: «Зато они отучили вас от лаконичности».

17. Когда Александр, тиран Ферский, стал врагом фиванцев, то афиняне заключили с ним союз, а он обещал снабдить их мясом по пол-обла за мину. Эпаминонд сказал: «А мы тогда бесплатно дадим афинянам дрова, чтобы его поджарить: пусть они только пошевелиятся, и мы вырубим их страну до единого дерева!»

18. Беотяне любили привольный покой, а он хотел держать их при оружии; поэтому всякий раз, как его выбирали беотархом, он им говорил: «Согласитесь, граждане, ведь если я ваш полководец, то вы должны быть моим полком!» Землю их, плоскую и ровную, он называл «площадка для войны» и говорил, что поэтому они не могут ею владеть, не имея все время щита на руке.

19. Когда Хабрий под Коринфом убил нескольких фиванцев, от запальчивости вырвавшихся за ворота, и поставил трофей, Эпаминонд сказал со смехом, что это не трофей Аресу, а столб Гекате, — ибо столбы Гекате ставились перед любыми воротами в том месте, откуда расходились дороги.

20. Когда ему сообщили, что афиняне отправили в Пелопоннес войско с новым оружием, он спросил: «Разве станет Антигенид тревожиться, если у Теллида новая флейта?» Этот Теллид был плохой флейтист, а Антигенид — очень хороший.

21. Узнав, что его щитоносец получил большие деньги как выкуп от одного пленника, он ему сказал: «Отдай мне щит, купи себе лавочку и доживай свой век: все равно ты уже не захочешь рисковать жизнью, сделавшись богатым и довольным».

22. На вопрос, какой полководец лучше, Хабрий или Ификрат, он ответил: «Нельзя сказать, пока все мы живы».

23. Возвращаясь из Лаконики, он со своими товарищами по начальству едва не попал под уголовное обвинение за то, что был беотархом на четыре месяца дольше положенного. Он попросил товарищей свалить свою вину на него, как будто он их принудил, а о себе сказал, что говорить речи он умеет хуже, чем делать дело, но если

нужно будет говорить перед судьями, он скажет: «Если вы меня казните, то на могильной плите напишите ваш приговор, чтобы эллины знали: это против воли фиванцев Эпаминонд заставил их выжечь Лаконику, 500 лет никем не жженую, отстроить Мессену, 230 лет как разрушенную, собрать и объединить Аркадию, а для всех эллинов добиться независимости: ибо все это было сделано именно в этом походе». И судьи со смехом разошлись, не взяв даже в руки камешков для голосования.

24. В последней битве раненый и вынесенный с поля, он позвал Данфанта, потом Иоланда, но ему сказали, что они убиты; тогда он велел заключать с неприятелем мир, потому что больше в Фивах полководцев нет. И слова его подтвердились,— так хорошо он знал своих сограждан.

Пелопид

1. Пелопид, товарищ Эпаминонда по военачальству, когда друзья попрекали его, что он не заботится о деньгах, без которых жить нельзя, отвечал им: «Если нельзя, то разве что вот кому!» — и показал на Никомеда, хромого и увечного калеку.

2. Он шел на войну, и жена просила его побережь себя. «Это надо говорить другим,— сказал Пелопид,— а полководец должен беречь своих сограждан».

3. Кто-то из воинов сказал: «Мы попались неприятелям!» «А почему не они нам? — спросил Пелопид.

4. Коварно захваченный и брошенный в темницу Александром Ферским, он осыпал его резкими словами. «Ты торопишься умереть?» — спросил Александр. «Да,— ответил Пелопид,— чтобы фиванцы вознегодовали, и ты скорее бы понес наказание».

5. Фива, жена тирана, пришла к Пелопиду и сказала, что ей удивительно видеть, как весел он в оковах. Он ответил, что ему еще удивительнее, что она не в оковах, а по доброй воле повинуется Александру.

6. Освобожденный Эпаминондом, он сказал, что благодарен Александру: теперь он убедился, что у него хватит мужества смотреть в глаза не только войне, но и смерти.

Агесилай

1. Агесилай говорил, что жители Азии — это никуда негодные свободные граждане, но превосходные рабы.

2. Слыша, как они по привычке называют персидского царя «Великим», он сказал: «Чем он больше меня, если он не умнее и не справедливее?»

3. На вопрос, что лучше, храбрость или справедливость, он сказал: «Будь в нас справедливость, зачем была бы нам храбрость?»

4. Ночью быстро снимаясь с лагеря из вражеских мест, он увидел своего любимца в слезах, что его оставляют как слабосильного и сказал: «Трудно вместе жалости и уму!»

5. Врач Менеkrat, величавший себя Зевсом, прислал ему письмо: «Менеkrat-Зевс царю Агесилаю желает счастья»; Агесилай ответил: «Царь Агесилай Менеkrату желает здравого ума».

6. Когда лакедемоняне победили афинян с союзниками при Коринфе и он узнал, сколько там polegло врагов, то воскликнул: «Бедная Эллада! ты столько погубила своих, сколько бы хватило победить всех варваров».

7. Получив в Олимпии нужный оракул от Зевса, он по приказу эфоров должен был обратиться с тем же вопросом и к пифийскому оракулу; и он послал в Дельфы спросить его так: «Подтверждает ли Феб слова отца своего?»

8. Прося у Гидриея Карийского за своего друга, он написал ему: «Если Никий не виноват,пусти его, если виноват,пусти ради меня, нопусти».

9. Человеку, который звал его послушать певца, подражавшего соловью, он сказал: «Я слышал и самого соловья».

10. После битвы при Левктрах все, кто дрогнул, по закону должны были лишиться прав; но эфоры, видя, что так город останется без граждан, решили отменить закон и поручили это Агесилаю. Он выступил и приказал: «Блюсти закон, начиная с завтрашнего дня».

11. Посланный на помощь египетскому царю, он должен был с ним обороняться против многократно превосходящих врагов, которые окружали рвом его лагерь. Царь приказал прорваться силою, но Агесилай распорядился не мешать врагам, коли они сами хотят уравнивать силы; а когда между концами рва осталось лишь малое пространство, он выстроил здесь войско и, сразившись равными силами, победил.

12. Умирая, он приказал сыновьям не ставить ему ни лепнины, ни писанины (так он называл изображения): «Если я что сделал хорошего, это мне и будет памятником, если нет, то не будут и никакие статуи».

Фокион

1. Фокион Афинский был человек, которого никто не видел ни смеющимся, ни плачущим.

2. В собрании кто-то ему сказал: «Ты все размышляешь, Фокион?» «Ты прав,— ответил тот,— размышляю, как бы обойти то, что надо мне сказать против афинян».

3. Афинянам был оракул, что есть среди них один человек, который мыслит не так, как все, и они шумели, что нужно его обнаружить. Фокион заявил, что это он: ибо только он недоволен всем, что говорит и делает большинство.

4. Однажды, говоря перед народом, он имел успех, и все принимали его речь с одинаковым удовольствием; увидев это, он обратился к друзьям и спросил: «Не сказал ли я ненароком чего дурного?»

5. Афиняне делали сбор на какое-то жертвоприношение, и все

уже дали деньги и настойчиво требовали `от него; но он ответил: «Стыдно бы мне было вам дать, а вот этому не отдать»,— и показал на своего заимодавца.

6. Оратор Демосфен ему сказал: «Афиняне тебя прикончат». «Да,— отвечал Фокион,— если сойдут с ума; а тебя — если возьмутся за ум».

7. Сикофант Аристогитон был приговорен и ждал смерти в тюрьме. Он просил Фокиона прийти к нему, но друзья не хотели пускать его к такому негодяю. «Оставьте,— сказал Фокион,— где, как не в тюрьме, мне приятнее всего разговаривать с Аристогитоном?»

8. Афиняне негодовали на жителей Византия, которые не впускали Харета, посланного к ним с войском в помощь против Филиппа. Фокион сказал: «Негодовать надо не на союзников, которые не доверяют, а на стратегов, которым не доверяют». Тогда его самого выбрали стратегом; и так как жители Византия ему доверяли, то он добился того, что Филипп отступил, ничего не достигнув.

9. Царь Александр прислал ему в подарок сто талантов; он спросил принесших, почему среди стольких афинян Александр это дарит ему одному, и те ответили: «Потому что только тебя он считает прекрасным и добрым». «Пусть же он мне позволит таким не только считаться, но и быть»,— сказал Фокион.

10. Александр потребовал у афинян кораблей, и народ подступал к Фокиону, чтобы тот высказал свой совет. Фокион встал и сказал: «Советую вам или быть сильными, или дружить с сильными».

11. Когда разнеслась глухая весть о кончине Александра и ораторы один за другим вскакивали на помост и требовали немедленно браться за оружие, Фокион предложил подождать и сперва проверить сведения: «Если он мертв сегодня,— сказал он,— то будет мертв и завтра и послезавтра».

12. Когда Леосфен, возбудив афинян блестящими надеждами на свободу и гегемонию, вверг их в войну, Фокион сказал, что его речи — как кипарисы: высоки и прекрасны, но бесплодны. Первые действия были удачны, и граждане праздновали добрые вести жертвоприношением; Фокиона спросили, разве он не хотел для города таких успехов? Он ответил: «Таких успехов, но не таких решений».

13. Македоняне вторглись в Аттику и разоряли побережье; Фокион вышел на них со всеми, кто мог носить оружие. Многие бежали за ним и подавали советы занять такой-то холм и поставить там-то отряд. «Великий Геракл! — воскликнул он,— как много у меня стратегов и как мало бойцов!» Тем не менее в битве он одержал победу и убил Никиона, начальника македонян.

14. Вскоре афиняне были побеждены и приняли гарнизон Антипатра. Начальник его Менилл предлагал Фокиону деньги, но тот в негодовании, сказал: «Ты не лучше, чем Александр, а цель твоя хуже, чем у Александра: отказавши Александру, как же я возьму у тебя?»

15. Антипатр говорил, что в Афинах у него два друга: Фо-

кион, которого ничего не заставишь взять, и Демад, которого ничем не насытишь, дав.

16. Антипатр хотел, чтобы он сделал что-то несправедливое; Фокион сказал: «Нельзя, Антипатр, иметь в Фокионе сразу и друга и лстеца».

17. После гибели Антипатра в Афинах восстановилась демократия, и Фокион с товарищами был осужден Народным Собранием на смерть. Другие плакали, Фокион шел молча; кто-то из врагов подскочил и плюнул ему в лицо, он повернулся к начальникам и сказал: «И никто не уймет этого безобразника?»

18. Один из тех, кто был приговорен вместе с ним, все время роптал и возмущался. Фокион сказал ему «И ты недоволен, Фудипп, что умираешь вместе с Фокионом?»

19. Уже подавая ему отраву, его спросили, не хочет ли он чего завещать сыну. Он сказал: «Об одном его прошу: не хранить зла против афинян!»

Катон Старший

1. Катон Старший, обличая народ в роскоши и мотовстве, сказал: «Трудно говорить с желудком, у которого нет ушей!»

2. И еще: «Удивительно, как еще стоит город, где за рыбу платят дороже, чем за быка!»

3. Недовольный, что женщины забирают все большие власти, он сказал: «Везде мужчины властвуют над женщинами, и только мы властвуем над всеми мужчинами, а женщины над нами».

4. Он говорил, что предпочел бы, чтобы его не отблагодарили за доброе дело, чем, чтобы не наказали за дурное, и что он готов простить поступок каждому, только не себе.

5. Побуждая магистратов быть суровыми к проступкам, он говорил, что, кто может воспрепятствовать злу и не препятствует, тот ему подстрекатель.

6. Из молодых людей, говорил он, лучше те, которые краснеют, а не те, которые бледнеют.

7. Он говорил, что терпеть не может таких воинов, которые в походе дают волю рукам, а в бою ногам, и у которых ночной храп громче, чем боевой крик.

8. Худший из властителей, говорил он, тот, который не умеет властвовать собою.

9. Стыдиться, считал он, нужно прежде всего перед самим собой: ведь от себя человеку никогда не уйти.

10. Глядя на множество воздвигнутых статуй, он сказал: «А обо мне пусть лучше люди спрашивают, почему Катону нет памятника, чем почему ему стоит памятник».

11. Кто может своевольничать, тем он советовал воздерживаться, чтобы сохранить эту возможность навсегда.

12. Кто отымает у добродетели похвалу, говорил он, тот отымает у юношества добродетель.

13. Находясь у власти государственной или судебной, говорил

он, нельзя ни упорствовать пред справедливостью, ни склоняться пред несправедливостью.

14. Несправедливость, говорил он, пагубна если не для самих несправедливцев, то для всех остальных.

15. Старость, говорил он, и так безобразна, не нужно делать ее еще и порочной.

16. Гнев от безумия, говорил он, отличается лишь непродолжительностью.

17. Зависть, говорил он, не касается тех, кто пользуется своим счастьем умеренно и пристойно: завидуют ведь не нам, а тому, что вокруг нас.

18. Кто серьезен в смешных делах, говорил он, тот будет смешон в серьезных.

19. Хорошие дела, говорил он, нужно перекрывать новыми хорошими делами, чтобы не выдохлась добрая слава.

20. Он был недоволен, что граждане каждый год переизбирают одних и тех же лиц на государственные должности: «По-вашему, стало быть,— говорил он,— или власть немного достойна, или власти немногие достойны».

21. Когда один человек продал свое приморское поместье, Катон в притворном восторге сказал: «Он сильнее моря: оно этот берег глодало и глодало, а он взял да проглотил одним глотком».

22. Притязая на цензорство и видя, что другие обхаживают народ просьбами и лестью, он воскликнул, что народу нужен врачебный нож и сильное очистительное средство, а поэтому выбирать следует не того, кто приятнее, а того, кто непреклоннее. И после этого он был избран единогласно.

23. Когда он учил юношей храбро биться, то часто говорил, что отражать и сокрушать врага бывает легче словом, чем мечом, и голосом, чем рукою.

24. Воюя в Бетике, он находился в опасности от многочисленного неприятеля. Кельтиберы предлагали ему помощь за 200 талантов, но римляне не позволили ему платить жалованье варварам. «Вы неправы,— ответил Катон,— если мы победим, то платить будем не мы, а враги, если же нас победят, то некому будет ни получать, ни платить».

25. Взявши больше городов, чем провоевал он дней (так говорил он), для себя он воспользовался из добычи только тем, что съел и выпил.

26. Каждому воину он роздал по фунту серебра, заявив, что лучше пусть многие вернуться из похода с серебром, чем немногие с золотом, военачальникам же в своем начальстве и вовсе ничего не надобно, кроме славы.

27. В походе с ним было пять рабов; один из них купил себе трех военнопленных; но когда это стало известно Катону, то из страха предстать ему на глаза раб повесился.

28. Когда Сципион Африканский попросил его помочь ахейским изгнанникам воротиться в отечество, он заявил, что это не его дело, а когда об этом пошли долгие прения в сенате, он встал и сказал:

«Разве нам нечего делать, что мы спорим в заседании о том, кому хоронить каких-то дряхлых греков, нашим могильщикам или ахейским?»

29. Постумий Альбин написал историю по-гречески и попросил прощения за это у слушателей. «За что его прощать? — пошутил Катон, — разве это какой-нибудь амфикионский указ приневоливал его писать по-гречески?»

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГИ КОРНЕЛИЯ НЕПОТА

Вступительный очерк

3

О ЗНАМЕНИТЫХ ИНОЗЕМНЫХ ПОЛКОВОДЦАХ

<i>Предисловие</i>	10
I. МИЛЬТИАД	11
Примечания	14
II. ФЕМИСТОКЛ	15
Примечания	20
III. АРИСТИД	22
Примечания	23
IV. ПАВСАНИЙ	23
Примечания	25
V. КИМОН	26
Примечания	27
VI. ЛИСАНДР	28
Примечания	29
VII. АЛКИВИАД	30
Примечания	35
VIII. ФРАСИБУЛ	37
Примечания	38
IX. КОНОН	39
Примечания	41
X. ДИОН	42
Примечания	46
XI. ИФИКРАТ	47
Примечания	48
XII. ХАБРИЙ	49
Примечания	50
XIII. ТИМОФЕЙ	51
Примечания	53
XIV. ДАТАМ	54
Примечания	58
XV. ЭПАМИНОНД	59
Примечания	63
XVI. ПЕЛОПИД	65
Примечания	67
XVII. АГЕСИЛАЙ	68
Примечания	71
XVIII. ЭВМЕН	73
Примечания	79
XIX. ФОКИОН	80
Примечания	81
XX. ТИМОЛЕОНТ	82
Примечания	84
XXI. О ЦАРЯХ	85
Примечания	86

XXII. ГАМИЛЬКАР	88
Примечания	89
XXIII. ГАННИБАЛ	90
Примечания	96

ИЗ КНИГИ О РИМСКИХ ИСТОРИКАХ

XXIV. М. ПОРЦИЙ КАТОН	100
Примечания	101
XXV. Т. ПОМПОНИЙ АТТИК	102
Примечания	112

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ К ГРУППАМ БИОГРАФИЙ

(Н. Н. Трухина)

АФИНЫ в V в. до н.э.	116
К жизнеописаниям Мильтиада, Фемистокла, Аристиды, Кимона, Алкивиада и Фрасибула	116
СПАРТА в V—IV вв. до н.э.	131
К жизнеописаниям Павсания, Лисандра, Агесилая	131
БЕОТИЯ в IV в. до н.э.	141
К жизнеописаниям Эпаминонда и Пелопида	141
АФИНЫ в IV в. до н.э.	153
К жизнеописаниям Конона, Ификрата, Хабрия, Тимофея	153
СИЦИЛИЯ в IV в. до н.э.	163
К жизнеописаниям Диона и Тимолеонта	163
НА ГРАНИЦЕ КЛАССИКИ И ЭЛЛИНИЗМА	168
К жизнеописаниям Фокиона и Эвмена	168
ПЕРСИДСКИЕ ЦАРИ И ПОЛКОВОДЦЫ В КНИГЕ НЕПОТА	174
К жизнеописанию Датама, к фрагменту «О царях»	174
ПУНИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ	177
К жизнеописаниям Гамилькара и Ганнибала	177
РИМСКОЕ ОБЩЕСТВО II—I вв. до н.э.	185
К жизнеописаниям Катона и Аттика	185

ПРИЛОЖЕНИЕ

Плутарх. Изречения царей и полководцев (фрагменты). Перевод М. Л. Гаспарова	195
---	-----

Научно-художественное издание

КОРНЕЛИЙ НЕПОТ

О ЗНАМЕНИТЫХ ИНОЗЕМНЫХ ПОЛКОВОДЦАХ

ИЗ КНИГИ О РИМСКИХ ИСТОРИКАХ

Зав. редакцией Н. М. Сидорова. Редактор В. В. Белугина. Художественный редактор Ю. М. Добрянская. Художник Ю. И. Артюхова. Технический редактор М. Б. Терентьева. Корректоры Е. Б. Витюк, И. В. Иванова

ИБ № 3503

Сдано в набор 27. 08. 91. Подписано в печать 26. 02. 92. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офс. № 2. Гарнитура литературная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 13,0. Уч.-изд. л. 15,97. Тираж 26600 экз. Заказ 1—405. Изд. № 1661.

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета. 103009, Москва, ул. Герцена, 5/7. Полиграфкомбинат «Молодь». 254119, Киев, ул. Пархоменко, 38—44.

